

Гуд даг! Говорит Москва!

МОРТЕН ЙЕНТОФТ

МОРТЕН ЙЕНТОФТ

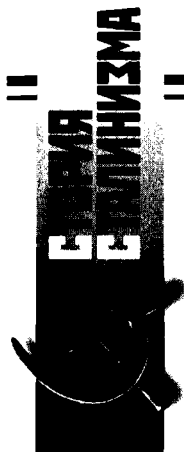
ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

Гуд даг! Говорит Москва!

Радио Коминтерна,
советская пропаганда и норвежцы

**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Совет при Президенте Российской
Федерации по развитию гражданского
общества и правам человека**

**Государственный архив
Российской Федерации**

**Российский государственный архив
социально-политической истории**

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

MORTEN JENTOFT

RADIO MOSKVA

**NORDMENN
I SOVJET-PROPAGANDAENS TJENESTE**

**GYLDENDAL
NORSK FORLAG
2012**

МОРТЕН ЙЕНТОФТ

Гуд даг! Говорит Москва!

РАДИО КОМИНТЕРНА,
СОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА
И НОРВЕЖЦЫ

РОССПЭН

Москва
2013

УДК 94(082.1)
ББК 63.3(2)6-7
ИЗ0

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер Д'Анкокс (*Hélène Carrère D'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
М. А. Федотов, О. В. Хлевнюк

Йентофт М.

ИЗ0 Гуд даг! Говорит Москва! Радио Коминтерна, советская пропаганда и норвежцы / Мортен Йентофт [пер. с норв. Е. Гончаровой]. – М. : Политическая энциклопедия, 2013. – 247 с. : ил. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1803-6

В книге рассказывается о работе норвежской редакции «Радио Москва» начиная с предвоенного 1938 года. В центре событий – истории норвежских журналистов-коммунистов, приехавших в Советский Союз работать в редакции советского радио. Это документальное произведение, которое повествует о буднях норвежской редакции московского иновещания, о том, как кроме советской пропаганды в эфир на коротких волнах шли настоящие репортажи и креативные сюжеты.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей и развитием взаимоотношений между Россией и Норвегией в XX в.

*Norwegian edition published by Gyldendal Norsk Forlag AS, Oslo.
Published by agreement with Hagen Agency, Oslo and Gyldendal Norsk
Forlag AS, Oslo*

УДК 94(082.1)
ББК 63.3(2)6-7

ISBN 978-5-8243-1803-6

© Gyldendal Norsk Forlag AS, 2012
© Гончарова Е., перевод
на русский язык, 2013
© Политическая энциклопедия,
2013

НА СЛУЖБЕ У СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

«Подвал в доме торговца Абрахамсена в Киберге доверху забит трупами советских солдат!» – такое жутко звучащее сообщение можно было услышать, настроившись осенью 1951 года на волну Московского радио, вещавшего на норвежском языке.

Шла операция «Асфальт»: похороненных в разных местах Северной Норвегии советских солдат перевозили из отдельных могил и небольших общих захоронений на остров Тьотта в Хельгеланде. В Кремле это расценили как глумление над памятью погибших советских солдат, освободивших семь лет назад север Норвегии от немцев. С помощью Московского радио советские власти старались показать, как дико все это выглядит с точки зрения Москвы. Это подействовало; сотни норвежцев открыто выступали против того, что они считали надругательством над мертвыми, да еще и неслыханного масштаба¹.

За свою историю Московское радио сменило немало названий. Вещание на «заграницу» называлось когда-то Инорадио, или Иновещание. Повсюду в разных уголках мира у радиоприемников собирались люди, чтобы услышать первые, еще несмелые попытки вещания из советской столицы. «Ваши передачи имеют огромное значение, они рассказывают правду о происходящем в Европе. Все антифашисты благодарны вам за это», – писал в редакцию Московского радио 2 мая 1939 года слушатель из Хаугесунда. А днём ранее из Тёнсберга сообщали, что послушать репортаж о Первомайской демонстрации на Красной площади у них дома собралось около радиоприёмника десять человек².

А во время Второй мировой войны фронтовые сводки из Москвы являлись важным источником информации для нелегальной прессы, которая начала выходить в оккупированной немцами Норвегии. Поэтому в майские дни 1945 года статус героев наравне со многими тысячами советских солдат, выходивших из немецких лагерей по всей Норвегии от Трумса на севере до Агдера на юге, получили и дикторы Московского радио. Но потом, уже в послевоенные годы, когда речь в Норвегии заходила о радионовостях во время войны, все почему-то

называли только передачи Би-би-си. Видимо, значение Московского радио для норвежской нелегальной прессы в военное время никак не укладывалось в представление о норвежском сопротивлении, руководство которым осуществлялось из Лондона, и коммунисты играли в нем незначительную, а подчас и сомнительную роль.

Передачи Московского радио продолжались после войны, и еще несколько десятилетий по всей Норвегии у радио было много верных слушателей. Но со временем многие из них потеряли интерес к длинным отчетам о речах партийных вождей, которые Сталин или Хрущев произносили на пленумах ЦК КПСС.

«Должен признаться, мне было часто неловко из-за материала, который мы передавали в эфир. Мы ведь понимали, что все это – чистая пропаганда, но и мир был тогда совсем другой – не такой как сейчас». Эти слова я услышал от Пера Линда, когда разговаривал с ним в его маленькой квартирке в Хёнефоссе. Пер Линд в 1960-е годы четыре года проработал диктором на Московском радио. Потом он много лет работал учителем в Норвегии и вышел на пенсию. Ученики его любили. Во время встречи со мной он охотно рассказывал о годах, проведенных на службе у советской пропаганды, признавая, что оказался в стане проигравших в холодной войне. Может быть, именно поэтому мало кому до нашей встречи было интересно узнать его историю³.

А вот слова Май Весенберг: «Я была вынуждена сидеть и переводить весь этот бред, моя работа казалась мне какой-то смиренной рубашкой».

Хотя никто из норвежцев не проработал на Московском радио дольше, чем она, и работа наложила неизгладимый отпечаток на всю ее жизнь, она не любит говорить об этом. В безграничном обожании великого и всемогущего Иосифа Сталина прошел целый период ее жизни до смерти вождя в 1953 году. Тогда к ним в редакцию приехал «сам» министр иностранных дел Вячеслав Молотов. Она помнит, как стояла прижавшись к стене, когда высокопоставленный партиец – уса́тый низкорослый человек в очках – быстро прошел мимо, торопясь на встречу с руководством радио⁴.

Когда в конце 1960-х годов Май Весенберг вернулась домой в Норвегию, она почувствовала, что вызывает подозрения к себе. Так встречали всех, кто был связан с Московским радио. В первую очередь норвежские власти не спускали бдительного ока с тех норвежцев, которые во время Второй мировой войны находились в Советском Союзе. Но таким же образом они относились и к сотрудникам Московского радио – как во время их работы в Москве, так и затем, после их возвращения в Норвегию⁵.

Работа на Московском радио ни для кого из них не прошла бесследно. Например, Гильберт Фуруботн, стоявший у истоков московского вещания на Норвегию во время Второй мировой войны, до конца жизни серьезно страдал от алкогольной проблемы. Вообще мало кому из сотрудников редакции Московского радио удалось прожить жизнь стандартного формата; почти всем им пришлось пережить личные трагедии.

«В Норвегии и Швеции была плохая погода, получше – в Финляндии, а в СССР – просто замечательная», – так оптимистично выразился норвежский турист в беседе в июле 1960 года с журналистом Московского радио Кристианом Халдорсеном, который оказался одним из тех, кто создавал неизвестную нам историю норвежского радио⁶.

НАШ АДРЕС: ДОМ РАДИО, МОСКВА

«Передачу она закончила словами: будем рады, если слушатели сообщат нам свое мнение», – писала из Осло 15 февраля 1939 года Клара Далланд своим родным, живущим в Бергене. Клара рассказывала о том, что норвежские передачи из Москвы ведёт теперь Анна Далланд – ее невестка. Заканчивая передачу, Анна Далланд всегда напоминала: «Наш адрес – Дом радио, Москва. Повторяю – Дом радио, Москва. До свидания, дорогие радиослушатели».

Для Клары Далланд слышать голос Анны в эфире было необыкновенно важно, хотя она регулярно переписывалась с невесткой и со своей внучкой Эвой, оказавшимися в Москве. Благодаря радио, они как будто бы были рядом – дома в Норвегии. «Я представляю себе, что она разговаривает со мной, ждёт от меня письма», – делилась своими чувствами с родными Клара Далланд в том же письме¹.

Анна Далланд была первым диктором норвежской редакции Московского радио. Она никогда не думала, что станет «звездой» эфира. Все действительно получилось случайно, но в 1938 году Анна Далланд стала первой норвежкой, доносившей до слушателей «голос свободы с Востока»². В последнюю мирную для Европы зиму норвежцы иногда по вечерам вдруг стали слышать норвежскую речь в передачах шведской редакции Московского радио. Резковатый женский голос с характерным бергенским акцентом объявлял произведения при трансляциях классической музыки. Сами же музыкальные программы предварялись красивыми словами о том, что нынешнее советское искусство – результат целенаправленной сталинской политики развития и прогресса в образцовой стране социализма.

Анна родилась в 1901 году в Бергене. Из переписи населения 1920 года можно узнать, что ее отец Андреас Паульсон работал в банке. Семья, которая проживала в Сандалене в местечке Фана к югу от Бергена, считалась по тогдашним меркам зажиточной: у них была даже служанка. Отец много значил для Анны³.

Андреас Паульсон имел приличную работу в Бергенском отделении Норвежского банка, но был в первую очередь известен как публицист, выступающий за дело рабочего класса. Он также был одним

из ведущих литературных критиков в газете «Арбейдет» («Труд»). Андреас Паульсон остался в газете и после того, как издание стало органом Коммунистической партии Норвегии. С 1929 года он начал сотрудничать еще одной газетой – с «Арбейдерблад» («Рабочая газета» в Бергене), и писал в нее это до самого закрытия газеты немецкими оккупационными властями в 1942 году⁴.

Анна Хагеруп Паульсон была младшей дочкой в семье. Как-то получилось, что не только она связала свою жизнь с Россией. Ее старшая сестра Ослауг была в ноябре 1911 года помолвлена с русским полярником Александром Кучиным из Онеги. За год до этого он участвовал в экспедиции Руальда Амундсена к Южному полюсу, но во время русской экспедиции по морям Северного Ледовитого Океана в 1912 году Кучин пропал без вести⁵.

В доме, где выросла Анна Паульсон, политика, культура и Россия были важными темами разговоров. Проведя восемь лет за партией народной школы, Анна получила работу в газете «Арбейдет», то есть в той же газете, с которой много лет сотрудничал ее отец. После раскола в Рабочей партии в 1923 году, газета «пошла» за Норвежской Коммунистической партией, и в течение многих лет была влиятельной газетой в Бергене и его окрестностях, ее читали многие люди, не только «несгибаемые коммунисты».

Начав свою рабочую карьеру как машинистка и стенографистка, Анна Паульсон пробовала себя и как журналист. Вращаясь в кругах радикально настроенной бергенской молодежи, она познакомилась с Рандульфом Далландом, семья которого тоже участвовала в рабочем движении. В 1927 году они поженились, у них родилась дочь Эва. В связи с рождением дочки Анна на какое-то время отошла от рабочего движения, но вскоре они с мужем Рандульфом переехали в Одду. Это местечко тогда называли «оплотом красных». Там Анна стала работать в партийной газете «Хардангер Арбейдерблад», где ее муж в 1930–1932 годах был редактором. Анна Далланд примкнула к рабочему движению в юном возрасте, и когда в 1923 году Рабочая партия раскололась из-за событий в Москве и в русской коммунистической партии⁶, она встала на сторону норвежских коммунистов.

Рандульф Далланд родился в 1900 году. Он получил специальность водопроводчика, но еще в юности начал активно участвовать в рабочем движении, что создало ему проблемы на работе. В конце 1920-х годов это стало одной из причин переезда в Одду, где он, кроме работы в редакции газеты, создал свою собственную фирму. Рандульф Далланд принадлежал к закалённым коммунистам Бергена, которых

не так легко было сбить с верного пути, даже тогда, когда популярность НКП упала до нуля⁷.

Для Рандульфа и Анны Далланд это время в политическом отношении было тяжелым, что называется, они шли «против ветра». На парламентских выборах в 1930 году НКП получила всего 20 351 голос (1,7 %) и потеряла представительство в Стортинге. Но Анна и Рандульф остались верны коммунистической прессе. С приходом Гитлера к власти в Германии в 1933 году, когда фашизм начал победное шествие по Европе, коммунистам стало легче защищать идею общей сплоченности ради сохранения демократии и защиты прав членов профсоюзов. Все сомнения по поводу происходившего в первой в мире стране социализма – СССР – были отброшены.

Вскоре для Анны и Рандульфа Далландов отношение к Сталину и СССР наполнилось совершенно конкретным содержанием. В 1935 году Рандульф Далланд оказался среди последних норвежских слушателей Международной ленинской школы* в Москве. Школа была одним из двух знаменитых, оваянных легендами учебных заведений, созданных международной коммунистической организацией Коминтерн.

В этих учебных заведениях учились тысячи коммунистов со всего мира, среди них были 89 норвежцев. Все они приехали в Москву, чтобы постигать основы коммунистического учения, а также чтобы совершенствовать свои навыки практической организации политработы. Некоторые учились в Москве по одному году, а самый длинный курс был рассчитан на три года. Мало кто брал с собой в Москву семью: это было не принято, но Рандульфу в марте 1936 года разрешили приехать вместе с женой Анной и дочкой Эвой, которой исполнилось 8 лет. Рандульф в то время уже был опытным профессиональным революционером, с «правильной» биографией – рабочий, редактор, видный член НКП⁸.

«Какой удачей было тогда для молодого человека попасть в Москву – в самый главный штаб коммунистического движения», – так описывал Эйнар Алсвик свою встречу с Москвой. Это впечатление он, вероятно, разделял с другими верными партийцами – коммунистами, приезжавшими в то время в Москву, чтобы поступить в партийную школу. Эйнар Алсвик стал слушателем Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), где об-

---

* Международная ленинская школа (МЛШ) – учебное заведение Коминтерна, основанное в Москве для обучения деятелей революционного движения стран Европы и Америки, действовала в 1925–1938 годах. *Здесь и далее со звездочками примеч. пер.*

разование было гораздо шире того «ортодоксального», которое получали большинство «пламенных» коммунистов в МЛШ⁹.

Рандульф Далланд был далеко не первым бергенцем, приехавшим укреплять свою веру в коммунизм. В 1928 году Биргер Окерманн начал двухлетнее образование в КУНМЗ, а за ним последовали и другие, и среди них – Биргит Хансен, которая впоследствии вышла замуж за брата Рандульфа Далланда Бьярне.

На эти школы в Москве смотрели как на кузницы кадров, где готовили людей, способных насильственным путём захватить власть у себя на родине. Учили, так сказать, «вооруженной революции». И действительно, в обучении было много такого, что подкрепляло циркулировавшие о «московских школах» слухи. Так, студентам присваивались клички. Рандульф и Анна превратились в Сигурда и Анну Орстад, а Биргера Окерманна называли Ярлом Эберхардтом. Кроме изучения марксизма и ленинской практической революционной теории, проводилось обучение методам нелегальной работы, а также тренировок по обращению с оружием; последние были довольно краткими, их вряд ли можно сравнить даже с обычной военной подготовкой¹⁰.

«Сегодня я ездила на метро, спускалась вниз на эскалаторе», – докладывала 27 марта 1936 года в письме своим бабушке и дедушке в Сандвикене девятилетняя Эва Далланд. Она также сообщала, что благополучно добралась до Москвы, и вся их маленькая семья из трех человек собралась теперь вместе. Первую линию метро открыли в Москве всего за десять месяцев до приезда девочки. Рассказ о последних великих достижениях нового социалистического государства – Советской России, должен был, как рассчитывала Эва, успокоить переживавших за нее бабушку и дедушку¹¹.

Но не одно лишь метро произвело впечатление на маленькую норвежскую семью. Первомай в Москве сильно отличался от того, как его праздновали в Бергене. «Мы провели весь день с 7 утра и до 5 вечера на демонстрации, так что под конец ноги уже “гудели”, но все было просто грандиозно. Никогда ничего подобного не видела», – писала родным в Берген молодая воодушевленная коммунистка Анна Далланд летом 1936 года.

Анна также рассказывала, что они привыкают к жизни в советской столице, что Эву пристроили в детский сад, чтобы она побыстрее выучила русский язык. Ей также казалась важной мысль, что новая «политика народного фронта» должна иметь практические последствия в Норвегии. «Мы сами слишком узко смотрим как на людей, так и на дела», – писала она, считая, что они должны больше делать, чтобы сотрудничать с прогрессивными силами в Рабочей партии. Кроме

того, она жаловалась, что в Москве ей недостает двух вещей: кофе и средства от головной боли «Глобоид». «Здесь в аптеках предлагают или порошок слишком сильного действия, или аспирин, от которого у меня болит сердце»¹².

Но двухлетний курс учебы в Москве, призванный углубить знания и подготовить их к возобновлению борьбы за коммунизм в Норвегии, закончился быстрее и совсем не так, как рассчитывали Рандульф и Анна Далланды. В сентябре 1936 года Коминтерн решил организовать «интернациональные бригады» для поддержки правительства Народного фронта в Испании. Когда генерал Франциско Франко поднял мятеж против законно избранного испанского правительства, он получил в Испании поддержку церкви и других консервативных сил. Также мятежного генерала тут же поддержала нацистская Германия и фашистская Италия, а остальная Европа решила держаться в стороне. Активно же помогать другой стороне – испанскому правительству – стал в первую очередь Сталин, то есть Советский Союз. Так Испания стала новым полем битвы в Европе, которая все больше разделялась на два лагеря.

Это не могло не сказаться на жизни студентов МЛШ. Все только и думали о «народном фронте» – поддержке правительственных войск в Испании. Нужно было найти средства и людей для формирования интернациональных военных бригад, которые создавал Коминтерн. Студенты обсуждали, что правильнее: ехать домой, чтобы агитировать людей оказать поддержку Испании, или самим отправиться в Испанию, чтобы сражаться. Мы не знаем почему, но Рандульф Далланд выбрал последнее. В советских документах про него сказано: «Командирован в Испанию добровольцем». Несколько лет спустя Анна Далланд прямо указывала на то, что Рандульфа послали в Испанию, чтобы воевать.

Сначала Рандульфа Далланда и еще одного норвежского слушателя МЛШ – Нильса Ульсена вместе с двумя датчанами отправили на курсы офицеров в Рязань, а весной 1937 года их послали в Испанию. И Далланд, и Ульсен оказались на ключевых постах в интернациональных бригадах: Рандульф Далланд стал лейтенантом в отделе связи в батальоне, носившем имя убитого 1 декабря 1936 года коммуниста Ханса Баймлера¹³.

А Анна Далланд осталась в Москве одна с дочкой Эвой, которой уже исполнилось 10 лет. Поначалу Анна устроилась на работу машинисткой в МЛШ, но вскоре ее сократили: советские власти и руководство Коминтерна решили, что курс, на котором учился Рандульф Далланд, станет последним курсом обучения иностранных коммунистов: в СССР началась охота на шпионов и врагов.

Способ уберечь страну от заговоров извне был простым: сократить число иностранцев в Москве. Но закрытие московских интернациональных школ имело также другую, весьма трагическую подоплёку. Скандинавскую секцию Ленинской школы, так называемую секцию «Ф», возглавляли известные финские коммунисты Аллан Валлениус, Мауно Хеймо, Ассер Сало и Ивар Ласси. За какие-то несколько лет они все куда-то исчезли, никто не знал, что с ними случилось. Сегодня нам известно, что талантливый человек и хороший организатор Мауно Хеймо, тесно связанный с Норвегией, был расстрелян в Москве 15 марта 1938 года, Ивара Ласси казнили под Бутово недалеко от русской столицы 4 июня того же года. Аллан Валлениус умер в лагере в 1942 году. Ректору МЛШ Клавдии Кирсановой жизнь сохранили, хотя и уволили с работы. Но вот бывшего ректора КУНМЗ, яркую и талантливую Марию Фрумкину, не пощадили.

Мария Яковлевна Фрумкина много лет являлась центральной фигурой Красного университета в Москве: она была помимо прочего ректором Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, или КУНМЗа. Одновременно с этим она занималась многим другим, например отвечала за издание сочинений Ленина на идише, а также за радиовещание и пропаганду идей Коминтерна на иностранных языках. Вскоре эта талантливая еврейка из Минска попала в немилость и разделила судьбу своих финских коллег¹⁴.

Анну Далланд сначала перевели на работу в одно из московских издательств, печатавшее литературу на иностранных языках. До ее родных в Норвегии доходили неясные сведения о том, что происходит с семьей дочери в Москве. Неужели Рандульф отправился на эту ужасную войну в Испании?

«Одному Богу известно, какой путь он избрал», – замечает в 1937 году Клара в одном из писем. Как раз тогда в Москву собирался норвежский коммунист Йенс Галозн, и она посылала с ним четыре книжки, шоколад, кофе, а также деньги: в Финляндии Йенс должен был купить для семьи ее сына бананы. Галозн в это время работал в аппарате Коминтерна в Москве. «Чтобы встряхнуться после зимы им не помешает что-нибудь вкусненькое», – писала Клара родным в Берген¹⁵.

Понимала ли Анна Далланд, что творится вокруг – в интернациональном сообществе коммунистов в Москве? Она не могла не заметить, что работавшие рядом с ней люди куда-то исчезают. Из 492 человек, официально состоявших в штате Коминтерна в 1937 году, 133 человека стали жертвами «чисток», многие из них были расстреляны или погибли в лагерях¹⁶.

Похоже, она вместе с миллионами коммунистов по всему миру думала, что происходящее – просто необходимость, неизбежная борьба с антиреволюционными силами. Она не очень хорошо знала русский, поэтому могла довольствоваться только информацией на немецком языке, который был рабочим языком Коминтерна. Больше всего она беспокоилась за мужа, уехавшего в Испанию. И Анна, и родственники в Норвегии очень волновались за Рандульфа – ведь у него не было ни военного опыта, ни военного образования.

Сам же Рандульф Далланд был спокоен. «Не надо волноваться за меня. Опасностей с каждым днем все меньше», – писал он матери 4 июня 1937 года. Он считал, что правительственные войска с помощью интернациональных бригад уже готовы «создать здесь современную армию, армию, которую фашистский блок не сможет разбить». Он верил, что важно собрать воедино все силы, чтобы остановить Франко – «чтоб фашизм не пришел в другие страны».

Но спустя несколько дней после его попытки успокоить норвежских родственников Рандульф Далланд оказался на линии огня¹⁷.

Во время выполнения задания по рекогносцировке 7 июня 1937 года его взяли в плен солдаты Франко. Это было большим подарком для фашистской пропаганды. Весть о том, что норвежский офицер из интернациональных бригад попал в плен, быстро облетела весь мир.

«Не скажу, что я с легким сердцем думаю о том, что он сейчас находится в руках у этих гадов», – писала в начале августа 1937 года Анна Далланд родственникам в Берген. А что ей было делать? Ведь формально Рандульфа послали в Испанию советские власти, хотя это было задание Коминтерна. А в Норвегии власти запретили своим гражданам отправляться добровольцами в Испанию. Анне не оставалось ничего другого, как продолжать жить в Москве и ждать: «Все очень добры ко мне и помогают мне во всем». Коммунисты разных национальностей в Москве относились с уважением к Анне Далланд, принимая во внимание судьбу ее мужа, но сделать что-нибудь для его освобождения они не могли.

Анне и Эве Далландам придется прожить несколько лет в тревоге и неведении, скучая по мужу и отцу. Правда, с бытовой точки зрения все было улажено. Маме и дочке выделили комнату в доме № 14 на Гоголевском бульваре в центре Москвы, Эва начала ходить в одну из лучших школ в городе, где на хорошем уровне преподавался английский язык¹⁸.

Многие иностранцы, связанные с аппаратом Коминтерна и партийными школами, были расквартированы в этом старом, но respectable двухэтажном доме, который когда-то принадлежал одной

из самых богатых семей в Москве. Большинство, как Анна и Эва, получили по большой комнате с окнами на улицу, а кухня и туалет были общими. В другом флигеле этого дома, где когда-то размещалась прислуга, поселилась русская беднота, которая в 1930-е годы бежала в столицу от голода, охватившего деревни.

Лучшей подругой Эвы Далланд стала Клавдия Бабаева. Клавдии было 12 лет, когда в 1939 году ее семья переехала из Рязани в Москву. Обе они ходили в один класс в школе № 57. Эва быстро зарекомендовала себя как одна из лучших учениц, особенно по математике. Класс был не простой – способные дети, высокопоставленные родители. У одной их одноклассницы – Тамары Шпиговой – отец был заместителем коменданта Кремля. Однажды всему классу посчастливилось попасть на территорию Кремля, закрытую тогда для публики. Пройдет еще немало лет, прежде чем обычным людям будет открыт доступ к этому абсолютному центру власти в советской империи¹⁹.

Тогда все верили в непогрешимость Сталина. В конце 1920-х годов Иосиф Сталин выиграл схватку за власть в советской коммунистической партии. Он отодвинул одного за другим своих соперников в тень, а затем уничтожил. Его слово было законом, его идеи были приравнены к идеям создателя советского государства Владимира Ленина. Как когда-то царь на Руси, он был выше всех ошибок, в которых были повинны его подданные. Обычным присловьем тогда было: «Вот Сталин узнает об этом, и все будет хорошо». Мы как будто можем почувствовать эти настроения, глядя на фотографию Эвы и Анны конца 1930-х годов. Обе коротко подстрижены – это новый идеал женщины, обе, наверное, не теряли веры в хорошее, хотя Рандульф пропал где-то в Испании, а будущее было весьма неопределённым²⁰.

Но вскоре Анне Далланд дали новое интересное задание. В 1938 году было решено, что часть концертов советского радиовещания, которые передавались на весь мир, начнут транслироваться на Норвегию. «Мне дали работу, которая мне очень нравится. Работа интересная, я уже приступила к ней», – писала Анна родственникам в Норвегию, не сообщая, чем именно она занимается. Ведь всех, кто был связан с Коминтерном, предупреждали, что они должны быть очень осторожны в письмах на родину, потому что полиция могла легко тогда выяснить, чем занимается международное коммунистическое движение²¹.

Анна Далланд попала в скандинавскую редакцию Московского радио, которая в 1938 году вещала практически только на шведском. И хотя Анна должна была работать «всего лишь» машинисткой, ее вскоре усадили перед микрофоном, чтобы объявлять концерты классической музыки²². Это были высокохудожественные программы с

участием исполнителей мирового класса. Анна Далланд представляла слушателям и «Лебединое озеро» Петра Чайковского, и музыку современных советских композиторов, таких как Сергей Прокофьев и Дмитрий Шостакович.

В тот февральский вечер в 1939 году, когда Клара Далланд слушала голос своей невестки по Московскому радио, передавали норвежскую музыку.

В те годы Клара Далланд не только поддерживала связь между оставшимися в Москве Анной и Эвой Далландами и остальными родственниками в Бергене, но и старалась с помощью норвежских властей вызволить сына Рандульфа из тюремных застенков Франко в Испании. К счастью, Рандульфа не осудили и не расстреляли на месте, как офицера интербригады. Его переводили из одной тюрьмы в другую, и хотя ему грозил смертный приговор, режим Франко не решался казнить его. Международное сообщество тогда активно занималось судьбой военнопленных в Испании, и это, вероятно, спасло молодому бергенцу жизнь.

Весной 1939 года норвежские власти и Международный Красный Крест выяснили, что Рандульф Далланд находится в тюрьме Валденоседа неподалеку от Бургоса на севере Испании. Теперь Кларе Далланд и остальным родственникам оставалось только использовать все имеющиеся каналы, чтобы вызволить из плена его и других норвежцев. Клара Далланд беспрестанно «нажимала» на МИД Норвегии, звонила и писала письма. Кроме того, профсоюзы Норвегии приняли резолюцию в поддержку норвежского пленника²³.

Благодаря письмам Клары из Норвегии Анна Далланд узнавала обо всех усилиях вызволить Рандульфа из тюрьмы франкистов, но сама она ничего не могла для него сделать. Тем предвоенным летом 1939 года советским властям хватало забот. Когда в начале нового 1939 года Анна встречалась в Москве с бывшим председателем Норвежской Коммунистической партии Генри В. Кристиансенем, она поделилась с ним своими сомнениями. Кристиансен одним из первых норвежцев попал на учебу в партийную школу в Москве, кроме того, он был связан с СССР крепкими узами: его жена Мириам Ратгауз была русской. Анна Далланд спрашивала у него, правильно ли она делает, что остается работать на Московском радио, ведь приходится иметь дело в основном со шведским материалом. Она раздумывала, не вернуться ли ей обратно в Норвегию, хотя и сомневалась, что сможет найти работу на родине²⁴.

В феврале 1939 года 12-летняя Эва Далланд послала своё письмо бабушке, проживающей на улице Сандвиксвейен, 55 в Бергене, в котором приглашала ее приехать в гости в Москву. «Если вы при-

едете вместе с делегацией на 1 мая, то сможете посмотреть парад на Красной площади. Это замечательное зрелище. Мы ждем вас с распростертыми объятиями», – писала Эва, которая той весной ходила в третий класс русской школы.

НКП действительно направляла в мае 1939 года в Москву делегацию, но никто из родственников Анны Далланд в нее не попал. Планы вернуться в Норвегию Анна тоже отложила на будущее. Летом 1939 года, за несколько недель до дня, когда в Европе снова вспыхнула большая война, бывший учитель Анны в Ленинской школе Юст Липпе привез Анне и Эве одежду и другие вещи из Норвегии. «Но он не смог взять с собой все, коричневая юбка и черный вязаный свитер, а также пара толстых шерстяных носков и синий свитер Эвы так и остались лежать у нас», – сообщала расстроенная Клара Далланд в письме из Осло родным в Берген. Наверное, это была последняя передача, которую получили от норвежских родственников две норвежки, оказавшиеся волей судьбы на восточных равнинах. 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, а два дня спустя Франция и Великобритания объявили Германии войну.

Анна Далланд уже не могла уехать из Москвы. В последующие годы и ей, и ее родственникам доведется увидеть реалии войны воочию²⁵.

«ГОВОРIT МОСКВА!»

Далеко на севере у самого Ледовитого океана, под горой Домен, известной в старину как гора Ведьм, около радиоприемника сгрудился народ: в норвежском Киберге тоже хотели знать, о чем говорит Москва. Членам тамошнего радиоклуба приходилось всегда собираться поздно вечером, потому что только в вечерние часы можно было поймать в эфире еле слышный женский голос, сообщающий, что подошло время передачи на шведской языке.

«Говорит Москва! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», – так начинала передачи на Скандинавию на Московском радио молоденькая Таня Стернина в 1930-е годы. Ее голос знали радиослушатели всей Скандинавии. Передачи на шведском языке начались 11 февраля 1932 года – за шесть лет до первых робких попыток Анны Далланд овладеть микрофоном в норвежских программах.

Эмиль Стрём, владелец магазинчика в Киберге, решил создать радиоклуб, чтобы следить за новостями в эфире. Будучи сознательным коммунистом, он смотрел на это как на свой вклад в борьбу за изменение мира к лучшему. Была, правда, одна небольшая проблема – передача из Москвы в десять вечера в воскресенье совпадала по времени с недавно начавшимися программами из Вадсё, где сообщались результаты спортивных соревнований¹.

Кроме Татьяны Стерниной «коммунистическую благую весть» нёс через эфир звучный голос солидного мужчины. Голос принадлежал человеку с очень непролетарским именем: диктора звали Сикстен фон Егерфельт.

Было что-то отечески назидательное в манере, в которой начинались передачи: молодое советское радиовещание всегда приветствовало слушателей словами: «Говорит Москва!», как будто говоря: слушайте, внимайте важным словам, которые мы вам несём. Дискуссиям в передачах вообще не было места: московское радио твёрдо знало, что в мире правильно, а что нет, как нужно поступать, чтобы быть настоящим коммунистом или социалистом.

Официальной датой начала «вещания» на границу считается 29 октября 1929 года, но задолго до этого дня можно было слышать

инострannую речь из радиоаппаратов, которых становилось все больше в новом советском государстве. 17 февраля 1922 года в первый раз передали концерт, который смогли уловить и радиоприемники за рубежом. Год спустя первая «Радиостанция Коминтерна» передала концерт по случаю пятилетия образования первого в мире социалистического государства. Месяц спустя после смерти основателя советского государства, 22 февраля 1924 года, общество эсперантистов в Москве выпустило в эфир свою передачу. Многие надеялись, что мировой язык эсперанто станет главным языком, на котором можно будет донести социалистические идеи из Москвы, и на радиопрограммы на этом искусственном языке было потрачено много сил и средств².

Но вскоре стало понятно, что эсперанто владеют очень немногие люди в мире, особенно мало таких было среди коммунистов-бедняков и социалистов с низким уровнем образования. Поэтому вместо эсперанто основным языком вещания стал немецкий, и на нём начали регулярно звучать передачи из советской столицы. У Ленина и других деятелей русской революции был особый интерес к Германии. К тому же немецкое рабочее движение настойчиво требовало, чтобы передачи из Москвы шли на немецком языке³.

Первые передачи на немецком языке состояли из переводов статей газеты «Правда» – главного органа коммунистической партии и сообщений ТАСС. Кроме того, в передачах часто ссылались на «Немецкую центральную газету»*, которая выходила в Москве. Радио рассказывало о том, что происходит в Советском Союзе, об успехах индустриализации и коллективизации, работе профсоюзов и местных советов. Много внимания уделялось истории коммунистической партии и революционному движению в России. Самый большой интерес вызывали прямые трансляции с Красной площади, посвященные первомайским демонстрациям и празднованию Октябрьской революции, которая в связи с переходом на григорианский календарь

---

* «Deutsche Zentral-Zeitung» (DZZ), «Немецкая центральная газета» – общественно-политическая газета на немецком языке, издававшаяся в 1926–1939 годах в Москве, печатный орган немецкой секции Коминтерна. Начала издаваться с 1 января 1926 года как орган Центрального бюро Немецкой секции при Отделе по агитации, пропаганде и печати ЦК ВКП(б) под названием «Unsere Bauernzeitung» («Наша крестьянская газета»). С 16 мая 1926 года стала выходить под заголовком «Deutsche Zentralzeitung für Stadt und 162 Land» («Немецкая центральная газета для города и 162 сел»). Дополнение в названии «для города и 162 сел» газета сохраняла до 31 июля 1927 года. После закрытия Центрального бюро немецкой секции при Агитпропотделе ЦК ВКП(б) газета стала издаваться как «центральный орган немецких трудящихся в Советском Союзе» немецкой секцией Коминтерна. С 1931 года DZZ выходила как ежедневная газета тиражом около 20 тыс. экз.

стала отмечаться в начале ноября. Немецким слушателям нравились также прямые репортажи об открытии больших электростанций на Днестре (Украина). Ведь там на практике осуществлялись слова Ленина о том, что «коммунизм – есть советская власть плюс электрификация всей страны».

1 мая 1933 года у радиовещания Коминтерна появился еще одна радиостанция неподалеку от Москвы*. Благодаря мощности в 500 киловатт ее передачи были хорошо слышны по всей Европе. В расколотой на два лагеря Германии, где к власти только что пришли нацисты, радиовещание Коминтерна тут же окрестили «Красная воля».

Хотя радио было тогда еще далеко не у всех, люди собирались у радиоприемников там, где они были: в кафе, в местах проведения собраний**. Между Москвой и Берлином развернулось соревнование в эфире – кто лучше использует это новое средство массмедиа. И хотя были также передачи и на других языках, например, на эсперанто, английском и французском, но именно передачи на немецком языке показывали, как должна вестись пропаганда в эфире⁴.

Однако коммунистические партии европейских стран потребовали, чтобы вещание велось и на других языках. Так что радиолюбители, собравшиеся в далеком Киберге в доме Эмиля Стрёма, могли теперь слушать новости о замечательных достижениях Советского Союза по-шведски.

А доносила новости до них пара московских дикторов, и довольно примечательных⁵. Татьяна (Таня) Стернина родилась в Швеции: мать была шведкой, отец – русским. Его в Швецию занесла судьба еще до революции 1917 года. После революции отец Татьяны Григорий Александров получил работу в советской дипмиссии в Стокгольме. Разведясь с первой женой, он в 1929 году приехал в Москву со своей новой женой – шведкой Хульдой.

Но делать этого ему не следовало. Несмотря на блестящую карьеру в столичном театральном мире, его в 1936 году арестовали как иностранного шпиона. Годом позже его казнили, а жена Хульда сгинула в том же году в лагерях, сейчас известных как ГУЛАГ. ГУЛАГовская

---

* 1 мая 1933 года начала работу построенная по проекту А. Л. Минца 500-киловаттная радиовещательная станция – Радиостанция имени Коминтерна, ставшая в то время самым крупным радиосооружением в мире.

** Дом собраний – норвежский феномен, берущий свое начало с молитвенных домов протестантских общин. В населенных пунктах, являющихся зачастую центрами приходов, на общественные деньги возводится здание, где жители могут собираться по любым поводам, в т. ч. и для решения вопросов, касающихся их коммуны.

система забрала жизнь миллионов и разрушила судьбы еще большего количества людей. А Таня в 1932 году оказалась в только что созданной шведской редакции на Московском радио. Так что голос, доносивший до радиоклуба в Киберге благую весть о преимуществах социализма, принадлежал дочери врага народа.

До работы на радио Татьяна Стернина успела поработать чертежницей и побывать переводчиком у шведских рабочих, приезжавших искать счастье в СССР. А вот двери высшей школы были из-за родителей для нее закрыты.

Как же ей жилось? Проведя детские годы в относительно мирной Швеции, она столкнулась с суровой действительностью сталинского Советского Союза. Таня почти ничего не знала о судьбе отца и его второй жены Хульды Петерссон. Григория Александрова реабилитировали только после смерти Сталина в 1953 году. Да и сама Татьяна вместе с мужем побывала в сталинских лагерях. Их детям пришлось долгое время жить без родителей. И все-таки она потом вернулась в радиостудию в Москве, чтобы снова читать новости о советских производственных рекордах и успехах в космосе⁶.

Сикстен фон Егерфельт был выходцем из семьи шведских аристократов. Но его отец рано порвал со своим «кланом», стал ходить в море и сделал карьеру в торговом флоте. Сикстен получил хорошее образование, помимо прочего знал латынь. Прежде чем попасть в Москву, он успел поработать журналистом в нескольких шведских социалистических газетах. В 1920-х годах он оставил в Швеции жену с двумя детьми и переехал в Канаду, где жил вместе с какой-то индианкой. В тот момент социалистические пропагандисты развернули в Канаде агитацию (в том числе и среди скандинавских эмигрантов), призывая народ ехать в Советский Союз строить социализм. Сикстен фон Егерфельт оказался среди тех, кто считал это единственно правильным выбором в жизни.

Так и появился в Москве шведский аристократ, чтобы потом в течение почти сорока лет быть одним из «столпов» скандинавской редакции. В советской столице он встретил новую жену – австрийку Анни Энгельс, которая в прошлом была агентом Коминтерна⁷.

Скандинавские передачи Московского радио по-шведски тогда вели люди довольно хорошо образованные. Это был период, который сегодня называют третьим периодом Коминтерна (1928–1935). Он характеризуется резким противостоянием между Коминтерном и растущим в Европе фашизмом. Так же негативно Коминтерн относился к социал-демократическому направлению в рабочем движении, клеймя его приверженцев как социал-фашистов. Начало передачи задавало тон: это была политическая пропаганда, которая в полной

мере отражала соответствующую политическую линию, принятую руководством советской коммунистической партии. На протяжении драматического десятилетия после 1930 года тон был довольно резким: дикторы сурово клеймили всех, кто не подчинялся сталинской линии, которой верно следовала коммунистическая партия СССР. С первых же эфиров особое значение придавалось обратной связи со слушателями, которых просили писать в редакцию в Москве. Передачи шли в прямой трансляции, хотя уже в те времена была возможность записывать их заранее. Но редактировать записанное было почти невозможно, поэтому трансляции были в основном прямыми. Даже музыкальные номера транслировались вживую: несколько раз в студии выступал целый хор. Когда в 1935 году Сталин и Коминтерн несколько снизили резкость тона по отношению к социал-демократам и призвали к созданию единого народного фронта для борьбы против фашизма, это сказалось и на стиле передач: они стали менее агрессивными⁸.

Анна и Рандульф Далланды приехали в Москву в августе 1936 года: как раз накануне первого из трех московских процессов по делу врагов партии. Почти все без исключения обвиняемые были коммунистами с большим партийным стажем, начавшими свою деятельность еще до революции 1917 года. Они обвинялись в том, что пошли за Львом Троцким – тоже ветераном революции. Троцкий был когда-то правой рукой Ленина, но в конце 1920-х годов впал в немилость. Когда начался первый из московских процессов, он уже находился в Норвегии.

Представших перед судом коммунистов обвиняли, кроме всего прочего, в том, что они, сотрудничая с иностранными антисоветскими разведками, готовили государственный переворот в СССР. Наверное, Анна Далланд, как и большинство коммунистов, верила обвинениям против Григория Зиновьева и Льва Каменева, хотя в революцию это были ближайшие соратники Ленина.

Но когда в 1938 году начался третий процесс по делу бывшего главы Коминтерна Николая Бухарина, у Анны, должно быть, появились сомнения. Бухарина хорошо знали все участники международного коммунистического движения, в том числе и норвежцы. Даже верные друзья советской системы, такие как писатель Артур Кёстлер, начали с недоверием смотреть на судебные заседания, проходившие в Колонном зале московского Дома Союзов.

Можно ли было верить, когда один обвиняемый за другим поднимались с места и признавались в грубых политических ошибках и преступлениях? Московское радио освещало Московские процессы. На слушателей по всему миру особенное впечатление произвела речь

главного обвинителя Андрея Вышинского, в которой он с яростью обрушился на «бешеных собак». Писатель Нурдал Григ, который продолжительное время жил в Москве в 1933–1934 годах, был одним из очень немногих норвежцев, которые поддерживали процессы⁹.

Когда Анна Далланд начала работать на Московском радио в 1938 году, охота на «врагов народа» была в самом разгаре. Обвинённых в измене делу революции было гораздо больше, чем тех, кто предстал перед судом на московских процессах. В шведской редакции Анна познакомилась с Таней Стерниной, у которой бесследно исчезли родители, а также с Мартой Шульц. Голос Марты, как и другие «голоса Москвы», без тени сомнения, как казалось со стороны, доносил весть о том, что Советский Союз под руководством великого Сталина семимильными шагами идет вперед. Но Марта никому не рассказывала о том, что ее мужа арестовали и отправили в лагерь, что ей с трудом удастся прокормить себя и двух детей. Когда-то Марта Шульц встретила в Стокгольме советского дипломата и вышла за него замуж. Вместе с его дочерью от первого брака и двумя общими детьми они переехали в Москву. Здесь их семью разрушила сталинская тайная полиция.

Ни Марта Шульц, ни миллионы других советских граждан не знали тогда, что случилось с их родными. Не знали, в чем обвиняют близких, что стоит за стандартными фразами «троцкистская банда», «приспешники фашистов и капиталистов». Чего им ждать? Может быть, родных отпустят, а может, привлекут к суду и дадут долгий или недолгий срок? К счастью, они редко узнавали правду, которая была гораздо страшнее их предположений.

Согласно российским официальным источникам, в годы Большого террора в конце 1930-х годов было убито 681 692 человека. Другие же источники полагают, что число жертв приближается к миллиону. А сколько погибло от голода и болезней в ГУЛАГе, мы, наверное, никогда не узнаем. Около 18 миллионов человек прошли через эту систему с момента основания в 1930 году и до окончания функционирования в 1960-х годах¹⁰.

«Правды мы не знали, и не хотели знать. Мне лично до сих пор трудно понять, неужели все было так ужасно, как теперь это утверждают?» – говорит Клавдия Бабаева, дружившая с Эвой Далланд в конце 1930-х годов. Между собой они никогда говорили о терроре, от которого пострадали многие близкие и родные им люди. Они целиком и полностью доверяли пропаганде и полагали, что все это необходимо, чтобы защитить советское государство от врагов, которые пытаются его разрушить. В тот период Советский Союз находился почти в полной международной изоляции, и коммунистам было не трудно

принимать как должное жесткие меры «самозащиты». Кроме того, жестокое обращение с социалистами и коммунистами в Германии после прихода к власти нацистов в 1933 году заставило многих слепо доверять методам, которые Сталин и его сторонники применяли в отношении своих противников. Вскоре времена изменились, и совершенно другие заботы вошли в жизнь московских школьниц – Эвы Далланд и Клавдии Бабаевой¹¹.

НУЖНО «ПОЧИСТИТЬ» КОМИНТЕРН!

Репрессии конца 1930-х годов не обошли стороной и «московских» норвежцев. Даже самые упёртые «догматики» среди норвежских коммунистов в Москве признавали, что сейчас опасен любой неверный шаг, малейшая оплошность могла обойтись очень дорого.

Йохан Странд Йохансен пережил это сам, когда весной 1937 года вокруг него стали происходить странные вещи. Он вырос в Тронделаге и успел закончить гимназию в Тронхейме, прежде чем окупился в политику. После раскола в Норвежской коммунистической партии в 1923 году* он остался ей верен, а в 1928 году отправился в Москву, чтобы учиться в МЛШ. По возвращении на родину он зарекомендовал себя среди членов НКП как один из самых неслышаемых, политически «подкованных» ее членов. После известных беспорядков в Менстаде** он был арестован. Потом, в 1934 году, Йохан Странд Йохансен снова приехал в Москву, чтобы работать в издательском товариществе иностранных рабочих в СССР***. Кроме того, его пригласили на работу в Ленинскую школу – преподавать иностранным слушателям.

Но в начале 1937 года директор издательства поспешил успокоить Йохансена – это, мол, какая-то ошибка, и незачем драматизировать ситуацию. Директор намекнул Йохансену, что, может быть, ему пора

---

* Во время Первой мировой войны, особенно после революции в России, Норвежская Рабочая партия (Арбейдерпарти) сильно «полевела». Когда ее радикальное крыло стало доминировать, партия вступила в Коминтерн. Однако в 1923 году большинство членов партии проголосовали за выход из него; что привело к расколу в партии. Выступавшее за членство в Коминтерне меньшинство создало Норвежскую Коммунистическую партию (НКП).

** Столкновение между рабочими и силами правопорядка, в результате которого 30 человек были оштрафованы и приговорены к 12 месяцам заключения.

*** Издательство, основанное в 1931 году по постановлению СНК РСФСР, занималось изданием на иностранных языках литературы для иностранных рабочих, специалистов и учащихся, находящихся на территории СССР, а также продаж прав на издание произведений советских писателей зарубежным издательствам. В 1939 году оно было преобразовано в Издательство литературы на иностранных языках (Иногиз).

вернуться домой в Норвегию для продолжения политической работы там¹.

В конце 1937 – начале 1938 года Йохан Странд Йохансен ощутил, что над его головой сгущаются тучи. Он не понимал, что случилось. В Москву он приехал со своей женой Еленой Стерлиной, еврейкой из России, с которой познакомился в Ленинской школе во время учебы. Она получила работу на Московском радио, когда его еще возглавляла Мария Фрумкина. Но когда Фрумкина попала в немилость, это отразилось и на Елене. Приехав в Норвегию, Елена получила гражданство и стала зваться Хелен. Теперь, чтобы работать в России, на своей старой родине, ей нужно было иметь разрешение на работу и проживание, которое периодически продлялось. И теперь у нее появились проблемы с продлением визы, и это было сигналом: тут что-то не так.

Постепенно до Йохана Странд Йохансена дошло, что именно его жена и ее семья стали причиной его пошатнувшегося положения. Брат Елены Наум Стерлин оказался среди сотен тысяч людей, заклеянных как троцкисты. Иметь такого родственника-«предателя» было достаточно для того, чтобы попасть в немилость. В октябре 1937 года, на пике волны репрессий, власти проверили Йохансена на лояльность: его спросили, знает ли он, где проживает брат его жены. Йохан Странд Йохансен дал его адрес. Он не стал падать ниц, а, наоборот, стал доказывать, что Наум Стерлин – не троцкист. Он даже попросил контрольную комиссию тщательней изучить дело, чтобы полностью снять с себя все подозрения².

Тогда Йохану Странду Йохансену напомнили эпизод в марте 1937 года, когда он на следующий день после застолья с обильными возлияниями в кругу норвежских товарищей громко заявлял, что ему, дескать, непонятно – партия управляет госаппаратом, или госаппарат управляет партией? По словам одного из коллег по работе, Йохансен, громогласно возмущаясь, говорил, что и пальцем не пошевелит на работе, пока не будет решён вопрос с его женой³.

В конце января 1938 года Странд Йохансен узнал о решении отдела кадров Коминтерна уволить его и отправить домой в Норвегию. Позже, уже в конце 1940-х годов во время борьбы за власть в руководстве НКП, этот человек будет в Норвегии самым преданным Москве коммунистом из всех норвежских коммунистов. И это несмотря на то, что сам он оказался жертвой истерии, которая в конце 1930-х годов разрывала советское государство изнутри. Весной 1938 года он вместе с Еленой вернулся в Норвегию, ни слова не сказав своим товарищам по партии о том, что происходит за фасадом Коминтерна в Москве⁴.

Хотя положение Йохана и Елены Странд Йохансенов было одно время сложным, драматизма в судьбе Гильберта Фуруботна оказалось гораздо больше. События нескольких осенних недель 1937 года в его жизни – хороший пример театра абсурда, который разыгрывался в Советском государстве в те годы. Все это фатально повредило коммунистическому движению и подорвало веру в него.

Когда Гильберт Фуруботн приехал в 1932 году в Москву, он, как и Анна Далланд, и представить себе не мог, что станет репортером на радио. Подобно Анне, он попал «на восток» не самостоятельно, а как член своей семьи: его отец Педер Фуруботн в 1930 году получил приглашение пожить в «большевистской» столице.

В течение пяти лет Педер Фуруботн возглавлял НКП и одновременно представлял партию в Коммунистическом Интернационале. Он приехал в Москву вместе с женой Гиной и десятилетней дочкой Магдой, спустя год к ним приехали двое других детей – Рут и Гильберт.

В своем родном Бергене столяр-краснодеревщик Педер Фуруботн был ярким, харизматичным вожаком рабочих. В 1923 году в борьбе за место секретаря Рабочей партии ему не хватило всего двух голосов – тогда он проиграл Эйнару Герхардсену. Зато стал секретарем только что созданной Коммунистической партии, которая на его глазах начала стремительно терять популярность в народе. В 1930 году партия вообще не прошла в Стортинг.

Когда начали искать козлов отпущения, виноватых в потере поддержки населения, указали и на Педера Фуруботна. Критиковали, помимо прочего, и его жесткий стиль руководства партией. «В этой области у меня были ошибки, я был виноват», – признавался отставной политик Педер Фуруботн много лет спустя, давно исключенный из НКП. В 1926 году Педер Фуруботн был избран в Президиум Коминтерна, а в 1928 году стал членом Исполнительного комитета этой организации. Президиум был верховным органом управления Коминтерна между конгрессами, хотя политический курс для всех коммунистических партий мира на самом деле прокладывал Исполком Коминтерна, куда входили представители стран – членов Коминтерна. В 1930 году Педера Фуруботна вызвали в Москву, как он сам говорил, для корректировки курса в соответствии с правильным коммунистическим учением, который определял Иосиф Сталин. Поведение Фуруботна как лидера НКП Москва сочла не соответствующим правилам Коминтерна⁵.

Гильберту Фуруботну было 20 лет, когда он вслед за родителями приехал в Москву. Он был одарен и хорошо учился в Осло в гимназии. Вместе со своей сестрой Рут, которая была младше его на два

года, он «воссоединился» с родителями и стал жить в большом номере отеля «Люкс» на Тверской улице в Москве*.

Наверное, нелегко было иметь такого отца, как Педер Фуруботн. Громадного роста, вожак рабочих легко «заводил» народные массы на митинге, но часто забывал о том, что дома его ждут близкие, сидящие часто без денег и еды. В начале 1930-х годов в Норвегии, затронутой мировой экономической депрессией, не так-то легко было найти работу, особенно если твоя фамилия Фуруботн. Поэтому Гильберт решил поехать в Москву. В декабре 1932 года он устроился работать на Московский электрозавод. Что же касается политики, то можно не сомневаться, какую позицию занимал Гильберт. В конце 1920-х годов он был одним из вожakov «пионерской» организации, созданной НКП для норвежских детей и подростков. Гильберт хорошо знал немецкий, поэтому ему поручали возглавлять норвежские делегации во время поездок в Германию в 1929 и в Москву в 1930 году. Так что в 1934 году к работе в Москве приступил человек с большим потенциалом, который мог пригодиться коммунистическому молодежному движению⁶.

Гильберт Фуруботн стал одним из жителей легендарного отеля «Люкс». Здесь бок о бок, дверь в дверь, в тесном общении друг с другом жили лидеры коммунистических партий всего мира. В первый период существования Коминтерна начиная с 1919 года здесь обсуждались и планировались события, которые должны были изменить мир. Позднее воздух длинных коридоров и широких лестничных маршей стал «вибрировать» от страха и подозрительности, там никто не мог чувствовать себя в безопасности, все боялись секретной полиции – НКВД. «Если бы стены могли говорить, мы бы узнали, как мелкая политическая дискуссия или невинный обмен репликами могли привести к кровавой развязке: политический противник мог быть цинично «ликвидирован»», – писал финский журналист и писатель Арво Туоминен. Он много лет проработал в руководстве Коминтерна, прежде чем в 1940-м году разорвал все контакты с ним и перешел на сторону социал-демократов⁷.

---

* В гостинице «Люкс», находящейся по адресу: Тверская ул., д. 10, жили тогда деятели Коминтерна и приезжавшие из-за границы коммунисты; она являлась штаб-квартирой западноевропейских коммунистов в Москве. В ее коридорах можно было встретить лидеров компартий всех стран, профсоюзных деятелей и просто рабочих, которые так или иначе заслужили право на паломничество в пролетарскую Мекку. Поэтому для Советского правительства было чрезвычайно важно пристально наблюдать за «Люксом», чтобы в точности знать, что говорят и думают «товарищи» из разных стран. «Люкс» кишел агентами ОГПУ–НКВД, прописанными там же в качестве постоянных жильцов и гостей.

Пробыв год заводским пролетарием, Гильберт Фуруботн в январе 1934 года получил должность так называемого технического секретаря скандинавского отделения Международной Ленинской школы. Тогда же он и сам стал посещать вечерние курсы Школы, в том числе, такой: «Ленинизм и экономическая политика Советского Союза». С октября того же года он получил должность референта – сотрудника со специальной сферой ответственности в Исполкоме Коминтерна молодежи – молодежного отделения Коминтерна. Он работал в архиве, кроме того, ему доверяли переводы с немецкого, норвежского и русского. Он пытался приспособливаться к этой жизни, но рядом с ним всегда был его «непокорный» отец, который часто ссорился с руководством Коминтерна и советской коммунистической партией⁸.

Как и всем другим иностранным представителям в рядах коммунистической бюрократии, Гильберту Фурботну тоже пришлось пройти «чистку» в Контрольной комиссии Коминтерна*. Не связывался ли он с клеветниками-троцкистами и не допускал ли он отклонений от истинного сталинского учения?

«Каждого, кто своими действиями и мыслями (да, и мыслями) покушается на единство социалистического государства, мы беспощадно будем уничтожать»**. Именно в этой цитате Сталин выразил страшный принцип, положенный им в основу террора, который рвал на куски советское общество в конце 1930-х годов.

На двухнедельном заседании Пленума ЦК ВКП(б), проходившем с 23 февраля по 4 марта 1937 года, была выработана новая, более жест-

---

* Интернациональная контрольная комиссия – высший контрольный орган Коминтерна – была создана по решению III конгресса Коминтерна в июле 1921 года. В ее задачи входила проверка работы аппарата ИККИ, ревизия финансов ИККИ и отдельных секций. Комиссия являлась одним из инструментов борьбы Коминтерна с оппозиционными течениями и группами в коммунистическом движении, а также занималась рассмотрением вопросов нарушения конспирации, норм морали и др.

** Цитата взята из тоста Сталина на приеме у Ворошилова 7 ноября 1937 года. Г. Димитров передает в своем дневнике ее так: «И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство, как единое, неделимое государство, не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся всех великих народов, составляющих это государство. Мы объединили государство таким образом, что каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только нанесла бы ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто пытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был <бы> он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями, да, и мыслями, покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать. За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода!»

кая линия по отношению к тем, кого обозначили как «антипартийные клики и троцкисты»^{*}. И вскоре стало понятно, что грядет «чистка» Коминтерна. Теперь взялись за тех иностранных коммунистов, которые тысячами приезжали в страну Советов, спасаясь от преследований у себя на родине.

9 апреля 1937 года секретариат Коминтерна во главе с руководителем кадрового аппарата Дмитрием Мануильским и генеральным секретарем Георгием Димитровым организовали Центральную контрольную комиссию. Задачей ЦКК было проверить, имеется ли у членов партии, связанных с Коминтерном и живущих в Советском Союзе, необходимая партийная дисциплина, а также классовая бдительность по отношению к врагам коммунизма. Осенью 1936 года одного из членов Исполкома Коминтерна – Николая Ежова – назначили руководителем НКВД и дали неограниченные полномочия для беспощадной борьбы с классовым врагом.

Первый открытый Московский процесс в августе 1936 года, на котором подсудимыми, кроме революционеров-ветеранов Григория Зиновьева и Льва Каменева, были еще 14 других видных коммунистов – стал лишь увертюрой. Последовавшие за этим два новых процесса, позднее получившие название Московские процессы, были также всего лишь прологом террора, который наполнил страхом и ужасом каждый уголок громадной советской империи⁹.

Для Гильберта Фуруботна на кону стояло очень многое. Он встретил красавицу-певицу Зинаиду Раховскую из Ташкента, и из отеля «Люкс» они вместе переселились в гостиницу «Союзная» – на другой стороне Тверской улицы, которая в честь великого писателя Максима Горького получила его имя. Гильберт был уверен, что Контрольная комиссия не найдет ничего крамольного в его жизни. Он был всего лишь членом Коммунистического Интернационала Молодежи (КИМ), и должность, которую он занимал в Коминтерне, была незначительной.

До переезда в 1930 году в Москву семья Фуруботнов жила у друга их семьи – Акселя Волла под Осло. Когда Фуруботны отправились в Москву, они оставили свои очень немногочисленные пожитки у него. Аксель Волл был тогда весьма активным членом НКП. Но в 1936 году он выразил несогласие с официальной линией партии и вы-

---

^{*} Установка на начало чистки была дана на пленуме ЦК ВКП(б) 23 февраля – 3 марта 1937 года. На этом пленуме с докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» выступил И. В. Сталин, повторивший свою доктрину об «обострении классовой борьбы по мере строительства социализма».

ступил за то, чтобы НКП шире сотрудничала с Рабочей партией и влилась в нее. О своих разногласиях с партией он открыто написал в письме Гильберту Фуруботну в мае 1936 года. Гильберт знал, что с такими вещами не шутят, поэтому показал письмо секретарю НКП Эмилю Лёвлиену во время визита делегации НКП в Москву. На первый взгляд Гильберт Фуруботн сделал все правильно: информировал свое партийное начальство о попытках фракционной деятельности¹⁰.

А летом 1937 года это письмо и контакты с семьей Воллов поставили вопрос о «подлинных» политических воззрениях Гильберта. Может быть, это была просто попытка «приструнить» строптивого Педера Фуруботна? Сначала Гильберту Фуруботну пришлось ответить на ряд вопросов, связанных с контактами с людьми, попавшими в немилость. Что знает Гильберт, например, об Аллане Валлениусе, бывшем руководителе скандинавской секции Коммунистического университета для меньшинств Запада? Гильберт ответил, что Валлениус, как он предполагает, по-прежнему живет и работает в Москве¹¹.

Похоже, что из тесных контактов семьи Фуруботнов с финляндско-шведским журналистом и партийным деятелем Валлениусом пытались «сшить» против них дело. Валлениус и Педер Фуруботн были знакомы с 1920-х годов. За день до ареста, в результате которого Валлениус оказался в лагере, он звонил Педеру Фуруботну в отель «Люкс». Сюда же притянули тот факт, что дочь Педера Магда Фуруботн начала учиться в немецкой школе им. Карла Либкнехта в Москве. Эту школу открыли в 1924 году, с мыслью создать учебное заведение нового типа, основанное на коммунистических идеях, где главной задачей было научить школьников сотрудничеству, где должен был исчезнуть барьер между учителями и учениками. Многие называли эту школу школой Коминтерна, потому что большинство иностранцев, приехавших работать в аппарате Коминтерна в Москве, отправляли туда учиться своих детей.

Немецкий язык являлся рабочим языком Педера Фуруботна и всего аппарата Коминтерна. Так что совершенно логично было определить в эту школу десятилетнюю Магду, чтобы она продолжила начатое в Норвегии образование. Для советских властей школа была рядной витриной-выставкой, особенно после того, когда к 1935 году было построено новое здание школы на Кропоткинской набережной, д. 12. Но в 1937 году с повестки дня в Москве были сняты такие понятия, как альтернативная педагогика и интернационализм. Теперь все, что имело привкус иностранного влияния, стало подозрительным. Обучение в каждой советской республике должно было идти на главном языке страны; для Москвы таким языком был русский. Один

за другим исчезали из школы им. Карла Либкнехта учителя, а Педеру Фуруботну ставили на вид, что его дочь продолжает учиться в немецкоязычной школе, а не в русской¹².

Параллельно возник вопрос о политических воззрениях другой сестры Гильберта – Рут. Почему, дескать, она по возвращении в Норвегию стала работать секретарем в недавно созданной Общественной партии (Самфуннспарти) Бертрама Дубвада Брокманна? Эта христианская партия, ориентированная на холизм, была создана в 1933 году. Брокманн к удивлению многих был избран депутатом Стортинга от Бергена на период 1934–1936 гг. Сама же Рут объясняла свой выбор тем, что начала работать в этой партии с одобрения НКП, что НКП таким образом могла получить информацию о партийном образовании, которое, по мнению коммунистов, было новой фашистской партией, приближающейся по духу к партии «Национальное собрание»¹³.

Петля вокруг Гильберта Фуруботна затягивалась. Обычный в партийном деле спор о политическом курсе превращался в нечто опасное для жизни. Близкий товарищ Гильберта Яники был уволен с работы и лишен членства в Коминтерне. Теперь он сам за несколько тревожных дней в конце сентября 1937 года оказался на самом краю пропасти, и даже небольшая оплошность могла привести к фатальному исходу.

Кроме письма от Акселя Волла ему припомнили посылку с детскими вещами, которую он получил от семьи Воллов, когда у него родилась дочка Сольвейг. Разве это не яркое свидетельство того, что он и все Фуруботны имеют тесные контакты с троцкистами-оппортунистами?

Шестеренки в традиционно неповоротливом советском бюрократическом аппарате вдруг закрутились с бешеной скоростью. 23 сентября 1937 года Гильберта Фуруботна, как и Яники, «освободили» от занимаемой должности технического секретаря «товарища Кунерта». Два дня спустя им обоим вручили бумаги, разрешающие выезд из Советского Союза. На практике это превращало Фуруботна и его коллегу в бесправных людей, в легкую добычу НКВД. Ни у Яники, ни у Гильберта Фуруботна не было на руках паспортов, так что уехать они не могли. В тот период все иностранцы, работавшие в аппарате Коминтерна, должны были по прибытии в Советский Союз сдавать свои паспорта. Паспорта находились в какой-то конторе советской бюрократической системы, добыть их было вопросом времени¹⁴.

Несколько лет спустя, уже находясь в Норвегии, Гильберт Фуруботн поведал своему другу Кнуту Лангфельду, что НКВД

собирался арестовать его уже в конце августа 1937 года, и ему грозила смерть. По словам Гильберта, тогда понадобилось вмешательство самого генерального секретаря Коминтерна болгарина Георгия Димитрова. Димитров заявил, что норвежец – не виновен¹⁵.

Георгий Димитров был одним из лидеров коммунистического движения. Он родился в 1882 году в Болгарии и рано включился в политическую работу в рабочем движении. После неудачной попытки совершить революцию в смутные годы после Первой мировой войны, он, как и многие другие революционеры, отправился в новую советскую Россию. В первый раз он приехал в Москву в 1921 году.

Димитров работал в руководстве Коминтерна в Москве, а потом в 1929 году был направлен в Берлин, чтобы там координировать работу организации в Западной Европе. В 1933 году он был арестован новыми нацистскими властями в Германии по подозрению в планировании поджога рейхстага в Берлине 27 февраля 1933 года. Но его поведение на судебном процессе в Лейпциге, когда он не оставил камня на камне от предъявленных обвинений, сделало его известным во всем мире. Позднее, когда его обменяли на немецких летчиков, арестованных в Советском Союзе, он вернулся в Советский Союз героем и был принят в Москве самим Сталиным, который лично проследил, чтобы Димитров получил пост генерального секретаря в Коминтерне.

Может быть, Димитров и помог Гильберту Фуруботну избежать ареста, но события той осени все равно сильно повлияли на Гильберта. Фундамент, на котором Фуруботн возводил свою жизнь, был разрушен. Однако всей правды о том, что творилось вокруг, он так никогда и не узнал.

За несколько дней до того, как Фуруботна выставили из Коминтерна, в Ленинграде были казнены Карл и Рагнвальд Ульсены – отец и сын из норвежской колонии Цып-Наволоч на Рыбачьем полуострове, лежащей на самом севере СССР. В те сентябрьские дни в Советском Союзе потоки крови лились повсюду. Каждый день сотни людей получали девять грамм свинца в затылок: выполнялись квоты по выявлению врагов народа, установленные шефом НКВД Николаем Ежовым. Когда руководители местных отделений этого крательного органа получали от начальства задание произвести аресты, выраженное в количестве человек, они всегда старались перевыполнить эту норму, чтобы самим, не дай Бог, не попасть под удар. В Карелии местный начальник отдела внутренних дел получил приказ из Москвы – казнить 800 врагов народа, но прежде чем в конце 1938 года волна террора улеглась, в регионе расстреляли 8 тыс. человек¹⁶.

Что оставалось делать Гильберту Фуруботну? Теперь он стал безработным, а у него были жена и маленький ребенок. Они жили в комнате, которую он получил благодаря работе в Коминтерне. Может быть, ему повезло, потому что среди проверяющих его политическую благонадежность оказались сомневающиеся в том, что он сделал что-то дурное. У его товарища Яники дела обстояли гораздо хуже. В его характеристике записали, что он – человек, не заслуживающий политического доверия. Позднее Яники арестовали, и никаких сведений о том, что с ним произошло после, нет. Теперь мы знаем, какую характеристику ему дали люди в Коминтерне и что это значило для палачей из НКВД. Так что легко догадаться, что с ним было дальше¹⁷.

«Геноссе Кунерт» – так еще 26 декабря 1937 года называют товарища Кунерта, и он может считать себя «товарищем», а спустя каких-то два месяца он уже арестован и осужден на 10 лет в ГУЛАГе. В отличие от многих других, этот австро-венгерский коммунист, которого в действительности звали Геза Ретманн, пережил ссылку и вернулся в 1948 году обратно в Австрию под именем Франца Фалька¹⁸.

Для Гильберта Фуруботна и его маленькой семьи вся эта эпопея была похожа на бой с тенью, когда не знаешь, где враг. Молодой Фуруботн был пропитан советской пропагандой, он верил, что советское государство и коммунисты окружены опасными врагами, рядящимися в социалистические одежды. Но как ему было реагировать на обвинения в получении посылки с детскими вещами из Норвегии от друга семьи? Хотя он и сказал инквизиторам из Коминтерна и НКВД, что не ответил на письмо, которое пришло в посылке от жены Акселя Волла.

Гильберт Фуруботн был готов идти до конца, отречься от всех друзей, лишь бы доказать свою невиновность той страшной осенью 1937 года. Может быть, не только его собственная жизнь и карьера стояли на кону? Может быть, это была попытка связать по рукам и ногам его отца – строптивого Педера Фуруботна?¹⁹

25 марта 1938 года газета «Тиденс Тейн» в статье на три полосы задалась вопросом: уж «не арестован ли в Москве бывший лидер Коммунистической партии Норвегии»? Хотя несколько недель спустя в коммунистической газете «Арбейдерен» Фуруботн сам отрицал факт ареста и писал, что у них пока «все в порядке», но какая-то доля правды в слухах об аресте была. Как и его сына, Педера Фуруботна тоже вызвали в Контрольную Комиссию Коминтерна. Его обвинили в том, что он – тайный агент империализма, поскольку он много раз наведывался в норвежскую дипмиссию в Москве. По словам Педера Фуруботна, своим ответом он припер комиссию к стенке, рассказав о

своём революционном прошлом как на родине, так и в Москве. После этого его больше уже никогда в ЦКК не вызывали.

Но пребывание Педера Фуруботна в «бастионе коммунизма» подходило к концу. Его дочь Магду, как и сотни других учеников, «выкинули» из школы им. Карла Либкнехта: ЦК компартии в конце февраля 1938 года приняло решение ее закрыть. Магда к тому времени уже заметила, что из школы один за другим исчезали учителя, а многие одноклассники со слезами на глазах рассказывали, что их родители арестованы. Несколько месяцев спустя Педер Фуруботн получил нужные для выезда документы, и осенью 1938 года его семья вернулась на родину в Норвегию²⁰.

Вот только с Гильбертом, имевшим свою собственную семью, все было сложнее. Он завел детей с русской женщиной, поэтому на каком основании они последуют за старшим Фуруботном в Норвегию? Тем более что Гильберт с Зинаидой не были расписаны, и она не могла запросить норвежское гражданство. В августе 1938 года отдел кадров Коминтерна сообщил, что они не возражают против отъезда Гильберта на родину, но он решил остаться. Его вторая дочь – ее звали Магда, как и сестру Гильберта – родилась спустя год после первой. Обе девочки были советскими гражданками. Что будет с ними, если он, Гильберт, уедет в Норвегию? Можно ли быть уверенным, что потом он сможет «перетащить» их в Норвегию?²¹

Потеряв место в аппарате Коминтерна, Гильберт после увольнения оказался в кошмарной ситуации. Его маленькая семья должна была освободить занимаемый номер в гостинице «Союзная». Хорошо ещё, что кто-то сжалился над ним: какое-то время его семья смогла пожить в коминтерновском доме отдыха на юго-востоке от Москвы, неподалеку от станции Удельная.

После отъезда родителей Гильберта в Норвегию осенью 1938 года ситуация стала еще драматичнее. В августе 1939 года Зинаида Раховская обращается с письмом в отдел кадров Коминтерна, в котором рассказывает, что их семья живет впроголодь. Они продали всю детскую одежду, она сама уже задолжала своей сестре 1800 рублей. Плата за жилье давно не вносится, их могут выкинуть на улицу в любой момент. Гильберт болел, был даже госпитализирован, а теперь «ходит в рваных брюках». Секретарь НКП Эмиль Лёвлиен тоже пытался помочь Гильберту Фуруботну. Лёвлиен пытался защищать его в ситуации с «троцкистским ренегатом Акселем Воллом», подчёркивая в своем письме: «Он поступил правильно, когда передал письмо от Волла мне и партийному руководству» и утверждая, что Гильберт Фуруботн всегда был преданным и активным членом партии²².

Письма жены и норвежского партийного лидера произвели, должно быть, нужное впечатление. Осенью 1939 года Гильберта Фуруботна вернули на работу в КИМ, положив зарплату в 650 рублей. Двухлетний кошмар его «отлучения» закончился²³.

А мир тем временем стремительно менялся. Сталин заключил союз с Германией, и одновременно с этим в Европе началась война. Пакт Молотова–Риббентропа, подписанный 23 августа 1939 года, советские власти объясняли тем, что капиталистические страны Запада отказались сотрудничать с Москвой. Как же теперь разобраться: где враги, а где друзья? Перед теми, кто защищал непогрешимость Сталина и советских властей, встала новая и очень сложная задача.

«МЫ ЗАБЫЛИ, ЧТО ТАКОЕ ВЫХОДНЫЕ»

За 10 лет после несмелого старта в 1929 году Московское радио, пройдя стремительное развитие, превратилось в настоящий центр коммунистической пропаганды. Во всех уголках мира люди испытывали большой интерес к новому средству массмедиа – радио. Это понимало и руководство советского государства, и их противники (до сентября 1939 года) – нацисты в Германии. Поэтому немецкая редакция Московского радио являлась самой важной для советских властей: она должна была противостоять пропагандистской машине гитлеровского министра пропаганды Йозефа Геббельса. Зимой 1937 года Московское радио вещало на Германию шесть раз в неделю. Новые ретрансляционные станции были построены в Киеве и Минске – нужно было «охватить» всю Германию пропагандой из Москвы.

«Особое внимание мы будем уделять новой сталинской конституции Советского Союза и правде о процессах против троцкистских центров». Так писал новый руководитель секции радиовещания на иностранных языках в Коминтерне. Под его докладной запиской от 9 февраля 1937 года стоит подпись – Фонштейн. Эта фамилия, скорее всего, псевдоним, как это было принято в «конспиративной» коминтерновской среде. Фонштейн не идеализировал положение в радиоредакции. Во многих ее отделах была острая нехватка персонала. В испанской редакции работал один-единственный «товарищ Чекини»*, он делал все: выполнял обязанности редактора, переводчика, машинистки и корреспондента. Кроме того, Чекини обеспечивал выход передачи в эфир, а выходила она в три часа ночи. «Он работает в среднем по 17 часов в сутки», – отмечал Фонштейн, жалуясь на недостаточную помощь радиовещанию со стороны Коминтерна, советского Радиокомитета и отдела культуры ЦК компартии.

---

* Эмигрант из Аргентины Луис Чекини, «открыв» в 1932 году вещание Москвы на Испанию, проработал после этого на Московском радио 55 лет. Весьма возможно, что это псевдоним, как это было принято у большинства работников Коминтерна и его структур.

Зимой 1937 года не одна только нехватка людей была проблемой. Фонштейн также сообщал, что его предшественница – «троцкистка Фрумкина» – сделала все, чтобы навредить радиовещанию¹.

Мария Яковлевна Фрумкина попала в немилость в 1936 году. После закрытия Коммунистического университета для национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), где она была ректором, ее также уволили с должности руководителя секции радиовещания в Коминтерне. Теперь все проблемы на Московском радио «вешали» на нее².

«Образ ее действий на рабочем месте хорошо отражает тот факт, что она сожгла перед своим арестом архив за несколько лет вещания. И понятно, почему». Так писал Фонштейн, пришедший на ее место, считая, что вина за теперешние сложности на «радиофронте» полностью лежит на арестованной Фрумкиной.

Лишь четверо из 48 сотрудников были членам партии, многие плохо говорили по-русски. За четыре месяца руководства радио Фонштейну, как он считал, удалось «политизировать» радиопередачи, и все плохое, что Фрумкина натворила за много лет, разрушая работу сектора, уже, согласно Фонштейну, «начало исправляться».

Для самой же товарища Фрумкиной – верного члена партии, коммунистки с большим стажем – все было кончено. У нее был диабет, из-за чего пребывание в Лефортовской тюрьме стало для нее роковым. Кроме этого немолодая женщина подвергалась физическим пыткам «допросной команды». «Она постоянно жаловалась на свою судьбу, предчувствовала, что ее казнят», – свидетельствовала много лет спустя ее соседка по камере Айно Куусинен*. Мария Фрумкина получила, как и многие другие революционеры-ветераны, пулю в затылок от палачей НКВД³.

Подробная докладная записка Фонштейна показывает, как подозрительность и доносительство начали в 1937 году проникать в каждый уголок Московского радио и Коминтерна, как, впрочем, и всего

---

* Айно Куусинен (1886–1970) – финская коммунистка, жена Отто Куусинена, которая работала в аппарате Коминтерна, а также выполняла задания ГРУ в других странах. Айно была, в частности, членом группы Рихарда Зорге, и в Москве уже готовилось представление ее к правительственной награде. Но начались репрессии против финнов, ее отозвали в 1937 году в Москву и 1 января 1938 года арестовали. Айно Куусинен была осуждена на 8 лет лагерей. Отбыв срок в Казахстане к 1946 году, она пыталась уехать на родину в Финляндию, для чего дважды посетила посольство США в Москве. Хотя Айно Куусинен не была гражданкой СССР, ее за «связь с иностранцами» арестовали снова и отправили в лагерь. В 1949 году последовал новый арест, ее этапировали в Москву, где она получила новый срок «за шпионаж в пользу США». После смерти Сталина она добилась реабилитации (в 1955 году). Но уехать в Финляндию Айно Куусинен смогла только в 1964 году.

советского общества. Но Фонштейн также отмечает, что редакции не хватает ресурсов, чтобы выполнять поставленные задачи, и что Московскому радио нужно прежде всего удовлетворять потребности и желания слушателей, которые слушают передачи из Москвы по всему миру.

«Только в одной английской редакции у нас лежит 7000 писем без ответа, – пишет Фонштейн. – Мы уже забыли, что такое выходные»⁴.

Может быть, эта острая критика и стала причиной относительно короткого пребывания товарища Фонштейна на посту заведующего секцией радиовещания Коминтерна? Прошло несколько месяцев, и видный коминтерновский аппаратчик венгр Евгений Самуилович Варга* отмечает в служебной записке, что Фонштейн не подходит для работы как руководитель секции радиовещания на иностранных языках Коминтерна: «Его прошлое – как политическое, так и физиологическое, не дают оснований доверять ему. Нужно найти кого-то другого для его замены!»⁵

Позднее выяснилось, что недовольство Варги радиосекцией вызывали и другие вещи. После ареста в феврале 1937 года двух видных большевиков, Николая Бухарина и Алексея Рыкова, в немецко-язычных передачах из Москвы прошло сообщение, что «большевики объединились с троцкистско-зиновьевской бандой для борьбы с советской властью». В своей записке к Пальмиро Тольятти – одному из руководителей Коминтерна – Варга приводит это как пример очень плохой работы переводчиков на радио⁶.

Коминтерн начиная с середины 1930-х годов оказывал значительное влияние на содержание зарубежного вещания советского радио, то есть «формировал» все то, что Международный отдел Всесоюзного радиокомитета посылал в эфир в 1937 году на немецком, английском, французском, голландском, шведском, чешском, португальском и венгерском языках. В 1939 году 22 человека работали в немецкой редакции, и день и ночь нещадно критиковали Гитлера и его режим в Германии.

---

* Е. С. Варга участвовал в социал-демократическом движении в Австро-Венгрии и Германии. Являясь с 1906 года членом венгерской социал-демократической партии, он примыкал к ее левому крылу. Затем Варга участвовал в буржуазно-демократической и социалистической революции в Венгрии. После установления советской власти в стране в 1919 году он стал народным комиссаром финансов, а затем председателем Высшего совета народного хозяйства Венгерской советской республики. После ее разгрома войсками Миклоша Хорти Варга эмигрировал сначала в Австрию, а затем – в Советский Союз. В 1920 году он вступил в компартию, и с первых лет существования Коминтерна был одним из его активных деятелей.

Когда в декабре 1938 года одного немецкого рабочего наказали за его сопротивление режиму Гитлеру, приказ дать эту информацию в передачах 22 декабря получили все языковые секции радио. Также нужно было поступить с речью писателя Томаса Манна в Нью-Йорке. Передачи 1938 года носили явный антифашистский характер и выступали за расширение борьбы в Европе. Поэтому важно было уделять в программах достаточно внимания таким людям, как буржуазный писатель, лауреат Нобелевской премии Томас Манн, который покинул родную Германию в 1933 году, протестуя против захвата Гитлером власти.

Московское радио одним из первых рассказало о немецких концентрационных лагерях. Из передачи 28 декабря 1938 года слушатели всего мира могли узнать, что происходит в Бухенвальде, а также о преследованиях, которым подвергается в Германии еврейское население⁷.

Программы шли с 22 часов вечера до 7 утра следующего дня. Разница во времени с большинством европейских стран была два часа, к тому же организация передач ночью была довольно разумна, принимая во внимание запрет в ряде стран на слушание радио Москвы. Это касалось в том числе и испанских провинций, контролируемых Франко, а также и Германии. С 1 июля 1939 года Германия ввела тюремное наказание за прослушивание передач иностранного радио.

Радио становилось важным средством борьбы в международной политике⁸.

Расширение радиовещания в Москве давало Гильберту Фуруботну возможность снова зарабатывать деньги. С августа 1938 года Коминтерн организовал службу прослушивания передач радио ряда стран. В первую очередь речь шла о больших европейских странах, таких как Германия и Великобритания. Но также был интерес и к передачам шведского и норвежского радио. Поэтому появилась потребность в помощи Гильберта Фуруботна. Вместе со шведом Бертилем Вагнером они сидели и слушали передачи НРК и Шведского радио, а потом составляли отчеты об их содержании.

Бертиль Вагнер, как и Гильберт Фуруботн, был связан с КИМом. Позднее он стал одним из ведущих работников шведской редакции Московского радио. Гильберта не брали на постоянную работу, но все равно для него было облегчением знать, что ему доверяют такие задания. Норвежским передачам уделяли меньше внимания, чем шведским, но Гильберту Фуруботну также поручили слушать передачи Би-би-си. Эта британская радиокорпорация еще до начала войны в 1939 году начала выпускать передачи и на других языках, кроме английского⁹.

После нескольких лет скитаний по Москве редакция Московского радио наконец въехала в большое четырехэтажное здание в Малом Путинковском пер., д. 2, недалеко от Пушкинской площади и улицы Горького. В доме напротив, на другой стороне улицы, также разместились помещения для радиопередач, в том числе несколько студий.

Теперь работа стала более целенаправленной по сравнению со случайно выбранными темами, которые придумывали редакторы, что имело место в первые годы работы. Была создана русская центральная редакция, готовившая материал для всех остальных редакций. Также был создан специальный отдел для комментариев, во главе которого поставили советских граждан. Надежде Снежке доверили редакцию программ для Западной Европы, которую она возглавляла все последующие драматические годы.

С 1939 года руководство Московского радио стало частью международной радиосекции Коминтерна. Тогда были введены в практику редакционные «летучки» – встречи, на которых сотрудники различных редакций обсуждали, что пойдет в эфир в этот день¹⁰.

Гильберт Фуруботн осенью 1938 года не был формально принят в штат радио, но можно не сомневаться, что благодаря своей работе по «прослушиванию» передач из Норвегии, он также стал «сотрудником» Иновещания. Ведь отчеты, составлявшиеся им и Бертилем Вагнером, становились основой для новостей шведской редакции, которые шли на Скандинавию.

Наверное, для них обоих это время в конце 1930-х годов являлось странным периодом. Перед их глазами были непростые судьбы таких людей, как Таня Стернина, Марта Шульц – пострадавших от сталинского террора. Почти все, кто работал в новом здании радио неподалеку от Пушкинской площади, так или иначе были затронуты террором. Противостояние в Европе становилось все жестче, и люди во многих странах, где коммунистов преследовали, по-прежнему с верой и надеждой смотрели на Москву, которая вдохновляла их на продолжение борьбы.

«Я шлю свой привет всем детям Советской страны. Вы – счастливые – живете в советском обществе», – так писала осенью 1937 года тринадцатилетняя девочка из Тронхейма на Московское радио в связи с юбилеем Октябрьской революции, которая смела в 1917 году старый режим в России¹¹.

Письма слушателей в московскую редакцию воодушевляли тех, кто там работал. Когда Анна Далланд отдала Московскому радио свой голос, ее звучащая по радио норвежская речь стала большим подспорьем для коммунистов в Норвегии, испытывавших непростые времена. Подумать только – Советский Союз стал первой страной

за пределами Норвегии, где в передачах радио звучит норвежский язык!

Когда 23 августа 1939 года между Советским Союзом и Германией был заключен пакт о ненападении, это сразу же повлекло большие изменения в работе Московского радио. «Программы были значительно сокращены по причине сложной политической обстановки», – отмечалось в ежегодном отчете о работе немецкого радиосектора в Коминтерне за 1940 год. Это лишь отчасти раскрывает, какие сложные последствия для московского радио имела странная дружба между Гитлером и Сталиным. В годовом отчете за 1940 год также говорится, что «передачи на немецком, английском и французском языках были возобновлены», что означает, что на какой-то период осенью 1939 года они были вообще прекращены.

Германия и Советский Союз (согласно пакту) договорились о смягчении пропаганды. Вместо того чтобы детально описывать немецкую агрессию, Московское радио переключилось на освещение внутренней жизни страны Советов. Большое внимание было уделено 7 ноября – празднованию дня революции и, конечно же, 1 мая. Теперь стало ясно, что интересы Советского Союза превалируют над интересами Коминтерна, и именно они будут задавать тон в пропаганде радио, которым официально руководил Коминтерн¹².

Для Анны Далланд и ее дочери Эвы осень 1939 года была уже четвертой в советской столице. Эва вместе с подружкой Клавдией пошла в пятый класс школы № 57. Эта привилегированная школа располагалась неподалеку от Кремля в центре Москвы. Никаких проблем с русским языком у Эвы уже не было. Анна Далланд просила родственников в Норвегии найти «красочную книгу с английскими текстами для маленькой гражданки советской страны». Анна пыталась развеять тревоги бабушки и дедушки, а также других родственников, которые переживали за Эву. Многие из посещавших Далландов в Москве норвежцев, сообщали осторожно домой, что Эва, по их мнению, очень худая и часто болеет. «Да, она худенькая, но не слишком. Она поправилась на полкило за отпуск», – писала Анна Далланд родителям мужа осенью 1937 года¹³.

От Клэры Далланд из Норвегии в конце 1930-х годов Анне и Эве в Москву постоянно шли посылки с вещами, которые, наверное, были им очень нужны. Особенно радовались они теплой одежде – ведь зимы стояли очень холодные. Возможно, они иногда скучали по норвежской еде: «Как бы мне хотелось сейчас сидеть у вас в Сандвикене и вместе с бабушкой поесть на кухне свежего хлеба с нашим любимым “старым” сыром (ням-ням!)»¹⁴.

Анна Далланд написала 18 сентября 1939 года, что она слегла из-за гриппа и несколько дней не вставала, но сейчас уже выздоровела и пошла на работу. Она, как и многие в Европе, очень переживала в связи с начавшейся войной. «Подумать только! Сколько лет человеческого труда, возложенных на алтарь войны, без пользы пропадут, прежде чем народы сами возьмут дело в свои руки, чтобы навести порядок!» Это пишет, с одной стороны, «правоверная» коммунистка, сидящая в Москве, с другой, – женщина, муж которой проводит уже третью зиму в застенках франкистской тюрьмы.

Гражданская война в Испании к этому моменту уже кончилась, но фашисты крепко держали власть в своих руках, получив поддержку от близких по духу «братьев» – Муссолини в Италии и Гитлера в Германии. Надо думать, что Анне Далланд нелегко приходилось в то время: она должна была ходить на работу в Дом радио в Малом Путинковском переулке и подчиняться распоряжениям сверху прекратив всякую критику в адрес Германии¹⁵.

Советское нападение на Финляндию 30 ноября 1939 года не облегчило положения норвежской коммунистки. «Кристиан растянулся на диване: дожидается кофе. Он читает газеты и высмеивает Россию. А я вот думаю, а не выставить ли мне его за дверь?» – так писала Клара Далланд из Осло своим родственникам в Бергене в начале декабря 1939 года. Ее брат сидел у Франко в тюрьме, жена брата находилась в далекой Москве. И хотя письмо носит юмористический характер, и Клара вскоре выйдет замуж за своего Кристиана Бёна, понятно, что коммунисты, доверявшие Москве, встретили зиму 1939 года в расклеванных чувствах¹⁶.

Пакт между Германией и Советским Союзом нелегко было пережить коммунистам во всем мире, хотя многие из них «проглотили» объяснение, что Сталину важно избежать изоляции в грядущем крупном конфликте. Для Анны Далланд и Гильберта Фуруботна было особенно тяжело, находясь в Москве, смотреть, как 9 апреля 1940 года гитлеровская Германия напала на Норвегию. Причем советские средства массовой информации мало заботились о поддержке отчаянного сопротивления норвежцев. Неужели все это – просто схватка между двумя крупными империалистами, делящими мир, и помощь англичан Норвегии – только часть этой империалистической войны?

Но в руководстве Коминтерна и в руководстве советской коммунистической партии за циничной маской скрывались сомнения по поводу ситуации в Норвегии. Поступающие сообщения были противоречивыми и дезориентирующими. Трудно было оценить силу сопротивления, оказанного немецким захватчикам, поэтому Гильберту

Фуруботну сообщили: его хотят отправить в Норвегию, чтобы он сам посмотрел, что же там происходит¹⁷.

10 мая генеральный секретарь Коминтерна Георгий Димитров, спаситель Гильберта Фуруботна, в служебной записке отмечает, что есть план отправить его на 10 дней в Норвегию через Стокгольм. Мы не знаем, был ли этот план осуществлен. Гильберт никогда нигде не упоминал о поездке в Норвегию, возможно, что план так и остался на бумаге. Но подобная запись говорит о том, что в Москве царили сомнения и беспокойство, несмотря на дружбу с Гитлером и политическую линию нейтралитета в мировом конфликте¹⁸.

Как у Гильберта Фуруботна, так и у Анны Далланд в Норвегии были родственники, и новая дружба между Берлином и Москвой позволяла Анне поддерживать контакт с родными в Бергене и после оккупации Норвегии. «Мы обе здоровы», – писала Анна Далланд в письме в Берген. После того как немцы сломили сопротивление норвежцев к июню 1940 года, в Северную Европу тем летом как будто пришел мир. Во всяком случае почта между Москвой и Норвегией – через шведскую столицу – ходила. «В школе – все хорошо. Получаю только четверки и пятерки по всем предметам», – писала Эва Далланд «бабушке и дедушке и всем нашим».

В то же время Анна Далланд узнала через сестру мужа Клару, что Рандульфа Далланда выпустили из застенков. Под нажимом норвежского рабочего движения он вышел из тюрьмы в Валенсии 4 мая 1940 года, как раз в день, когда ему исполнилось 40 лет, а в Норвегии шли бои.

Рандульфу Далланду удалось 24 июня добраться через Гибралтар на бергенском судне «Гюда» до Глазго в Шотландии. Там он прождал 4 дня на борту судна разрешения сойти на берег. «Похоже, меня считали опасным не только в Испании», – написал позднее Далланд своей жене в Москву. Он был известен как коммунист и боец испанского фронта, и поэтому ему пришлось мириться с подозрительностью властей. До вступления Советского Союза – его идеологической родины – в войну на стороне Великобритании и Норвегии оставался еще год.

А до момента, когда Рандульф и Анна снова смогли встретиться и стать семьей, оставалось еще пять долгих лет¹⁹.

ЧУЖИЕ В МОСКВЕ

«В общественной жизни товарищ Сунд не показывает себя коллективистом. Он погружен в себя, не раскрывает свое политическое лицо». Так писал 3 апреля 1937 года председатель парткома Комиссариата торговли, давая характеристику члену партии Хокону Сунду. Норвежцу был 41 год, четыре последних года он провел в Москве. Как и Гильберт Фуруботн, весной 1937 года он оказался в трудной ситуации, хотя разница все-таки была. Товарищ Сунд, в отличие от Гильберта Фуруботна, окончательно решил свою судьбу, став советским гражданином, и поэтому его положение было гораздо опасней. Никаких путей к отступлению у него не было. Если бы НКВД уличило его в троцкизме или других отклонениях от «единственно правильной» линии партии, ему пришлось бы туго¹.

В середине 1930-х годов колония норвежских коммунистов в Москве насчитывала 20–30 человек, но после начавшейся борьбы Сталина с иностранным влиянием в Коминтерне большинство людей отправили из Москвы домой. Интернационального сообщества, которое Нурдал Григ изобразил в своем романе «Мир еще должен стать молодым», к моменту выхода романа из печати в 1938 году уже практически не существовало. Москва перестала быть центром притяжения для людей искусства, а также социалистов всех политических мастей, какой была в 1932 году, когда в столицу СССР приезжал этот норвежский писатель.

В сентябре 1939 года в Европе начался крупный военный конфликт, и Советскому Союзу понадобились люди, которые хорошо разбирались в политической ситуации отдельных стран. Для крупной державы было важно привлечь на свою сторону людей, которые могли говорить не только на «главных» языках Европы, но и на таких, как норвежский. Однако попыток создать отдельную норвежскую редакцию не предпринималось даже когда в 1941 году война пришла и в Советский Союз. Похоже, что удар, которого давно ждал весь мир, стал неожиданностью не только для сотрудников радиоцентра рядом с Пушкинской площадью, но и для Иосифа Сталина за кремлевской стеной на берегу Москва-реки.

Кто мог обращаться по-норвежски к новым союзникам – норвежцам – из Москвы? Глава скандинавской редакции Надежда Снежко и руководство радио имели под рукой относительно опытную Анну Далланд. Но кто еще? Присутствие Гильберта Фуруботна в Москве было почти случайностью. А вот Хокон Сунд выбрал свою судьбу сам. Его путь в Москву отличался от тех дорог, которые привели в Москву в 1930-е годы Анну и Рандульфа Далландов, Гильберта Фуруботна или Йохана Странда Йохансена, как, впрочем, и всех остальных норвежцев, связанных с Коминтерном и международными партийными школами. Он также не собирался, как Нурдал Григ, изучать экспериментальный театр, для которого после революции наступило при новом режиме время расцвета.

Приехав в Москву, Хокон Сунд сначала получил хорошую работу и хорошую зарплату в советском торговом аппарате, но спустя какое-то время из-за подозрений в неблагонадежности он потерял работу. И вдруг в 1941 году он получил приглашение поработать в только что созданной норвежской радиоредакции! Ему показалось, что перед ним снова открыли дверь: наконец-то он хоть кому-то понадобился. Хокон Карс Сунд был родом из Драммена, где рос в обеспеченной буржуазной семье. Потом семья переехала в столицу и обосновалась в богатом квартале на западе Кристиании. Отец много ездил за границу, несколько странно сочетая две профессии – археолога и торгового агента. Во всяком случае, такие сведения Хокон Сунд указал сам, сообщая о родителях советским властям, но вот перепись населения 1910 года дает другую информацию. Там указано, что его отец Карл Сунд занимался оптовыми поставками нефти².

По собственному признанию Хокона Сунда, он почувствовал тягу к России во время пребывания в Москве в 1916, а также в революционном 1917 году. Он симпатизировал революции и социализму. В то время он учился в престижной Фрогнер-гимназии, после чего прошел курс нескольких дисциплин в «норвежском» Миннеаполисе* в США, где было много эмигрантов из Норвегии, приехавших еще в прошлом веке. В Москве Сунд работал в немецкой транспортной фирме Fa. E Garbell Transport und Spedition. Но Германия и Россия ввязались в кровавую мировую войну, и, как следствие, Хокон Сунд в 1917 году оказался безработным. Он еще несколько месяцев проработал на одну датскую фирму, у которой был офис в Москве, и таким образом оказался в центре мировой истории, когда Ленин вдохновил

---

* Миннеаполис считается одним из самых «норвежских» городов в США из-за того, что еще в XIX веке в Миннесоте осело большое число эмигрантов из Норвегии.

русских рабочих на свершение революции. Вклад Сунда в революцию заключался в том, что он как член Домового комитета участвовал в охране дома, где проживал. Годом позже 22-летний норвежец получил разрешение от новых советских властей вернуться домой в Норвегию³.

Дорога, приведшая его в радиоцентр рядом с Пушкинской площадью, оказалась длинной, извилистой и к тому же опасной. Когда Фриттьоф Нансен в 1921 году решил помочь голодающим на Украине, в Поволжье и за Уральскими горами, ему понадобились сотрудники, и Хокон Сунд и оказался в их числе. Работу добровольцев оплачивал Красный Крест. Вместе с энергичным и решительным Видкуном Квислингом Сунд, хорошо знавший русский язык, стал одной из ключевых фигур в аппарате при миссии Нансена, которая спасла десятки тысяч людей от голодной смерти. Причем из-за опасности заражения смертельными болезнями эта работа была опасной.

«Мы теперь поступаем как американцы – моемся в нефти»*, – писал Хокон Сунд в письме Фриттьофу Нансену 19 апреля 1922 года. Он находился в украинском портовом городе Николаеве. Необходимо было избавляться от вшей, которые являлись переносчиками опасного заболевания – тифа. В письме Сунд рассказывал об ужасном положении, сложившемся в этой части страны весной 1922 года. Потерявшие надежду люди стекались в города, где умирали, лежа прямо на улицах. «Вчера по дороге в порт насчитал шесть трупов. Половина из них обглодана собаками», – писал Хокон Сунд домой в Норвегию. Позднее, когда над головой Хокона Сунда начали сгущаться тучи, его знакомство с Нансеном оказалось очень полезным. Для советских властей было важно показать решающую роль Нансена и маленькой Норвегии в борьбе с голодом в России в начале 1920-х годов, хотя на самом деле главная помощь была оказана США через организацию АРА (Америкэн Релиф Администрейшн), благодаря чему многие люди были спасены от голодной смерти⁴.

Хокон Сунд был инфицирован «русской бациллой»: с 1923 года он в течение многих лет был связан с новым советским торгпредством в Кристиании (Осло), которое весной 1923 года возглавила яркая и сильная женщина Александра Коллонтай, ставшая впоследствии первой в мире женщиной-послом. Хотя дипломатические отношения между Норвегией и Россией еще не были восстановлены, в обеих странах имелась серьезная заинтересованность в том, чтобы

---

* Бакинская нефть издавна использовалась в той местности как лечебное средство для наружного применения, в том числе для борьбы со вшами.

старые контакты не прерывались. Уже в сентябре 1921 года Норвегия и Россия заключили временное торговое соглашение, а в 1924 году связи полностью нормализовались: норвежцы признали советский режим, дипломатические отношения были восстановлены.

После возвращения из революционной России Хокон Сунд стал участником норвежского рабочего движения. В 1921 году он вступил в Рабочую партию (Арбейдерпарти), которая на протяжении еще двух лет сохраняла единство, несмотря на то что в ней были представлены главные «левые» течения. В торгпредстве русских он в первую очередь заботился о восстановлении старых торговых связей между Норвегией и Северо-Западом России. Перед революцией из Онеги и Архангельска бойко шел экспорт леса, но революция и Гражданская война положили этому конец. Удастся или нет восстановить торговлю, зависело теперь от Александры Коллонтай, Хокона Сунда и других работников торгпредства, но молодой советской власти было очень непросто научиться правилам, по которым жил капиталистический мир.

Во время поездки на Волгу Хокон встретил Веру Дудину, молодую женщину, которая родила ему в 1923 году дочку Ксению. И сам Сунд, и его дочка оказались впоследствии сотрудниками Московского радио и оставались ими вплоть до наших дней⁵.

Но тогда Хокон Сунд привез Веру с Ксенией с собой в Норвегию. Дочка стала почти настоящей норвежкой, особенно походив в школу в районе Майорстуен. Но отношения между Хоконом и Верой, похоже, разладились, а, может быть, у Веры появился другой мужчина. Во всяком случае, в норвежскую столицу, которой вернули ее старое имя, приехал в тот период для работы в торгпредстве Василий Александров. Торгпредство в 1924 году уже превратилось в полноценную дипломатическую миссию и стало посольством, которым руководила Александра Коллонтай. Вера Дудина ушла от Хокона Сунда к Александрову – своему соотечественнику, и когда Вера и Василий поженились, Ксения получила фамилию отчима и стала Ксенией Александровой.

В 1933 году Хокон Сунд снова поехал на восток. Ему пообещали работу в советском министерстве внешней торговли – Наркомвнешторге. Может быть, Хокон тогда не понимал, что обратная дорога на родину будет закрыта для него навсегда? Ведь чтобы стать государственным чиновником в советском министерстве, необходимо было принять советское гражданство. Спустя несколько месяцев после прибытия из Осло в Москву он написал заявление о том, что хочет стать гражданином первого в мире социалистического государства. Он не скрывал своего буржуазного происхождения, но

в то же время подчеркивал, что с первых дней революции в Москве почувствовал свое родство с коммунизмом. Он указал, что был членом Норвежской коммунистической партии с 1921 года, хотя партия тогда называлась Рабочей партией (Арбейдерпарти)⁶.

Пример Хокона Сунда уникален. В то время как Педер Фуруботн и Йохан Странд Йохансен занимали бюрократические посты и должности в интернациональной организации коммунистов в Москве, Хокон Сунд стал частью государственного аппарата советской власти. Может быть, он произвел впечатление на своих работодателей знаниями капиталистической системы Норвегии? В заявлении на получение советского гражданства Сунд подчеркивает, что знает, как можно доставлять товары по Северному морскому пути в Ледовитом океане, что в перспективе было очень важно для советских властей.

Уже в 1933 году одной из главных тем в советской внешней политике стала опасность новой большой войны в Европе. Поэтому соискатели должностей, знающие что-либо об альтернативных транспортных путях, имели неоспоримое преимущество. Хокон Сунда взяли на работу. Сначала он занимался вопросами экспорта фруктов, благодаря работе у него также появилось крошечное пристанище в центре Москвы⁷.

Его дочь Ксения в тот период также приехала в Москву, что стало началом новых странствий для девочки. Она пошла в третий класс московской школы, потому что в ее знании русского языка были большие пробелы. Учительница Мария из школы № 44 на углу Тверской и площади Маяковского взяла ее под свою опеку, почти заменив Ксении мать. Тем временем мама Ксении вместе со своим новым мужем были заняты другими проблемами, в том числе поисками подходящего жилья. Так что Ксения одно время даже жила у этой учительницы⁸.

Жизнь советского чиновника Хокона Сунда не была безоблачной. Хотя благодаря работе в советской миссии в Осло он познакомился с особенностями функционирования советской бюрократии, начало службы в Наркомвнешторге стало для него шоком. Продолжительность рабочего дня сотрудников были ненормирована, многие стремились соблюдать рабочий ритм партийных работников, которые часто оставались на работе и ночью, делая перерыв лишь на несколько часов по вечерам.

Хокон Сунд именовался консультантом в Народном комиссариате внешней торговли, но в 1935 году его перевели в Народный комиссариат торговли на должность старшего консультанта: на первый взгляд это было повышением по службе, но в то время престижной считалась работа на границу, поэтому подобный перевод мог озна-

чать, что руководство убирает его с работы, где у него было много контактов с иностранцами⁹.

Вокруг Сунда начало происходить что-то странное. Среди работников советского госаппарата росло беспокойство, которое потом сменилось страхом.

Растущая паранойя и подозрительное отношение Иосифа Сталина к иностранному влиянию сказывалась на тех, кто приехал в советскую столицу, поверив пропаганде, что это – социалистический рай. Мы не знаем, что думал Хокон Сунд, когда снова приехал в Москву: может быть, туда его привели политические взгляды, а, может быть, он оказался в Мекке социализма потому, что чувствовал ответственность за семью и маленькую Ксению, и именно это заставило его покинуть родину.

Как и сотрудникам Коминтерна, Хокону Сунду нужно было предстать перед особой комиссией, которой следовало объяснить, чем он занимается и во что верит. Коммунистическая партия считала, что необходимо вычищать из партии всех тех, кто разрушает ее и советское государство изнутри. В отчете, который председатель партийного комитета в Комиссариате торговли написал 3 апреля 1937 года, норвежца называют «товарищ Сунд». Это очень важный знак: пока тебя называют товарищем, тебя не выставят вон, не сделают легкой добычей черных воронов из НКВД.

В 1937 году 41-летний норвежец Хокон Сунд, как и Гильберт Фуруботн, оказался в очень сложном положении. Кроме замечания секретаря парторганизации о том, что норвежец скрывает свое истинное «политическое лицо», был озвучен конкретный и очень опасный эпизод. Кто-то донес, что Хокон Сунд, проводя отпуск на новый 1937 год в городе Крекшино к югу от Москвы, привез оттуда старую газету времен революции. Может быть, он хотел скомпрометировать хозяев, у которых останавливался, но подозрение теперь пало на него.

Пустяковая вещь могла стать вопросом жизни или смерти. Для Хокона Сунда такой вещью стала старая газета, для Гильберта Фуруботна – посылка с детской одеждой, а Йохану Странду Йохансену ставили в вину его тестя, который, возможно, заигрывал с «прокаженными» – с троцкистами. Однако Хокон Сунд избежал лагерной доли или пули в затылок. Из-за «отсутствия политической благонадежности» его «всего лишь» уволили с работы¹⁰.

И куда теперь? Без работы, без семьи, которая могла бы его поддержать, в городе, где царил страх, где каждый ждал, что ночью в дверь постучат сотрудники НКВД. В глубоком отчаянии он обратился в скандинавскую секцию Коминтерна за помощью.

«Если не можете дать мне работу и где-то приютить меня, то мне лучше отправиться в Испанию и там погибнуть», – написал Хокон Сунд в январе 1938 года, считая, что ему лучше записаться в интербригады в Испании, как это сделал Рандульф Далланд¹¹.

Хокон Сунд указал, что он временно живет в комнате в квартире на Малой Бронной, в той части Москвы, которую позднее обессмертит Михаил Булгаков в своем романе «Мастер и Маргарита». Эта книга, где изображается абсурдная советская действительность 1930-х годов, была завершена именно в это время, но увидела свет много лет спустя. Сегодня ее считают лучшим художественным описанием того трагического периода русской истории.

Хокону Сунду не пришлось ехать в Испанию. Кто-то наверху понял, что это настоящий крик о помощи, и ему предложили работу завхоза в доме отдыха, принадлежавшем Народному комиссариату торговли на острове Хортица на Днепре, неподалеку от города Запорожье.

Что это было? Ссылка или дружеская помощь со стороны советских властей, оказанная человеку, в котором они больше не нуждались? Слава Богу, что Хокон Сунд не попал весной 1938 года в Испанию. Время интербригад подходило к концу, они несли большие людские потери, к тому же их раздирали внутренние противоречия. Рандульф Далланд был среди тех, кому повезло остаться в живых, хотя он и угодил в застенки Франко.

Гражданская война в Испании оказалась, однако, лишь сигналом, предупреждающим о том, что грядет что-то страшное, что вскоре перевернет жизнь Хокона и его дочери Ксении¹².

ИСПОЛЬЗУЙТЕ НАС!

Весной 1941 года Анна Далланд была единственным норвежским сотрудником Московского радио. Тогда еще не существовало ни отдельной норвежской редакции, ни особого материала для норвежских передач. А 22 июня 1941 года именно она объявила по радио на норвежском языке, что Советский Союз находится в состоянии войны с Германией.

Так на Московском радио начались (уже официально) передачи на норвежском языке. Теперь Анне Далланд и другим коммунистам стало понятно, где – враг. Но вот отношение Советского Союза к правительству Норвегии в изгнании по-прежнему было сложным. В мае 1941 года советский МИД разорвал дипломатические отношения с законно избранным норвежским правительством, которое находилось в Лондоне, а у норвежского посла в Москве Эйнара Масенга были отозваны верительные грамоты. Для Анны Далланд это было, вероятно, особенно болезненно. Она предполагала, что ее муж Рандульф добрался до Англии, чтобы присоединиться там к норвежским военным подразделениям.¹

Для Гильберта Фуруботна весна 1941 года также была примечательным периодом. До самого начала войны, весь июнь, Сталин и советское руководство продолжали делать все возможное, чтобы не спровоцировать немцев на военную агрессию. В частности, на радио не выпускали ничего, что можно было бы расценить, как нарушение пакта 1939 года. Но Гильберт Фуруботн не мог не заметить, что все в Советском Союзе готовится к войне. В молодежной организации Коминтерна – КИМе – их той весной стали собирать каждую среду вечером для обучения обращению с оружием и военной тактике. Для всей интернациональной коммуны в Москве это было знаком приближения войны. Но когда и каким образом Советский Союз вступит в войну?²

Кроме разрыва дипломатических отношений с Норвегией со стороны Советского Союза на Гильберта Фуруботна также сильное впечатление произвело одно необычное задание. Ему сообщили, что он нужен на Кольском полуострове как переводчик и репортер. В на-

чале осени 1940 года из Восточного Финнмарка в Советский Союз тайно переправилась большая группа норвежцев. Они бежали из оккупированной немцами Норвегии, где коммунисты, несмотря на громкие слова о дружбе между Гитлером и Сталиным, сразу же ощутили на себе новый порядок. 16 августа в помещении, которое занимала Норвежская коммунистическая партия (НКП) в Осло, прошел обыск, партия практически была запрещена.

За две недели до этого в Киркенесе немецкая полиция безопасности (гестапо) наведлась в середине ночи в дом к Готфреду Хельволлу. Немцы хорошо знали, куда нанести удар. Готфред Хельволл три года проучился в партийной школе в Москве и перед войной был одним из лидеров коммунистов в Финнмарке. Коммунисты в Финнмарке почувствовали, что у них под ногами горит земля. Они собрались в Якобсенесе под Киркенесом на встречу, где Хельволл и другие коммунисты, в том числе Сверре Сёдерстрём и Хокон Сневе, выработали тактику дальнейших действий. Им, известным коммунистам, следовало бежать в Советский Союз, чтобы там разрабатывать планы по организации сопротивления немцам. Следовать официальной линии НКП об отношении к войне как империалистической, до которой коммунистам нет дела, больше не было возможности, хотя они пытались поступать таким образом до последнего.

За осенние месяцы 1940 года через море на восток сбежали из Восточного Финнмарка около ста человек. Эта «эмиграция» и много лет спустя будет много значить, в том числе и для Московского радио³.

Появление норвежцев стало неожиданностью для советских властей. Первая реакция была простой: норвежцев арестовали за незаконный переход границы. Для самого первого норвежского «перебежчика» – Альфа Миккельсена, который бежал в одиночку, – дело закончилось печально. Его судили и приговорили к 8 годам тюрьмы, он умер в лагере в 1941 году. Для тех, кто перебрался в Советский Союз осенью 1940 года, все закончилось не столь плохо. Хотя отношение русских стало шоком для перебежчиков: их, норвежских коммунистов и «сочувствующих им», бросили в тюрьму, а ведь они считали, что прибыли на свою идеологическую родину.

«Я не хочу жаловаться, но первый месяц, который мы провели здесь в Советском Союзе, был действительно ужасным. Я все время мерз, боялся, что у меня опять разовьется невралгия, которая меня донимала раньше. Еще раз мне подобное не перенести», – писал Оге Халвари (из Киберга) в объяснительной записке Коминтерну в апреле 1941 года. Но реальная политика зачастую цинична, ей не нужны идеалы. Для советского руководства главным было тогда не раздра-

жать немцев. Все было направлено на то, чтобы выиграть время, подготовиться к решающей схватке, которой, как считал Сталин и его окружение, не избежать. О человечности думали мало, когда возились с небольшой группой коммунистов из Финнмарка⁴.

Вскоре советские власти поняли, что беженцы из Норвегии, хоть и нарушили границу, но имеют право на достойное отношение – ведь они спасались от нацистов. В МОПР – Международную организацию помощи революционерам – сообщили о беженцах, но первое время ими занимались только местные власти в Мурманске: нужно было где-то разместить вынужденных эмигрантов, помочь им устроиться. Норвежцев перевезли в город Апатиты к югу от Мурманска, где их принял большой колхоз «Индустрия». Кроме работы на лесозаготовках заполярные колхозники разводили домашних животных и выращивали овощи.

Местным руководителям было очень трудно придумать, чем занять беженцев. К тому же огромной проблемой было незнание языка и отсутствие переводчиков, хотя Готфред Хёльволл и некоторые другие беженцы в какой-то степени владели русским языком. У Готфреда Хёльволла со времени обучения в партийной школе в Москве сохранились контакты в аппарате Коминтерна. 14 января 1941 года от имени 18 членов компартии норвежской колонии беженцев он направил письмо на имя самого Димитрова – генерального секретаря Коминтерна. Главной темой письма был призыв: «Используйте нас! Ведь в интересах социалистической страны дать людям ту работу, которую они умеют делать».

Норвежские беженцы были в недоумении: их определили на работу, связанную с землей и лесом, а не с морем, к чему большинство из них привыкло в Норвегии. Готфред Хёльволл также написал, что все они рассчитывают на скорое возвращение домой в Норвегию. Он был уверен, что Советский Союз очень скоро вступит в войну против Германии, и в этой связи понадобятся знания и умения, которые есть у норвежских беженцев. Но зимой 1941 года Сталину и советскому руководству по-прежнему было важно сохранять дружбу с Гитлером, чтобы у немцев не было ни малейшего повода утверждать, что Советский Союз нарушил пакт от 23 августа 1939 года.

Готфред Хёльволл и другие члены НКП просили руководство Коминтерна найти какую-нибудь литературу на норвежском языке, которая осталась после закрытия Коммунистического университета для национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), где Готфред Хёльволл и Йорген Дал из Киркенеса учились в 1930-е годы⁵.

Письмо Готфреда Хёльволла дошло до Москвы. На русский язык его перевел датский сотрудник Коминтерна Георг Лаурсен

(«Мольтке»), с которым Готфред Хёльволл будет впоследствии тесно общаться на Московском радио⁶.

Георг Лаурсен по прозвищу Мольтке когда-то был художником в Свендборге в датском регионе Фюн. Он родился в 1889 году, за его плечами было много бурно прожитых лет. Политическая деятельность заносила его в Германию, Швейцарию и даже в Алжир, пока в начале 1920-х годов он не стал одним из руководителей только что созданной датской коммунистической партии. Во время Первой мировой войны, находясь в Швейцарии, он успел познакомиться с русским революционером Владимиром Лениным.

Благодаря контактам Георга Лаурсена с русскими революционерами он с 1925 года был тесно связан с Москвой, с Коммунистическим Интернационалом. Георг стал сотрудником Четвертого Управления Генштаба РККА, который в тот период сотрудничал с секретной разведывательной службой Коминтерна – Отделом международных связей, или ОМС*. ОМС в тот период имел разветвленную сеть агентов по всему миру. В 1930-е годы Лаурсен работал как агент в охваченном смутой Китае; этот регион Сталин и советское руководство считали стратегически важным.

В 1928 году Георг Лаурсен получил советское гражданство и изменил свое имя. Теперь его звали Георг Францевич Мольтке**. С февраля

---

* Отдел международных связей (ОМС) получил свое название 5 сентября 1920 года. Эта аббревиатура известна во всем мире, кроме России. К примеру, советские авторы капитального труда «История Коминтерна», изданного в СССР, умудрились даже ни разу не упомянуть о деятельности этого отдела. На Западе же сложилось устойчивое представление, что именно ОМС наряду с военной разведкой (Четвертое управление Генштаба РККА, или Разведупр) и внешнеполитической разведкой (ИНО – Иностраннный отдел ОГПУ) занимался шпионажем в пользу СССР.

** Георг Лаурсен (Georg Laurentius Laursen), 1889, Свендборг – 1977, Москва. Несмотря на образование художника-декоратора, этот датчанин всю свою жизнь посвящал революции. В 1912 году он приехал в Цюрих, прожил там семь лет, успев стать членом Швейцарской социал-демократической партии и другом Ленина. Когда Ленин на Циммервальдской конференции в 1915 году создал ультралевую группу «Циммервальдская левая» (предтеча III Интернационала), которая выступала за превращение империалистической войны в гражданскую, Георг Лаурсен примкнул к ней. Он стал секретным курьером Ленина и Зиновьева. Благодаря своему датскому паспорту, он мог свободно ездить по Европе, чтобы осуществлять связь русских революционеров с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. За организацию всеобщей забастовки в Швейцарии Георг Лаурсен был выслан из страны. Став одним из руководителей созданной в Дании Коммунистической партии, Лаурсен принимал активное участие в деятельности Коминтерна. В 1925 году приехал в Москву, чтобы работать на Коминтерн и мировую революцию. Его первое поручение секретного курьера в Германии закончилось провалом, но из немецкой тюрьмы его освободили, обменяв на трех немецких граждан, схваченных в Москве в качестве шпионов. Тогда же он женился на немке Эльфриде, у них родилась дочь Соня. Затем, сменив имя и став Георгом Францевичем Мольтке, он начал работать на советскую разведку. Его послали с секретным задани-

1940 года он снова был связан с центральным аппаратом Коминтерна, занимал должность в отделе кадров Коминтерна и во время войны играл важную роль в контактах Москвы не только с датскими, но и с норвежскими коммунистами и с Норвегией⁷.

Спустя несколько месяцев после своего письма руководству Коминтерна Готфред Хёльволл поехал в Москву, чтобы лично сообщить Коминтерну о ситуации с норвежскими беженцами. Он также хотел обсудить свое положение. Благодаря учебе в КУНМЗе Готфред Хёльволл пользовался доверием у советских властей. Они поддерживали с ним связь и в годы перед приходом войны в Северный Калотт.

Только Готфред Хёльволл не подозревал, что советские власти располагают данными о его личной жизни в период его учебы в КУНМЗе. У них имелся компромат на Хёльволла, который можно было использовать, если бы он, вопреки ожиданиям, отказался сотрудничать. Но, похоже, им не пришлось прибегать к шантажу, чтобы заставить его работать в Москве. Скорее наоборот, Готфред Хёльволл проявил себя как один из самых активных норвежских коммунистов в Советском Союзе в годы войны⁸.

В конце апреля – начале мая 1941 года Гильберт Фуруботн и Готфред Хёльволл находились вместе с норвежцами на Кольском полуострове, в их маленькой колонии насчитывалось 72 человека. Гильберт увидел, что беженцы, вопреки спартанским условиям, смотрят на жизнь с оптимизмом. Они жаловались на ужасную тесноту, когда семерым приходилось ютиться в крошечной комнатенке с пятью кроватями, им не хватало денег на еду. Многие беженцы болели, не могли работать, а значит, и зарабатывать деньги. Но главным их желанием было уехать из колхоза и получить работу, которую они умели делать.

Большинство мужчин-норвежцев выросли на побережье и были рыбаками. Они надеялись, что Гильберт Фуруботн поможет им: найдет им другое пристанище, и они смогут уехать из колхоза

ем в Шанхай, где первый год он сотрудничал с Рихардом Зорге. По возвращению в Москву в 1940 году Георг Мольтке работал на Московском радио, в Коминтерне, а после 1943 года – в структурах, созданных на его базе. В 1949 году он был арестован и осужден, были репрессированы также его жена и дочка. Они провели несколько лет в ГУЛАГе, в 1953 году были освобождены. После возвращения в Москву Мольтке продолжил работу на Московском радио, семье выделили московскую квартиру. Мольтке побывал в 1969 году в Дании на праздновании 50-летия Датской коммунистической партии (ДКП). После его смерти ДКП оплатила кремирование, доставку его праха в Данию и захоронение. Жена Эльфрида и дочь Соня, оставшиеся в Москве, пережили его всего на один год.

«Индустрия», из Апатитов. Норвежцы также хотели получать норвежские газеты и книги, хотели учить русский язык. Не сможет ли Гильберт перевести на русский небольшие пьески, чтобы они могли устроить театр? Некоторые из норвежцев, например 29-летняя Сольвейг Берг из Вадсё, участвовали в Норвегии в самодеятельности, потому что в предвоенное время в Финнмарке процветал любительский театр, и многие норвежцы участвовали в его постановках. Они хотели продолжать этим заниматься – беженцы в чужой стране!

«Им важно выучить русский язык, а также больше узнать о Советском Союзе. Но они не должны ни в коем случае забывать свой родной норвежский язык», – так писал Гильберт Фуруботн, вернувшись в Москву в конце мая 1941 года. Он собирался узнать у Анны Далланд, не поможет ли она с книгами на норвежском языке, в первую очередь детскими⁹.

Апатитская встреча с беженцами из Финнмарка, обыкновенными крестьянами и рыбаками, не была простой для Гильберта Фуруботна, хотя и воодушевила его. Там, вдали от московских интриг и террора, он увидел коммунизм на практике, солидарность – как в книгах. «Они работают очень хорошо. Молодежи есть на что надеяться, им бы только хорошее образование, и они станут хорошими коммунистами», – писал он в отчете после поездки на Кольский полуостров. Он также попросил руководство МОПРа оказать денежную помощь норвежским беженцам, и делать это на регулярной основе. Еще нужно было организовать посылку литературы и бумаги, чтобы они могли делать стенные газеты¹⁰.

Но все хорошие предложения по улучшению положения норвежских беженцев реализовать не удалось. Не прошло и месяца после поездки Гильберта Фуруботна на Кольский полуостров, как немцы нанесли удар по Советскому Союзу по всей линии границы: от Северного Ледовитого океана на севере до Черного моря на юге.

Голова Анны Далланд была теперь занята другими мыслями. Ей не пришлось искать норвежские книги у себя дома на Гоголевском бульваре. Теперь она должна была выступать в новой для нее роли радиоведущей, потому что Надежда Снежко и руководство редакции решили, что Московское радио будет вести регулярное вещание и на норвежском языке.

Гильберта перевели из КИМа в Радиокomiteт, как, собственно, и называлось Московское радио официально. Этого следовало ожидать. Хотя на какое-то время он находился «в немилости», никто никогда не сомневался в его политической подкованности или способностях. 1 июля 1941 года, то есть неделю спустя после нападения немцев, Гильберт Фуруботн стал журналистом и руководителем нор-

вежской редакции в Москве. Его задачей было информировать норвежцев о военной ситуации на восточном фронте, а также призывать норвежцев к сопротивлению у себя на родине, так как это облегчало положение Красной Армии¹¹.

Вскоре голос Гильберта Фуруботна, который говорил на правильном норвежском языке, стал для норвежских радиослушателей символом борьбы с казавшейся тогда непобедимой Германией.

НА МОСКОВСКОЕ РАДИО ПАДАЮТ БОМБЫ

22 июня 1941 года, когда Германия напала на Советский Союз, на радио был обычным воскресным днем с нормальным расписанием вещания, но в три часа ночи командующий советским черноморским флотом сообщил о налете немецких бомбардировщиков на военноморскую базу в Севастополе в Крыму. В течение следующего часа стало понятно: массированная атака развернулась по всему западному фронту, вдоль границы с Германией и Румынией.

Спустя два часа немецкий посол в Москве граф Фридрих-Вернер фон Шуленбург прибыл к министру иностранных дел Вячеславу Молотову с официальным объявлением войны. Как вспоминают свидетели, в глазах Шуленбурга стояли слезы, он сказал, что по его личному мнению Гитлер сошел с ума¹.

Всего лишь несколькими днями ранее Московское радио по всем своим каналам от имени советского правительства официально заявляло, что слухи о готовящемся немецком нападении – буржуазная пропаганда, что Советский Союз делает все, чтобы строго следовать договору о взаимопомощи, который был заключен 28 сентября 1939 года и являлся продолжением пакта Молотова–Риббентропа².

Советские люди, особенно в крупных городах, почувствовали к весне 1941 года, что между Германией и Советским Союзом нарастает напряжение. Удары немцев по Югославии и Греции подвинули войну ближе к границам СССР, а из прессы почти исчезли упоминания о проектах в рамках немецко-советского сотрудничества. Поэтому многие слушали радиоприемники 22 июня, чтобы узнать новости из Москвы о политической ситуации. Но передачи шли своим чередом. После новостей об увеличении производительности труда на советских предприятиях началась обязательная утренняя зарядка: важно

---

* Германо-советский договор о дружбе и границе – договор между нацистской Германией и Советским Союзом, подписанный после вторжения в Польшу Германии и СССР министром иностранных дел Германии Риббентропом и народным комиссаром по иностранным делам СССР Молотовым. В прессе был опубликован только договор, без трех секретных протоколов.

быть в хорошей физической форме, когда строишь социализм. В парке имени Горького, как обычно по воскресеньям, гуляли люди, дети со смехом кружились на каруселях, из громкоговорителей лилась веселая музыка. И только в 12 часов дня вдруг зазвучали марши, и все поняли: что-то случилось.

По радио объявили, что сейчас с коротким заявлением выступит министр иностранных дел Молотов. Преданный делу партии революционер-ветеран сказал, что ему поручено от имени правительства и Иосифа Сталина объявить о нападении Германии на СССР. Молотов говорил, запинаясь, без суровости в голосе, которую можно бы было ожидать от члена правительства страны, вступившей в войну.

Позже Юрий Левитан объявил советским гражданам о начале Великой Отечественной войны. Все в огромной советской стране знали, кто такой Левитан. Если по радио звучал сильный выразительный голос Юрия Левитана, то все понимали, что будут передавать что-то важное³.

22 июня 1941 года стал напряженным днем для всех в Доме радио в Малом Путинковском переулке. По счастью, воскресенье было днем с самым продолжительным вещанием в эфире, и народу на работе было много. Речь Молотова или, точнее, заявление Советского правительства, которое он зачитал, нужно было перевести на разные языки и донести до слушателей всего мира. Теперь не было сомнений, кто против кого.

В рабочих кабинетах Коминтерна на северо-востоке Москвы искали любого, кто способен был помочь. И здесь возникли трудности. Кто сможет зачитать заявление о начале войны по-польски? Тысячи членов польской компартии были безжалостно уничтожены во время террора 1937 и 1938 годов. Польская Коммунистическая партия вообще была ликвидирована*. Наконец, нашли Стефанию Марскую, которая могла по-польски объявить в эфире, что Советский Союз теперь находится в состоянии войны с Германией. А ведь прошло всего два года с того момента, когда эти страны делили Польшу между собой.

Секретарю Коминтерна Георгию Димитрову Сталин приказал забыть о социализме и революции. Все силы необходимо было бросить на защиту советского государства. Димитров взялся за организацию

---

* Решение о роспуске Коммунистической партии Польши было принято Президиумом ИККИ 16 августа 1937 года; ее руководители были арестованы и расстреляны. В качестве причины роспуска КПП называлось якобы присутствие в ее рядах агентов польского фашизма.

радиопропаганды на Европу, последующие недели ушли на то, чтобы перестроить аппарат Коминтерна для этой работы⁴.

После того как Анна Далланд поручили зачитать сообщение о начале войны по-норвежски, на Московском радио фактически появились две новые редакции – польская и норвежская.

Сотрудники Московского радио называли свое радио «Второй фронт». Работа была поделена на четыре направления: передачи на страны, воюющие против Советского Союза, передачи на оккупированные страны, вещание на страны-союзники Советского Союза, воюющие против Германии и других стран оси, а также вещание на нейтральные страны⁵.

«Говорит Москва. Слушайте передачи из Москвы в диапазоне 41–49, на средних волнах 20 метров».

Так начиналось вещание на Норвегию. Передачу можно было слышать каждый вечер начиная с конца лета – начала осени 1941 года. Эти передачи стали важной частью движения Сопротивления, хотя их слушали очень немногие. Анна Далланд находилась теперь на передовой в борьбе с фашизмом, эту борьбу ее муж Рандульф Далланд вел с того момента, когда в 1937 году отправился в Испанию сражаться с Франко.

В общем и целом все теперь стало намного проще, недоумение и растерянность из-за пакта Советского Союза с Германией были в прошлом. Анна стало гораздо легче, особенно после того, как она узнала, что ее муж, вероятно, находится в Англии. Об этой стране постоянно говорилось в передачах Московского радио. Теперь, подъезжая на автобусе, идущем по широкому Садовому кольцу к Пушкинской площади и радиоцентру, она знала, что в борьбе с фашизмом и Гитлером она стоит плечом к плечу со своим Рандульфом. Может быть, где-то далеко ее дорогой муж слышит ее голос?

До 22 июня Анна Далланд редко оказывалась перед микрофоном, лишь от случая к случаю, в рамках вещания шведской редакции. Теперь же она стала «норвежским голосом» Москвы, рассказывая норвежцам о героическом сопротивлении, которое оказывали советские войска немецким захватчикам.

Когда пришло известие о нападении Германии на Советский Союз, Рандульф Далланд находился в Лондоне в отпуске. Как бывший боец испанского фронта он чувствовал себя чужим среди норвежских эмигрантов. Ему настоятельно не рекомендовали писать письма жене в Москву, ведь весной 1941 года Советский Союз и Германия являлись союзниками, а Великобритания была единственной державой в Европе, которая активно сражалась с нацизмом. Он не стал писать писем и своим родным в Норвегию – боялся, что это может повре-

дить его семье в Бергене. Но летом 1940 года Рандульфу Далланду удалось кружным путем послать весточку о том, что он благополучно перебрался в Англию. Так что Анна и Эва в Москве узнали, что он вырвался из застенков Франко живым.

В июне 1941 года Рандульф Далланд получил свой первый отпуск. Он служил в военной бригаде, располагавшейся около города Дамфрис в Шотландии. Он поехал на поезде в Лондон, чтобы встретиться с группой беженцев из Бергена. Тогда же он узнал, что с его родными дома все в порядке, но ситуация в Бергене становится все более напряженной. Как раз в те дни, когда он находился в Лондоне, немцы напали на Советский Союз. В этот момент для норвежского коммуниста все встало на свои места. «Такая радость была по этому поводу – новость открыла и открывает большие возможности», – писал он в своем первом письме жене в Москву. Теперь никто уже не мог запретить переписку между Великобританией и Советским Союзом: обе эти страны и норвежские силы объединились для борьбы с Гитлером.

Вернувшись в Дамфрис, в распоряжение своей части, Рандульф сел к радиоприемнику, чтобы поймать передачу из Москвы на каком-нибудь знакомом ему языке. Потом он написал Анне: «Время было уже девять, когда я услышал норвежский язык на волне Москвы. Я не мог понять почему, но у меня вдруг заколотилось сердце. И вдруг меня пронзила мысль – это был твой голос!»

После четырех с половиной лет разлуки Анна и Рандульф Далланд, опять были вместе благодаря Московскому радио. Наверное, это произошло в первые дни после немецкого нападения. Тогда Анне Далланд приходилось зачитывать не слишком веселые новости с восточного фронта. Нападение немцев ошеломило советские войска, в течение нескольких дней гитлеровские танковые дивизии сразу продвинулись на несколько сотен километров на восток. Но не это занимало мысли Рандульфа Далланда, когда он писал свое первое письмо жене в Москву из Шотландии. «Шок, который я испытал в тот вечер, был гораздо больше, чем тот, что я пережил во время разведывательного рейда во время ночной атаки, когда меня вдруг свалил ударом солдат-франкист», – писал он 13 июля 1941 года. Письмо шло больше десяти месяцев. Для Рандульфа Далланда вечера около радиоприемника стали светлыми минутами, скрасившими его будни в норвежской бригаде. «С тех пор я внимаю голосу моего божества так часто, как только возможно. И мне очень не нравится, когда в эфир выходит кто-то другой вместо тебя»⁶.

В июне 1941 года Анна Далланд уже выполняла задания руководства радио в Москве, но в целом норвежскую редакцию надо было

«строить» с нуля. Норвегия теперь была на первом плане. Работу норвежской редакции ценили выше датской, которая была создана лишь спустя два года. Из старых коминтерновцев 1930-х годов в Москве остались только двое – Анна Далланд и Гильберт Фуруботн. Именно эта пара стала стержнем норвежской редакции⁷.

Все сомнения 1937 года в отношении Гильберта Фуруботна были отменены, и вскоре 29-летний норвежец стал ответственным редактором с зарплатой 1200 рублей в месяц. Деньги были большие, хотя война очень скоро породила огромные трудности в снабжении Москвы продовольствием. Анну Далланд приняли на работу на должность машинистки, главным образом по формальным причинам. Она зарабатывала всего лишь 450 рублей в месяц, но, видимо, получала отдельную плату, когда выполняла работу диктора. В сохранившихся советских документах она по-прежнему проходит под псевдонимом, который ей присвоили во время учебы в Ленинской школе – Анна Орстад. Руководство радио прочесало весь город в поисках людей со знанием норвежского языка, и вскоре на должность корректора в редакцию взяли Тамару Майорову. В период между двумя мировыми войнами, когда отец Тамары работал в советской дипмиссии в Осло, она ходила в норвежскую школу. На протяжении многих лет она будет оставаться верным сотрудником радио, ее голос также станет знакомым всем, кто слушал тогда Московское радио⁸.

Немецкая разведка хорошо знала, где делаются международные передачи Московского радио. Московский Дом радио в Малом Путинковском переулке в центре столицы не был засекречен, а немецкие дипломаты благодаря дипломатическому иммунитету могли до 22 июня 1941 года свободно передвигаться по Москве, планируя будущие цели бомбежек. Первый авианалет немцы совершили через месяц после начала войны, и тогда немецкие летчики хорошо к нему подготовились. Вечером 11 июля неподалеку от радиоцентра упали три бомбы, одна из них – прямо во двор. Гитлеровский министр пропаганды Йозеф Геббельс торжествовал: «Сегодня Москва НЕ БУДЕТ говорить!»⁹

Невероятно, но бомба во дворе не разорвалась. Как объяснило руководство радио, в бомбе не было взрывчатого вещества, а только кусочки асфальта. Говорили также, что в ней нашли записку на немецкой языке: «Помогаем, чем можем. Привет от немецких рабочих». Помогла ли эта история укрепить моральный дух Гильберта Фуруботна и Анны Далланд, трудно сказать. Во всяком случае, эта легенда продолжала жить как доказательство героизма и важности работы, которую сотрудники Московского радио делали во время войны¹⁰.

Когда Вячеслав Молотов и Юрий Левитан сообщили советскому народу о начале войны, Ксения Александровна-Сунд находилась на железнодорожном вокзале украинского промышленного города Харьков. Люди вокруг находились в таком волнении, что она поняла: происходит что-то необычное. Вскоре она узнала о немецком нападении, о том, что война пришла и в Советский Союз. С тех пор как Ксения приехала сюда из Норвегии, она поддерживала контакт со своим отцом Хоконом Сундом. Сейчас она вместе со своей подругой как раз направлялась к нему – он тогда служил заведующим в доме отдыха в Запорожье.

22 июня 1941 года поезда еще ходили по расписанию, и вскоре они с отцом встретились. «Не беспокойся, все это скоро кончится», – сказал Хокон своей дочери. Но он быстро понял, что дело принимает серьезный оборот, и ничего другого, как собрать вещи и покинуть днепровские берега, не остается.

18 августа в Запорожье уже появились первые немецкие танки, но немцам понадобилось еще полтора месяца, чтобы овладеть Харьковом – важным индустриальным центром, но к тому моменту Ксения и Хокон Сунд уже были далеко. И жизнь их приняла неожиданный оборот.

В Москве была нехватка людей, знающих норвежский язык. И хотя Ксения и Хокон не считали, что подходят по своим способностям для работы на Московском радио, их возражения никто не слушал. Война – такое время, когда все формальности и сомнения нужно отбросить, поэтому отец и дочь Сунды стали коллегами Анны Далланд и Гильберта Фуруботна в норвежской редакции в Доме радио в Малом Путинковском переулке, 2¹¹.

Первый военный год был нелегким для сотрудников Московского радио. Из-за опасности авианалетов в Москве ввели комендантский час. Поэтому те, кто был занят в вечерних и ночных передачах, не имели возможности пойти домой после работы. Помещения редакции и даже студии становились местом проживания сотрудников. Здесь же, в подвале этого старого здания, им приходилось прятаться от бомбежек.

«Кто-то спал на полу, кто-то на столе. Спали даже на рояле и под роялем, который стоял в самой большой студии», – такими были первые впечатления Ксении Александровны, когда она, вчера еще подросток, стала редактором и переводчиком Московского радио.

В то первое военное лето Эве Далланд приходилось иногда бывать у мамы на работе. Она помнит, как было страшно прятаться в подвале во время бомбежки. А для Марты Шульц в шведской редакции ситуация была почти безвыходной: дома оставались двое детей, а ей

нужно было каждый вечер идти на работу, чтобы читать новости по-шведски. Она жила недалеко от Дома радио, потому часто, несмотря на комендантский час, спешила по пустым улицам домой. Один раз ее арестовали, но даже на своем плохом русском языке ей как-то удалось выкрутиться.

Мало кто тогда жаловался. Все понимали, как трудно сейчас солдатам и людям в районах военных действий. «Мы – еще совсем юные люди, кому пришлось начать работать в то время, стали взрослыми буквально за несколько месяцев», – говорит Ксения Александрова-Сунд сейчас. Она – единственная из ныне здравствующих сотрудников Московского радио, переживших войну, кто может рассказать о передачах, которые делались под звуки воздушной тревоги и свист падающих бомб¹².

РАБОТАЕМ, НАДЕЕМСЯ И ВЕРИМ...

В сентябре 1941 года дочь Анны и Рандульфа Далландов Эва должна была вместе со своей подружкой Клавдией Бабаевой пойти в шестой класс школы № 57. Но линия фронта подступала все ближе к Москве. В октябре стало ясно, что советскую столицу, возможно, придется сдать, во всяком случае, на какое-то время. За короткий срок невозможно было организовать эвакуацию всех жителей много-миллионного города, но план по вывозу из Москвы ключевых организаций и структур, включая посольства и другие учреждения, где работали иностранцы, был сформирован в кратчайшие сроки.

Перед руководством Московского радио встала дилемма. Даже под угрозой сдачи Москвы врагу важно было продолжать вещание; также необходимо было дать понять слушателям, что передачи продолжают транслировать из Москвы, чтобы это поддерживало боевой дух, чтобы показать, что и в мыслях нет отдать врагу сердце советского государства. Было принято решение перевезти вместе с правительством и дипломатами в город Куйбышев на Волге только часть редакции. Руководство же Коминтерна было отправлено еще дальше на восток – в город Уфу (Башкирия).

Анна Далланд осталась в Москве вместе с Гильбертом Фуруботном и Хоконом Сундом, а Марту Шульц отправили в Куйбышев, чтобы хотя бы шведские передачи могли продолжаться без перерыва, если немцы займут Москву.

Старейшины радиосообщества Сикстен фон Егерфельт и Бертиль Вагнер остались в Москве. Несмотря на то что в первую военную зиму они постоянно ходили больными из-за холода и голода, им удалось регулярно выпускать программы¹.

Кому-то пришлось уехать очень далеко от Москвы. Финская редакция оказалась за Уралом в Свердловске (этому городу в настоящее время вернули его дореволюционное имя – Екатеринбург). Там в очень трудных жизненных условиях она вели военную пропаганду против союзницы Германии – Финляндии².

Осенью 1941 года Эва Далланд отправилась в путешествие, которое запомнила на всю жизнь. Сначала ей пришлось добираться до

Свердловска, а уже оттуда ее повезли в деревню. Ей было 14 лет, она много успела повидать, но та первая зима вдали от мамы и Москвы показалась ей очень тяжелой. Как и многим другим советским гражданам, ей пришлось мириться с нехваткой всего – не было еды, одежды, тепла в доме, а самое главное – не хватало внимания и любви со стороны взрослых. Но она уже становилась взрослой девушкой, которая умела легко приспосабливаться к обстоятельствам. Эва пережила первую военную зиму без серьезных проблем, которые могли отразиться позднее на ее здоровье. А это удалось не всем. Миллионы советских людей расплатились жизнью или подорванным здоровьем за военные годы голода и холода. Это было связано и с тем, что все ресурсы шли в первую очередь солдатам на фронт³.

А в норвежской редакции на Московском радио все постепенно налаживалось. Гильберт Фуруботн продолжал руководить редакцией – следил за тем, чтобы в ней было достаточно сотрудников для выпуска передач в эфир. Что же касается содержания передач, то все было «централизовано». Редакции вне зависимости от языка должны были работать с материалами, которые спускались сверху. В большом зале Дома радио вместе с машинистками сидели переводчики и составляли тексты, которые должны были зачитываться в эфире.

Нетрудно было выбрать приоритеты, когда Советский Союз и весь мир оказались втянуты в войну невиданного доселе масштаба. Каждый выход в эфир содержал сводки с фронта, которые были главной темой выпуска. Конечно, речь шла о сражениях на восточном фронте, где немцы после стремительного продвижения летом 1941 года стали встречать все более сильное сопротивление и, наконец, были остановлены на подходе к двум самым большим городам – Москве и Ленинграду.

Было создано Советское информационное бюро – Совинформбюро. Именно с военных сводок этого бюро началась передача на норвежском языке 24 марта 1942 года. Передача в тот день была обыкновенной, похожей на программы, которые слушали норвежцы из Москвы во время войны. Слушатели также узнали, что партизаны в Югославии оказали небывалое сопротивление немецким оккупантам. Коммунистов и антифашистов в других странах Европы тем самым призывали последовать их примеру. В передаче на норвежском языке, которая в тот вечер шла между 18.35 и 18.58, говорилось также о сопротивлении, которое немецкой оккупации оказывают поляки. Тут же прозвучал и общий призыв к жителям оккупированных стран не работать на немецкую военную промышленность, далее в передаче были зачитаны короткие сообщения новостного бюро ТАСС⁴.

Последнее письмо из Норвегии Анна Далланд получила в июне 1941 года. С тех пор она ничего не знала о судьбе своих родных в Бергене. В письме к мужу Рандульфю в мае 1942 года она пишет: «Больше всего тревожусь за Бьярне». В 1940 году брат ее мужа Бьярне находился одно время под арестом и сидел в лагере Ульвен под Бергеном, и об этом Анна Далланд знала. Как активный коммунист и «выборный» от рабочих в порту Бергена он находился в «группе риска», особенно теперь, когда Германия и Советский Союз воевали друг с другом. Бьярне действительно был вскоре снова арестован, спустя несколько месяцев после этого письма Анны к мужу в Англию. 1 марта 1943 года его вместе 17 другими норвежцами расстреляли в Трандуме к северу от Осло. Третий из братьев Далландов отправился из Бергена в Англию и пропал. Только потом семья узнала, что Турвальд Далланд находился на борту судна «Блиа», которое в 1941 году затонуло.

«Ужасно сидеть здесь, не зная о том, что происходит. Но будь спокоен – люди сражаются. Немцам здесь приходится не сладко. Но сколько еще потребуется жертв... Сколько прекрасных людей погибнут прежде, чем их прогонят отсюда», – писала Анна Далланд в мае 1942 года. Ее дочь Эва по-прежнему была «в деревне». Мама строго наказала Эве писать папе письма на норвежском языке. «Так что она корпит над письмами, но не сдаётся. Поскольку она живет без меня, то не практикуется ни в разговорной речи, ни в письменной»⁵.

Сначала Анну Далланд приняли на Московское радио машинисткой. Может быть, из-за того, что она написала осенью 1940 года в своей «автобиографии», что ее политическая подготовка, к сожалению, не достаточна, ее «обошел в чинах» Гильберт Фуруботн, возглавивший норвежскую редакцию. А может быть, верхушка Коминтерна и советская партийная элита узнали из рапортов из Норвегии о том, что отец Гильберта Педер Фуруботн возглавил подпольную борьбу против фашистов, и поэтому важно было поставить его сына в Москве на ключевую позицию – на должность редактора?

Вопросов о компетенции Гильберта Фуруботна никто не поднимал. «Высокоразвитый, замечательный человек», – писал Георг Лаурсен (Мольтке) в служебной записке о Гильберте Фуруботне в 1944 году, но добавлял, что Гильберт Фуруботн «неизлечимый алкоголик», и что алкоголизмом также страдал его отец – Педер Фуруботн⁶.

Гильберту Фуруботну было 29 лет, когда он летом 1941 года был переведен из Коминтерна на Московское радио. У него почти не было журналистского опыта, в то время как Анна Далланд имела опыт работы в прессе Норвежской коммунистической партии у себя на родине, а с 1938 года – в шведской редакции в Москве. Нагрузка на работе

была очень высокой. Часто Гильберт приходил в студию, держа в руках сводки на русском языке, ему приходилось переводить их с листа и читать в эфире. Передачи требовалось наполнять материалом, и его ответственность была очень велика. Ведь совсем недавно он чувствовал ледяное дыхание НКВД в затылок.

А дома, в Норвегии для его отца Педера и особенно для его мамы Гины слышать голос Гильберта по радио было большим счастьем. Когда в июне 1941 года началась война Германии против Советского Союза, семья Фуруботнов нелегально жила на хуторе в Мидсэтере в Осе, расположенном к югу от Бергена. Почти четыре года продолжалась игра в прятки с немецкими оккупантами, и все это время семья Фуруботнов представляла реальную силу в подпольном сопротивлении нацистам. 31 декабря 1941 года Педера Фуруботна снова избрали генеральным секретарем Норвежской коммунистической партии. Несмотря на то что немцы и норвежские нацисты несколько раз нападали на его след, руководство НКП, Фуруботн и его семья пережили войну. Большой заслугой Педера Фуруботна было то, что партия, таким образом, могла работать нелегально. Но он все время переживал и беспокоился за старшего сына и его двух детей в Москве. Он знал, что Гильберт перед войной пережил тяжелый период, да и вести военную пропаганду в эфире каждый вечер было тоже нелегко⁷.

У Гильберта Фуруботна была та же проблема с алкоголем, что и у Педера Фуруботна. Но отец все-таки мог сдерживать себя, а вот Гильберт во время войны совершенно потерял контроль. «Он может уйти в запой на три или четыре дня, и тогда становится еще и больным психически», – писал Мольтке в ноябре 1944 года⁸.

«В те дни на него страшно было смотреть. Он пил водку, как будто это была вода. Никто не мог его остановить. Наконец мы собрали деньги, чтобы он мог поехать подлечиться в санаторий». Ксения Александрова была подростком, когда в 1942 году увидела редактора норвежских программ Московского радио. Ей и до этого случалось видеть пьющих людей, но людей, допившихся до такого состояния, как Гильберт Фуруботн, ей встречать не приходилось⁹.

Просто чудо, что при таком тяжело страдающем от алкоголизма редакторе норвежские передачи из Москвы вообще выходили в эфир во время войны. Но Гильберт Фуруботн обладал какой-то внутренней силой и убеждениями, которые держали его на плаву, несмотря на все проблемы. «Работал он очень хорошо – и в Коминтерне, и на радио», – писал Мольтке в другой служебной записке от 12 декабря 1944 года. В этот период Фуруботн находился в санатории под Москвой, но сначала, в августе 1944 года, его положили в психиатрическую клинику. Мольтке считал, что после лечения Фуруботну

стало гораздо лучше, но врачи рекомендовали ему сменить место работы, чтобы он смог справиться с проблемами, которые осложняли ему жизнь¹⁰.

Когда Гильберт Фуруботн дошел до той черты, что его пришлось положить в больницу, война уже практически была выиграна. По его мнению, в редакции были запредельные, невозможные нагрузки, и так думал не он один. Когда Хокон Сунда взяли на работу на радио, у него не было никакого журналистского опыта, до этого он заведовал домом отдыха на Украине. Почти всю свою жизнь он был чиновником в советском госаппарате. Его контакты с норвежцами ограничивались членами маленькой группы норвежцев, связанной с Коминтерном в Москве. Но он перед Первой мировой войной закончил гимназию в Норвегии, и писать и читать по-норвежски не разучился. Именно такие люди понадобились руководству Московского радио в 1941 году.

Но работа на радио у него не клеилась. Может быть, он сам считал работу слишком трудной, или его сочли не способным к зачитыванию текстов в эфире. В 1943 году Хокон Сунда сначала на короткое время перевели на работу в новостное бюро ТАСС на должность референта, а потом он стал сотрудником издательства, выпускающего книги на иностранных языках, задачей которого было распространять агитационную литературу о Советском Союзе и пропагандировать коммунистическое учение среди народов мира. Таким образом, на тот момент радиокарьера Хокон Сунда прекратилась¹¹.

В 1943 году ситуация с персоналом на радио стала лучше, и Анна Далланд получила повышение – стала заместителем редактора норвежской редакции. Одновременно начались передачи на датском языке, что стало большим подспорьем для норвежской редакции. Перед микрофоном в датской редакции встал Георг Лаурсен (Мольтке). Этот датчанин, покинувший родину в 1920-е годы, стал благодаря своему сильному и мощному голосу символом датского движения Сопротивления, как Гильберт Фуруботн и Анна Далланд для норвежцев, которые украдкой слушали спрятанные радиоприемники. Письменный язык обоих народов был почти идентичным, поэтому норвежская и датская редакция на Московском радио на протяжении многих лет работали очень тесно.

Вместе с Мольтке легендой датской редакции стала «фру Хансен». Маргрете Хансен приехала в Советский Союз вместе со своим русским мужем-дипломатом. Позднее он ушел от нее к молодой русской женщине, но Маргрете осталась в Москве, так никогда толком не научившись говорить по-русски. Во время Второй мировой войны она, которая была «ником», вдруг стала «всемирной»: у Маргрете появилась

возможность говорить, обращаться ко всему датскому народу через эфир. Маргрете в свою очередь привлекла к работе на радио архитектора Владимира Гроссмана. Он в 1943 году занимался восстановлением разрушенных войной городов, но был приобщен к работе «Второго фронта» в качестве переводчика и диктора. Как и для многих других, для него это была дополнительная работа, помимо основной¹².

Но как сотрудники Московского радио узнавали о событиях в оккупированной немцами Европе? Для скандинавской редакции важным источником информации о Норвегии и Швеции была, конечно, нейтральная шведская пресса. Передачи шведского радио также были важным подспорьем. По мере развития военных действий и после вступления в войну на стороне союзников США шведским властям стало понятно, что больше нельзя быть уверенными в победе Германии. Поэтому отчеты о положении дел в оккупированных немцами странах стали более смелыми и критичными, это давало возможность Московскому радио получать свежие новости из этих стран.

30 июля 1942 года в передаче на норвежском языке Московское радио сообщило о нападениях на студентов со стороны правительства Квислинга в Осло и о том, что в Норвегии эпидемия тифа. После обязательных военных сводок в передаче, вышедшей в 18.40, также сообщалось о притеснении норвежцев немцами, которые контролировали уловы рыбаков¹³.

Надежда Снежко стала ведущей сотрудницей скандинавской редакции на Московском радио. Начинала она как редактор норвежской секции, но затем возглавила всю скандинавскую редакцию. Надежду знали как талантливого организатора, она была способна начитывать тексты прямо из головы, не делая предварительных записей. Снежко стала использовать новую форму передач – радиоскетчи. Особую популярность имели сюжеты, где главными героями были члены правительства Квислинга, которые сталкивались с многочисленными проблемами, пытаясь завоевать доверие народа¹⁴.

За короткое время после спонтанного старта в июне 1941 года норвежская редакция встала на ноги и вещала на Норвегию пять раз в сутки. Например, 30 июля 1942 года первый эфир был в 8.40 утра. Он продлился до 8.59; вечером состоялось несколько передач: с 18.40 до 18.54, с 22.40 до 22.54, с 23.30 до 23.44. И, наконец, в час ночи – последняя передача, которая закончилась в 1.29. Всего набиралось полтора часа эфирного времени – удивительно много, если знать, что передачи норвежской редакции Би-би-си в феврале 1942 года звучали в эфире всего 70 минут в сутки и выходили в эфир четыре раза в день. И ведь передачи московского радио шли вживую, сделать за-

пись и отпустить дикторов домой поспать не было возможности; требовалось их постоянное присутствие на посту¹⁵.

Конечно, передачи из Москвы сообщали в основном о событиях на Восточном фронте. Там 10 миллионов солдат вели борьбу не на жизнь, а на смерть с ожесточением, которому не найти примера в истории, во всяком случае в новейшей. Лидеры западных стран понимали, что исход мировой войны решается там, на просторах украинских и русских степей. Это понимали и в Норвегии, как участники Сопротивления, так и члены правительства Квислинга.

Проблемой норвежской редакции Московского радио и норвежской секции Би-би-си было неведение – сколько людей слушают их передачи? Нацисты в Германии уже в 1930-е годы поняли, как важно выиграть пропагандистскую войну, поэтому поставили задачу во что бы то ни стало заставить замолчать голоса «Красной воли».

После нападения на Советский Союз в оккупированной Норвегии населению было приказано сдать все радиоприемники. Дисциплинированные норвежцы в большинстве своем подчинились приказу: осенью 1941 года было сдано 538 тыс. радиоприемников. Но многим удалось спрятать свои приемники, и они стали важным источником информации для быстро растущей нелегальной прессы. Передачи из Москвы, воодушевляя на борьбу с немцами и с квислинговским режимом, были особенно важны для Педера Фуруботна и участников Движения Сопротивления в Норвегии¹⁶.

«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

Сольвейг Берг была красивой, еще в ранней юности ее внешность привлекла внимание фотографов. Эту девушку, стоящую на пристани и насаживающую наживку на крючки, они запечатали на фоне родного Вардё. Снимок веселой девушки с открытым взглядом и черными кудряшками был сделан в конце 1928 года, когда ей было 16 лет. А после Второй мировой войны многие стали называть Сольвейг «Красной звездой». Волею судьбы эта норвежка попала на Московское радио и на несколько лет превратилась в радиозвезду.

Сольвейг являлась типичной жительницей Финнмарка, где у многих была смешанная кровь. По отцу она была норвежкой (ее девичья фамилия Йоргенсен), а ее мать – Талвенсаари – происходила из семьи финских эмигрантов. В 1930-е годы предложение работы в Вардё зависело от уловов, и молодежи, в том числе и Сольвейг, в то время жилось нелегко.

Когда-то Вардё был самым важным и крупным городом губернии Финнмарк, но настали худые времена, и 22 декабря 1926 года в городе, который не справлялся со своими долговыми обязательствами, было введено государственное управление, продлившееся 10 лет. Молодежь стала покидать родной город, большинство перебралось на другой берег Варангер-фьорда. В Сёр-Варангере, на шахтах Бьорневатна и лесообрабатывающих предприятиях Якобсна была работа, которая давала бо́льшую уверенность в завтрашнем дне, чем непредсказуемый рыбацкий промысел в Вардё¹.

В 1936 году Сольвейг вышла замуж за Гуннара Берга. Он был уроженцем тех же мест – безлесной, продуваемой всеми ветрами и далеко выступающей в море восточной оконечности Норвегии. Они с Сольвейг вместе переехали в Якобснес, где в 1930-е годы предприятие «Пасвик Тимбер» переживало бурный рост. Лес шел из долины Пасвик и из районов вокруг финского озера Инари. Сюда стекался бедный люд со всего Восточного Финнмарка, здесь у коммунистов были очень крепкие позиции. Якобснес тогда частенько называли Красным, а Киберг, находившийся на континентальном побережье как раз напротив островного Вардё, народ называл Маленькой

Москвой. Причиной этому было большое количество коммунистов и исторические связи с Россией еще с дореволюционной поры.

Сольвейг и Гуннар мечтали о детях и доме, о семейной идиллии в Якобснесе, но мечты не сбылись. Обе их дочери умерли в младенчестве, прожив всего несколько месяцев. Поэтому политическая жизнь стала для этой пары отдушиной. Гуннар Берг являлся активистом молодежного коммунистического движения еще в Вардё, теперь же они вместе с Сольвейг стали членами Коммунистической партии Норвегии. НКП в годы перед Второй мировой войной была значительной политической силой в Якобснесе, хотя на выборах и не могла конкурировать с Рабочей партией. Сольвейг помогала мужу, чем могла, в том числе участвовала в театральных постановках, сборы от которых шли на поддержку едва сводящей концы с концами коммунистической газеты «Будущее Финнмарка»².

Когда в конце лета 1940 года Готфред Хёльволл и другие коммунисты Восточного Финнмарка решили бежать в Советский Союз, у Гуннара и Сольвейг вроде не было особых оснований последовать их примеру. Гуннар не занимал никакой выборной партийной должности, но его сестра Хильдур была замужем за вожаком коммунистов Готфредом Хёльволлом, и это, наверное, объясняет появление Гуннара и Сольвейг на шхуне Акселя Фагервика, взявшей курс к советским берегам, на Рыбачий полуостров в конце августа 1940 года.

Гуннар Берг был силен и молод. Продержав положенное время норвежца в тюрьме, вымотав его на долгих допросах, советские власти решили послать его с разведзаданием в Норвегию. Нужно было выяснить, укрепляют ли немцы свои позиции, готовясь к возможному нападению на Советский Союз на севере.

Рапорты, которые доставил Берг и другие норвежские беженцы, вернувшиеся с задания из оккупированной немцами Норвегии, подтверждали опасения советского руководства. Немцы действительно начали масштабное наращивание военной мощи в Восточном Финнмарке. Она превосходила уровень, необходимый в этом регионе оккупационным войскам. Рапорты были тщательно изучены советской разведкой, но вопреки всему официальная линия «не провоцировать Германию!» не изменилась, и ее следовало строго соблюдать. На севере Сталин даже дал немцам разрешение на заходы в порты Кольского залива, чтобы немецкой Кригсмарине было легче противостоять могучему британскому военно-морскому флоту в северных водах.

Но, как и в случае Анны Далланд и Гильберта Фуруботна, немецкое нападение на Советский Союз 22 июня 1941 года резко измени-

до судьбу Гуннара. Он, как только ему предложили, сразу вступил в ряды Красной армии. У него была масса знакомых в Вардё, поэтому Гуннар стал ценным кадром для советской разведки, когда ранней осенью 1941 года она разрабатывала планы операций в тылу у немцев на полуострове Варангер.

Уже много позднее высадка 13 человек в Лангбюнесе 15 сентября 1941 года была признана слишком рискованной и плохо продуманной попыткой создать партизанскую группу в оккупированной немцами Норвегии. Ведь одно дело партизанить в лесах Белоруссии или в горах Югославии, и совсем другое – на голом скалистом побережье Варангера, где почти нет укромных мест. К тому же побережье так мало заселено, что почти невозможно тайно находиться в этом районе долгое время. Судьба всего десанта окончилась трагически, Гуннар же был убит в перестрелке 20 октября 1941 года³.

О смерти мужа Сольвейг узнала много месяцев спустя, хотя весть о неудачной операции на полуострове Варангер вскоре дошла до тех мест, где она находилась. Колонию норвежских беженцев перевезли за Уральские горы и разместили под Шадринском.

Для 29-летней Сольвейг весть о смерти мужа была тяжелым ударом. За короткое время она потеряла всю свою семью – детей и мужа. Она искала утешения в общении со своей золовкой Хильдур и ее двумя дочками – Ваньей и Гердой, которые тоже находились под Шадринском – в плодово-ягодном хозяйстве, которое так и называлась Плодоягодное⁴.

В 1941 году муж Хильдур, Готфред Хёльволл, покинув Кольский полуостров, тоже отправился вместе с норвежскими беженцами в Шадринск. Именно ему нужно сказать спасибо за то, что их отправили туда, где можно было пережить зиму. Путешествие заняло довольно много времени: выехав из Апатитов 25 августа, они добрались до Шадринска только 19 сентября. Но, слава Богу, все были живы и здоровы, только трехлетний Фритьоф Сёдерстрём упал с верхней полки, наскоро сооруженной в товарном вагоне, и ужасно разбился; позднее он умер в шадринской больнице. Но в целом норвежским беженцам удалось устроиться довольно хорошо. Вряд ли им удалось так благополучно пережить страшный хаос, которым был охвачен Советский Союз в 1941 году, не имея Готфред Хёльволл связей в Коминтерне и МОПРе (Международная организация помощи революционерам)⁵.

В первый военный для Советского Союза год Готфреду Хёльволлу хватало забот. На его попечении оказались 70 норвежцев, делами которых после их эмиграции в Советский Союз пришлось заниматься ему. Но уже в 1942 году он был готов взяться и за другие задачи. В феврале

Готфред стал сотрудником «Института 301»*. Название «институт», или «научно-исследовательский институт» часто использовали тогда для маскировки различных отделений Коминтерна, а также иностранных отделений Коммунистической партии Советского Союза. После 1939 года старая структура, основанная на представительстве разных стран в руководстве Коминтерна, перестала существовать, и Коминтерн становился все более и более зависим от Коммунистической партии Советского Союза⁶.

1 июля 1942 года Готфреда Хёльволла затребовала Уфа: в нем нуждался эвакуированный туда Исполком Коминтерна. Сначала он стал сотрудником в отделе печатных средств массовой информации, но спустя месяц его перевели в скандинавскую редакцию радио Коминтерна диктором с зарплатой 800 рублей в месяц.

Как такое могло произойти?.. Ведь Московское радио по-прежнему находилось в советской столице, и всю зиму передачи из Москвы на норвежском языке выходили под руководством редактора Гильберта Фуруботна. Получается, что на случай сдачи Москвы в глубоком тылу все-таки была создана еще одна норвежская редакция?⁷

Часть сотрудников Московского радио действительно отправилась в Уфу вместе с руководством Коминтерна осенью 1941 года⁸. С 1942 года из Уфы велось вещание на скандинавских языках, пока Коминтерн в 1943 году не вернулся обратно в Москву. В ноябре 1942 года Готфреда Хёльволла повысили в должности: он стал редактором скандинавской редакции, его зарплата выросла до 1000 рублей в месяц⁸.

Среди норвежцев, поступивших на службу в Красную армию и оставшихся в Мурманске, многие хотели бы, чтобы передачи на норвежском языке вел именно Готфред Хёльволл. Осенью 1942 года были даже планы организовать передачи из Мурманска для населения Северной Норвегии под руководством редактора Рикарда Эриксона, бывшего учителя. «Если бы у нас тут был Готфред с его мощным голосом, который так подходит для радио», – писал из Мурманска Сверре Сёдерстрём в письме к свояченице Эльвие в Шадринск в конце октября 1942 года⁹.

---

* Подразделение аппарата Секретариата Коминтерна, где работали секретари ИККИ Д. Ибаррури, К. Готтвальд, П. Тольятти.

⁸⁸ Это было естественно, так как Московское радио было частью Коминтерна. Радиопропаганда через тайные радиостанции в Москве началась сразу после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, то есть в конце июня 1941 года. Она развернулась особенно широко после переезда аппарата ИККИ в Уфу. В 1941–1942 годах действовали общая радиоредакция и 16 языковых редакций. В конце 1942 – начале 1943 года радиоредакции были включены в состав отдела печати и радиовещания.

Но скорее всего, что в случае с Хёльволлом его должность редактора была лишь прикрытием для других заданий. Готфред Хёльволл являлся человеком Георгия Димитрова, руководителя Коминтерна. От него хотели информации: он должен был держать советское руководство в курсе всего, что происходит на его родине, в Норвегии. Задание было непростым. Прямого контакта с Педером Фуруботном и руководством НКП, которое скрывалось от немцев где-то во внутренних районах восточной Норвегии, не было. Поэтому связь шла через контакты Коминтерна в Стокгольме или через тамошнюю советскую миссию¹⁰.

Тогда же Готфред Хёльволл договорился, что его свояченицу Сольвейг Берг возьмут на работу в редакцию Московского радио. Может быть, он просто хотел оказать дружескую услугу члену своей семьи, ведь у нее недавно в борьбе с нацистами погиб муж? А может, он действительно считал, что Сольвейг хорошо подходит к работе радиодиктора?¹¹

Как бы то ни было, молодая вдова весной 1943 года, попрощавшись с остальными норвежцами в Шадринске, отправилась в Уфу, туда, где находилась штаб-квартира Коминтерна и где Георгий Димитров обещал похлопотать, чтобы ее взяли на Московское радио. Сначала Сольвейг Берг должна была пройти обучение и овладеть машинописью. И тогда стало ясно, что познания Сольвейг в русском языке весьма скромны. Зато в плюс ей записали, что она, кроме норвежского, немного знает финский, поэтому Сольвейг взяли на работу на Московское радио; это и явилось причиной того, что в Норвегии ее стали называть «Красная звезда»¹².

Как Хильдур и остальные члены семьи Готфреда Хёльволла, Сольвейг оставалась в Уфе все лето 1943 года, после чего их отправили в столицу, где снова разместили в московской гостинице «Люкс». Сольвейг оказалась в спальном зале № 2, где ей, как и другим несемейным женщинам, выделили койко-место. Жили в тесноте, кровати разделял лишь узким проход, но все понимали, что сейчас не время требовать большего. Семья Хёльволлов с тремя детьми оказалась в привилегированном положении: им выделили отдельную комнату.

Сольвейг Берг понимала, что новая работа требует специальных навыков. Недостаточно быть просто красивой и обаятельной, чтобы грамотно формулировать сообщения о передвижении войск на Украине или партизанском движении в Югославии, и Сольвейг настойчиво училась, поэтому вскоре ей доверили микрофон¹³.

Хильдур Хёльволл попала в Советский Союз с двумя детьми – сыном Бьорном и дочкой Ваньей. На Кольском полуострове, до эвакуа-

ции за Урал, она родила еще одну дочку – Герду. Поначалу Хильдур нелегко жилось в вынужденном изгнании: ее муж мог, не сказав ни слова, неожиданно исчезнуть неизвестно куда и так же неожиданно появиться*. Но в один прекрасный день Хильдур тоже оказалась на радио в скандинавской редакции: по возвращении семьи в Москву ей предложили работать диктором. Дочь Ваня вспоминает, как оказалась вместе с матерью и Сольвейг в студии, где ей велели сидеть тихо как мышь, пока шла передача.

Потом Хильдур Хёльволл работала преподавателем норвежского языка в Военном институте иностранных языков (ВИИЯ). Советское военное руководство разрабатывало в 1944 году планы наступления на севере, целью которого было вытеснение немцев с Кольского полуострова вглубь территории Норвегии. «Хильдур Хёльволл – женщина, которая не будет отсиживаться дома и пасовать перед трудностями», – так охарактеризовал вездесущий Георг Лаурсен (Мольтке) энергичную мать троих детей из Киркенеса¹⁴.

Гостиница «Люкс», в которой проживали в годы террора 1930-х годов коммунисты со всего мира, стала пристанищем для многих иностранцев, находившихся в советской столице во время войны. В соседней комнате с Хёльволлами вместе со своим сыном Жарко проживала Пелагея Белоусова, которая долгое время была замужем за лидером югославских коммунистов Иосипом Брозом, больше из-

---

* Возможно, что Готферд Хёльволл работал на Первый отдел Коминтерна (часть бывшей Службы связи ИККИ). Созданный в 1942 году и подчиненный непосредственно Генеральному секретарю, Первый отдел продолжал выполнять многие функции, свойственные Отделу международной связи и Службе связи. Являясь секретно-оперативно-технической службой Секретариата ИККИ, Первый отдел руководил нелегальной радиосвязью ИККИ с компартиями и отдельными пунктами связи с заграничней, занимался подготовкой опытных кадров радиооператоров и техников для заграничных пунктов связи ИККИ, организовывал нелегальные переброски людей и грузов за границу, обучение в школах ИККИ руководящих партийных работников «партийной технике», готовил работников радиопунктов ИККИ за границей, изготовлял для перебрасываемых за границу людей документы, радиоаппаратуру, способы тайнописи, разрабатывал инструкции по изготовлению штампов и печатей для фальшивых документов, по печати листовок и газет на гектографах, организовывал и направлял работу заграничных пунктов связи по сбору военно-политической информации. Несмотря на провалы ряда пунктов связи, аресты радистов и шифровальщиков, выполнявших задания ИККИ во Франции, Швеции, Турции, Китае, Сингапуре, Первому отделу удалось восстановить часть радиоточек или открыть новые. Отдел поддерживал тесные контакты с советской разведкой, снабжая ее необходимой информацией. Пять секторов отдела имели в своем ведении радиостанции и радиошколы, специальные школы в Уфе и под Москвой, занимались снабжением курьеров и других командированных работников компартий фальшивыми документами, деньгами, обеспечивали шифрование, микрофильмирование, учет кадров.

вестным как Тито*. Ванья Хёльволл вспоминает их со смешанными чувствами, она подозревала тогда, что они воровали у них детскую одежду¹⁵.

Елена Аспос, или Хелен Аспос, как она называла себя на норвежский лад, приехала в Москву, чтобы работать на радио переводчиком. Она родилась в Хабаровске, городе на реке Амуре, но сменила гражданство, выйдя замуж за норвежца Леонарда Аспоса. Они познакомились, когда Аспоса как агента советской разведки командировали в Шанхай в середине 1930-х годов. В ноябре 1937 года, когда Сталин развернул кампанию против иностранцев в Коминтерне, они уехали в Трумсё в Норвегию. Хелен в рекордный срок выучила норвежский, а Леонард энергично включился в партийную и профсоюзную работу. Когда Норвежская коммунистическая партия, как и многие другие в сложной политической обстановке, не знала, какую же позицию занять по отношению к немцам после их нападения на Норвегию 9 апреля 1940 года, Леонард Аспос привлек всеобщее внимание своим призывом к активному сопротивлению оккупантам¹⁶.

В 1940 году они вместе с семьей Хёльволлов бежали из Восточного Финнмарка «на восток». Хелен Аспос как переводчик была незаметна для норвежских беженцев, сначала на Кольском полуострове, а затем под Шадринском за Уралом. Потом Хелен Аспос оказалась в одном из спальных залов в гостинице «Люкс» (ее дочь тем временем оставалась в «норвежской колонии» в Шадринске). Со временем в Москву перебрался и муж Хелен – Леонард Аспос, который вскоре тоже стал работать на Московском радио. Но никто из них, ни семья

---

* Иосип Броз (Тито) еще в молодости принял идеи революции в России, стал большевиком и даже принял советское гражданство. Служба в интеротряде Красной гвардии заставила его в конце 1917 года скрываться от контрразведки белых в деревне под Омском. Здесь он познакомился с Пелагеей Белоусовой, которой в ту пору было 13 лет. Через два года они поженились, а потом уехали на родину к Иосипу. Из четверых родившихся детей выжил только сын Жарко. Когда за свою революционную деятельность Иосип попал в тюрьму у себя на родине, его семье пришлось нелегко. В 1929 году П. Д. Белоусова-Броз вместе с сыном Жарко приехала в Москву: Коммунистическая партия Югославии направила женщину на учебу в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) им. Ю. Мархлевского. Когда супруги снова встретились, у каждого из них уже была своя жизнь, и они развелись. Когда Иосип Броз в 1936–1937 гг. работал в Москве в Коминтерне, его тогдашнюю жену-немку репрессировали и казнили (1937). Пелагея Белоусова также не избежала репрессий: в 1938 году ее обвинили в связи с левым крылом КПЮ. В 1948 году она второй раз оказалась в лагерях как бывшая жена Тито. Пелагея Белоусова отсидела в советском ГУЛАГе в общей сложности 11 лет, была реабилитирована и умерла в Москве в 1966 году. Сын Жарко почти все детство провел в детских домах; отец забрал его к себе после войны.

Хельволла, ни другие норвежцы в Москве, так и не узнали, чем занимается сам Готфред Хельволл¹⁷.

В начале мая 1943 года Иосиф Сталин и руководитель Коминтерна Георгий Димитров начали обсуждать будущее Коминтерна. 11 мая Димитров записал в своем дневнике слова Сталина: опыт-де показывает, что коммунистическим партиям других стран вовсе не обязательно иметь общее централизованное руководство. Всемогуший Сталин считал, что вместо этого стоит создать отдельные региональные центры руководства. Его слово было законом не только для Димитрова, но и для остальных руководителей Коминтерна. Поэтому «похороны» Коминтерна, возглавляемого Георгием Димитровым, прошли в рекордные сроки. Уже 22 мая советский партийный орган газета «Правда» официально сообщила, что президиум Коминтерна принял решение о роспуске этой организации.

Последнее заседание президиума под председательством Георгия Димитрова состоялось 8 июня 1943 года. На заседании приняли решение создать ликвидационные комиссии, которые должны были заняться практическим упразднением Коминтерна. Так называемый Первый отдел Коминтерна превратился в Научно-исследовательский институт № 100, более известный как НИИ-100, а радиокомитет, где работал Готфред Хельволл, превратился в НИИ-205. Также основали Институт № 99, главной задачей которого было заниматься десятками тысяч немецких военнопленных*, число которых резко возросло после битвы под Сталинградом¹⁸.

Вопрос о роспуске Коминтерна, задачей которого изначально была подготовка революций во всемирном масштабе, неоднократно поднимался Великобританией, с таким же требованием выступали антикоммунистически настроенные Соединенные Штаты Америки. Весной 1943 года шла подготовка к встрече на высшем уровне Сталина, Уинстона Черчилля и Франклина Д. Рузвельта (состоялась в Тегеране в конце 1943 года). Советскому руководству было важно показать свои серьезные намерения в укреплении сотрудничества с великими державами Запада.

Причина, по которой Сталин ждал почти два года после начала войны с Германией и не предпринимал этот шаг, заключалась, наверное, в том, что он не хотел выглядеть слабым, сразу пойдя на уступки своим заклятым врагам – капиталистам Запада. Для тех норвежцев,

---

* Работа с военнопленными началась еще раньше. Кроме партийно-политических школ, техникума № 1 «Кушнаренокво» под Уфой, специальной школы в Уфе, школы «резерва братских компартий» в Нагорном под Москвой, под эгидой Коминтерна в 1941–1943 годах уже существовали Антифашистские школы для военнопленных.

кто был связан с работой в Коминтерне, упразднение этой организации практически не имело значения.

Московское радио продолжало свою деятельность. Ни Готфред Хёльволл, ни Хокон Сунд не потеряли работы, во всяком случае пока. Издательство иностранной литературы, которое являлось одним из важнейших подразделений Коминтерна, как и его другие отделы, просто перевели под крыло международного отдела коммунистической партии Советской Союза, где с 1943 года стал работать Хокон Сунд.

На встрече в Кремле вечером 12 июня 1943 года Сталин и его ближайшие соратники придумали название «восприемнику» Коминтерна – новую структуру решили назвать Отделом международной информации при ЦК ВКП(б). Чтобы не дать немецкой пропаганде повода заявить, что Коминтерн, несмотря на роспуск, продолжает существовать под новым именем, во главе созданного отдела поставили русского Александра Щербакова*, а многолетний генеральный секретарь Коминтерна болгарин Димитров стал у него заместителем. Также в июне 1943 года из отдела кадров Коминтерна сделали новый отдел под эгидой ЦК ВКП(б), который стал отвечать за «международных партийных работников»¹⁹.

Стремительное упразднение Коминтерна вызвало, наверное, недоумение: такое событие было нелегко «переварить» и норвежским коммунистам, работающим на Московском радио. Ведь Коминтерн, его идеи были фундаментом работы коммунистов во всем мире. Не раз за все эти годы норвежским коммунистам приходилось объяснять «необъяснимое», например пакт между Гитлером и Сталиным в августе 1939 года. Но они обязаны были это делать как члены партии, подчинявшейся Москве и Коминтерну.

Но скорее всего летом 1943 года ни Сольвейг Берг, ни Гильберт Фуруботн не стали долго мучиться вопросом, почему одним росчерком пера был уничтожен Коммунистический Интернационал. В то лето уже было понятно, что победа над гитлеровской военной машиной, казавшейся еще недавно несокрушимой, не за горами. Битва под

---

* Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945) был ближайшим сподвижником Сталина, в 1938–1945 годах – первый секретарь Московского городского и областного обкомов ВКП(б), одновременно начальник Совинформбюро (1941) и начальник Главного политуправления Красной армии, заместитель наркома обороны СССР (1942). В 1943 году он стал заведующим отделом международной информации ЦК ВКП(б) и находился на этом посту до своей смерти в 1945 году. Умер от сердечного приступа после сильного запоя: его прах захоронен в Кремлевской стене. В 1952–1953, когда начало раскручиваться «дело врачей», некоторых из них обвинили и в том, что они довели Щербакова до смерти неправильным лечением.

Сталинградом зимой 1942–1943 годов была первым поворотным пунктом. Неудачная попытка немцев перейти в мощное наступление под Курском показала, что победа над Гитлером – лишь дело времени.

Теперь норвежским сотрудникам Московского радио было не трудно приходить в студию, чтобы донести до родной Норвегии последние новости фронта.

А призыв «Смерть немецким оккупантам!» являлся теперь не просто лозунгом или агитационным клише...

РАДИОНОВОСТИ ИЗ МОСКВЫ

17 октября 1941 года выходящая в Норвегии нелегальная газета «Тиденс Тейн» сообщила новости о государственном бюджете на 1942 год. Нацистское норвежское правительство выделяло сумму в 18 тысяч крон на прослушивание передач из Лондона и «Норвежской свободной радиостанции». Только что правительство вместе с немцами провело в Норвегии кампанию по изъятию радиоприемников. Теперь, сразу же после этой операции, они решили отслеживать содержание передач, которые посылал в эфир противник¹.

За месяц до изъятия радиоприемников Видкун Квислинг заклинал норвежцев не слушать вражескую радиопропаганду. Он был возмущен, что по радио звучали призывы учить даже детей считать людей со значками Национального собрания* «заслуживающими смерти»².

Видкун Квислинг понимал, что радиоэфир может стать важной ареной борьбы за души норвежцев. Эту битву Национальное собрание хотело выиграть. Прекратить вещание из Лондона и Москвы не представлялось возможным; несмотря на тщательный контроль, часть приемников норвежцы спрятали, и у них осталась возможность слушать эти передачи. Информация, передаваемая по радио, становилась основой публикаций в нелегальных газетах, благодаря чему сводки с фронта быстро доходили до норвежского населения.

Нелегальных изданий в Норвегии была много. С 1941 года важную роль, особенно в столице и ее окрестностях, играл листок «Радионовости», размноженный на ротаторе. В июле 1942 года редакция листка, используя материалы передач Московского радио, сообщала о невиданном доселе отпоре, который немцы встретили на восточном фронте. Хотя было понятно, что немцы все еще продолжают наступать: только что после восьмимесячной осады им удалось занять Севастополь – базу советского флота в Крыму³.

---

* Национальное собрание – нацистская партия, созданная Видкуном Квислингом в 1933 году, единственная не запрещенная после оккупации Норвегии немцами.

12 июля 1942 года «Радионовости» в последних сводках с восточного фронта цитировали известного советского писателя и военного корреспондента Илью Эренбурга. Работа редакции «Радионовостей» была хорошо организована: оперативно «собирались» новости из Москвы и Лондона, после чего быстро печатался листок, который распространялся в регионе Осло. За деятельностью «Радионовостей» стояли люди из Норвежской коммунистической партии. Одним из активных участников издания был Кристиан Хильт, когда-то преподававший в партийной школе в Москве. Долгое время листок печатался дома у старого друга Педера Фуруботна – Акселя Волла, который жил в районе Хеллеруд на востоке Осло. И это несмотря на то, что Волл в 1936 году попал в немилость как руководства НКП, так и Москвы. Его «отход» от линии партии едва не привел к тому, что Гильберт Фуруботн в 1937 году чуть не попал в руки НКВД.

«Радионовости» выходили всю войну, хотя гестапо и норвежская полиция смогли выследить, арестовать и позднее казнить Ларса Нюбё – одного из редакторов газеты. Листок вышел 300 раз общим тиражом в 1,5 миллионов экземпляров. У газеты к тому же появились два «филиала» – в Хамаре и Бергене⁴.

Сильной стороной «Радионовостей» являлись горячие новости и эффективный механизм распространения, сам же листок был сделан очень просто. Добровольных распространителей было много, в основном этим занимались женщины, в том числе и Май Весенберг. Она была из тех норвежцев, кто за военные годы сделал свой политический выбор, предрешивший всю их дальнейшую судьбу.

Май Весенберг выросла в обеспеченной семье, принадлежавшей к среднему классу. Они жили в районе Нордstrand в Осло, где девочка и закончила школу, получив в 1939 году аттестат зрелости. Май хотела учиться дальше, но помешала война. Май Весенберг начала посещать подготовительные курсы по немецкому языку и истории при университете в Осло, но в 1943 году университет закрыли. После этого она стала работать в фирме, занимавшейся импортными операциями, и одновременно ходила на курсы стенографисток и секретарей. Когда ей предложили распространять информацию о ходе военных действий, она пополнила ряды безымянных разносчиков «Радионовостей».

Немцы постоянно висели «на хвосте» у газеты, и Май не повезло – ее арестовали. Пройдя через суровые допросы в норвежской полиции на улицы Мёллергата, 19, она в начале августа 1944 года оказалась в женской тюрьме «Бредтвейт» в долине Гроруддален. Там Май Весенберг познакомилась с женщинами, которые занимались тем же, чем и она – распространением нелегальной прессы. Они сознавали,

что войну немцы уже проиграли, а значит, поражение ждет и норвежских нацистов, но также было понятно, что немцы даже в преддверии краха могут ответить жестокими репрессиями на убийство любого своего солдата.

Май Весенберг политикой никогда раньше не интересовалась, но знала, что за «Радионовостями» стоят коммунисты. Она видела, что коммунисты часто жертвуют своими жизнями в жестокой борьбе с нацистами. Май читала в «Радионовостях» о жертвенном подвиге советских солдат на восточном фронте, и это производило на нее, как и на тысячи ее соотечественников, неизгладимое впечатление. Разве она могла представить тогда, что сама попадет на радио, и станет работать там, откуда приходили новости для нелегальных газет?⁵

Знали ли сотрудники радио в Москве, какое значение имеет их работа для людей в Норвегии? Гильберт Фуруботн и другие норвежцы в редакции в Путинковском переулке знали, что все норвежцы, за исключением членов Национального собрания, обязаны были сдать свои радиоприемники еще в 1941 году, но все-таки надеялись, что некоторым их соотечественникам удалось спрятать свою радиоаппаратуру, и таким образом информация, которую они передавали в эфир, доходила до людей. Надо думать, что редакция в Москве по своим каналам все-таки получала информацию о том, насколько важна их работа для участников Сопротивления.

В Бергене Август Ратке являлся таким же распространителем газеты, как и Май Весенберг в Осло. Благодаря этому он тоже втянулся в борьбу коммунистов с нацистским режимом. Одно время Ратке прятался в квартире Вилли Валентинсена в Лаксегове; в том же доме жил нацист, у которого был радиоприемник.

«Каким-то образом мы получили доступ к ключу от его квартиры. Мы проникали туда, чтобы слушать передачи на коротких волнах из Москвы и Лондона», – рассказывает Август Ратке. Особенно часто они слушал новости Московского радио, которые шли на норвежском языке около 12 часов дня. С волнением внимал он голосу уроженки Бергена (судя по акценту), которая читала сводки с Восточного фронта, хотя, конечно, не знал, что голос принадлежит Анне Далланд. Правда, его удивили заявления о масштабном партизанском движении в Норвегии. Ратке был уверен, что заявления такого рода являлись, мягко говоря, сильным преувеличением. Он также помнит, что отреагировал на замену музыкальной заставки перед началом вещания: после роспуска Коминтерна вместо «Интернационала» стала звучать «Москва майская»⁶.

А в самой глубине Согне-фьорда, в Балестранде жили Йенс Лигтвор и его отец, которые не сдали, а спрятали свой радиоприем-

ник. В 1944 году Йенс в первый раз решил настроиться на волну вещания по-норвежски из Москвы. Позднее в письме в редакцию он рассказал, что сообщения о победах Красной армии на Восточном фронте произвели на него неизгладимое впечатление. Это превратило его в верного слушателя передач из Москвы⁷.

В одной из пещер на побережье Глоппен-фьорда, на севере губернии Согн-ог-Фьуране, где участники движения Сопротивления прятали советских военнопленных, им также удалось установить радио-аппаратуру. Алекс Краг вместе с русскими и другими норвежцами в этой пещере слушал радио. Он вспоминает, в какой атмосфере подъема они внимали нескончаемому потоку победных реляций, передаваемых по Московскому радио⁸.

В коммуне Тинн прятался и записывал сообщения Московского радио сбежавший от немцев военнопленный Александр Веташев. Вместе с другими норвежцами, среди которых были Альф Скау и Колбьорн Эйду, они делали газету «Баунен», одну из многочисленных листовок-газет, благодаря которым большинство норвежцев к концу войны уже хорошо знали, что происходит в мире, несмотря на тотальный контроль и цензуру в официальной норвежской прессе. Особенно важным источником новостей Московское радио было для коммунистического движения Сопротивления. «Можно сказать, что для нас это было самым важным: благодаря этим передачам мы делали и распространяли наш собственный материал, наши новости», — говорит сегодня ветеран Норвежской коммунистической партии Рейдар Т. Ларсен⁹.

В годы войны никакой связи между редакцией Московского радио и слушателями его передач в Норвегии практически не было. «Нас, выпускавших эти передачи, терзали сомнения: мы не были уверены, что наш голос доходит до слушателей», — рассказывала Анна Далланд по возвращении в Норвегию после войны. «Неужели мы говорим в никуда? Не лучше ли отправиться на фронт или рыть укрепления?» К тому же в начале работы ситуация с кадрами была очень напряженной, когда и ей, и другим ее коллегам приходилось делать все: печатать на машинке, переводить тексты, выходить в эфир. И все это сутки напролет и почти без выходных¹⁰.

После обратного переезда аппарата Коминтерна в Москву с кадрами в норвежской редакции стало лучше. Кроме Сольвейг Берг, Леонарда и Хелен Аспосов, а в отдельные периоды Готфреда и Хильдур Хёльволлов, на Московском радио стал появляться Хокон Сневе, который был в группе первых «беглецов» из Сёр-Варангера в СССР в 1940 году. Сначала он вместе с другими норвежцами, вступившими в Красную армию, оказался в лагере Лавна на западном

берегу Кольского залива, где норвежцев готовили к агентурным операциям на территории Норвегии. В составе небольших партизанских групп он в 1941 году несколько раз выполнял подобные задания, но потом из Лавны исчез¹¹.

Как и многие другие беженцы из Сёр-Варангера, Хокон Сневе был одним из революционно настроенных рабочих лесоперерабатывающего предприятия «Пасвик Тимбер» в Якобснесе. К тому же в начале 1930-х годов он несколько лет прожил в Осло, где свел знакомство с радикальными кругами деятелей культуры, где вращался и Нурдал Григ. Вернувшись обратно в Сёр-Варангер, Хокон Сневе вступил в коммунистическую партию. Когда он «эмигрировал» в Советский Союз, советские власти выделили его среди других норвежцев, считая, что он может подойти для выполнения особых заданий. «Он принадлежит к активной гвардии Якобснеса», – писал про своего однопартийца Готфред Хёльволл в докладной записке в марте 1941 года¹².

В 1942 году Хокон Сневе отправился в Москву. Там он продолжил свое военное обучение как боец Красной армии: готовился к выполнению заданий в тылу врага. Остальные норвежцы, вступившие в Красную армию, делали это на партизанской базе под Мурманском. Хокон Сневе оказался в Москве, потому что его готовили к операциям иного рода и «в других местах». Как и Готфред Хёльволл, Хокон Сневе мало что рассказывал о своем московском периоде, об операциях, которые там разрабатывались. Может быть, они и сами мало что знали. Но советская военная разведка готовилась к разным сценариям событий, в том числе и к развертыванию партизанской войны против немецких оккупантов в самой Норвегии¹³.

В Москве почти ничего не знали о растущем коммунистическом движении Соппротивления в Норвегии – контактов практически не было. Упрямец Педер Фуруботн упорно отказывался встречаться с представителями советских властей в Стокгольме, вероятно, из-за опасений, как бы чего не случилось с ним самим. Ведь он не понаслышке знал о событиях, происходивших в Москве в 1930-е годы: все видел собственными глазами¹⁴.

Хокон Сневе, правда, говорил, что русские, как он понял, собирались забросить его в Норвегию для создания базы в лесных массивах Хедмарка. Для выполнения задания требовалось прыгнуть с парашютом с низколетающего самолета.

Но ни один из этих планов не реализовался, и Хокон Сневе в конце концов оказался на радио. Вероятно, он работал там вместе со своим старым другом из Сёр-Варангера Готфредом Хёльволлом¹⁵.

Хокон Сневе одно время трудился в Москве, его голос стали узнавать в эфире, но осенью 1944 года его снова отправили в Мурманск. В октябре 1944 года он в качестве переводчика оказался вместе с Красной армией у себя на родине в коммуне Сёр-Варангер. Когда в Киркенес вскоре прибыли норвежские войска, то их командование обратилось к Хокону Сневе с просьбой быть переводчиком для связи с советским комендантом города. Но начальники Хокона Сневе, советские офицеры, дали ясно понять: он – их человек. Чувство братства, которое возникает в годы войны, невозможно переоценить. Для Хокона Сневе это значило, что до конца жизни к нему будут относиться как «человеку Москвы», его вклад в общую победу над немцами никогда не поставят рядом с вкладом тех, кто выполнял свои задания с «благословения» норвежского правительства в изгнании в Лондоне¹⁶.

Никто из тех, кто работал на Московском радио во время Второй мировой войны, рассказывая о работе редакции в тот период, не упоминает Готфреда Хёльволла или Хокона Сневе как коллег. Тем не менее они указаны в списках сотрудников Коминтерна и Института-205 с примечанием: «вещание на Норвегию». Институт-205 был одним из многочисленных подразделений Коминтерна, которые занимались установлением и поддержанием контактов с коммунистическими партиями в странах, оккупированных немцами¹⁷.

Хёльволла и Сневе никто не называет как сотрудников Московского радио потому, что существовали две редакции вещания. Московское радио представляло официальную советскую политику, а Народная радиостанция «Свобода Норвегии» представляла совершенно особый тип радиовещания. Но переборки между этими двумя отсеками не были плотно задраены, так что одни и те же люди могли работать то здесь, то там.

У советского руководства теперь была возможность действовать в различных направлениях, это касалось и содействия организации сопротивления немцам в Норвегии. Еще 8 июля 1941 года Георгий Димитров отметил в своем дневнике, что занимается созданием «особого радиовещания» на польском и немецком языках. Четыре дня спустя ряд сотрудников Коминтерна перевели в другие сектора, где они стали заниматься пропагандой по радио и в печати. Одним из них, как мы знаем, был Гильберт Фуруботн¹⁸.

Саму идею подобного вещания советские власти скопировали, наверное, у Великобритании, откуда в январе 1941 года началось вещание на Норвегию. Каждый день «Радио Свободы» из Лондона, которое немецкая служба безопасности (гестапо) называла позднее «Норвежское радио свободы», делало получасовую программу.

Причем ведущий сообщал, что он-де выходит в эфир из разных уголков Норвегии, и за ним охотится гестаповцы. Язык передач заметно отличался от официальных программ Би-би-си на норвежском – был смелее и резче. Тут доставалось на орехи как норвежским нацистам, так и норвежским политикам в изгнании, которые, оказавшись в Швеции или Великобритании, жили в полной безопасности, вдалеке от суровой действительности оккупированной Норвегии.

«Радио Свободы» было очень популярно в Норвегии, но сильно раздражало норвежское правительство в изгнании, находившееся в Лондоне. Этот загадочный передатчик был частью стратегии психологической войны, которую разработал в британском МИДе англичанин Томас Барман, выросший в Норвегии. После вмешательства норвежского министра иностранных дел Трюгве Ли* передачи перестали быть такими острыми, и с 1942 года утратили свое значение¹⁹.

Успех «Норвежского радио свободы» заставил советские власти создать Народную радиостанцию «Свобода Норвегии». Работали на этом радио Готфред Хельволл, Хокон Сневе, Леонард Аспос, а также, возможно, Сольвейг Берг и Хелен Аспос. Весной «служба прослушивания эфира», созданная Коминтерном, обнаружила, что в эфир стала выходить «самостоятельная норвежская радиостанция». Служба прослушивания зарегистрировала первую передачу этой станции 8 января 1941 года и отметила, что «Свобода Норвегии» призывает к сопротивлению и борьбе за возвращение в Норвегию короля. Аналитики Коминтерна пришли к выводу, что главная цель этого радио – создание народного норвежского правительства. Кроме того, было отмечено, что вещание ведется с норвежской территории²⁰.

Понятно, что советские власти знали, чем занимается это радио, потому что оно и контролировало его деятельность. Но ни один рапорт, ни одна служебная записка на эту тему не подлежали огласке. Весной 1941 года Советский Союз стремился во что бы то ни стало сохранить дружбу с Германией и избегал всего того, что могло спровоцировать немцев.

Московское радио, как мы знаем, начало свои передачи на Норвегию в день нападения немцев на Советский Союз – 22 июня

---

* Трюгве Халвдан Ли (1896–1968) – будущий первый Генеральный секретарь ООН (1946–1952), на тот момент – министр иностранных дел норвежского правительства в изгнании. В момент вторжения немцев в Норвегию (9 апреля 1940 года) Трюгве Ли был министром судоходства, именно по его приказу весь норвежский флот ушел в порты антигитлеровской коалиции. Норвежское правительство приняло решение эмигрировать в Великобританию и продолжать оттуда борьбу с Германией. В феврале 1941 года Трюгве Ли был назначен министром иностранных дел Норвегии.

1941 года. Но в документах Коминтерна есть запись о создании норвежской радиоредакции от 19 сентября 1941 года. Может быть, в данном случае речь идет о Народной радиостанции «Свобода Норвегии», существование которой вплоть до 1945 года доставляло головную боль норвежскому правительству в изгнании? Подобно своему британскому собрату «Радио Свобода», радиостанция «Свобода Норвегии» разговаривала более живым языком, высказывалась резче и прямее, чем это делало Московское радио. «Бойцы Сопротивления говорят, что отдельные акции саботажа отдельных людей не помогут. Чтобы покончить с немцами, нам нужно организовать тысячи отдельных акций, тысячи индивидуальных акций, которые нанесут урон немцам. Датская тактика саботажа... – единственный правильный путь к свободе», – с такими призывами обращалось «Народное радио» к слушателям²¹.

Подобные «мощные залпы» привлекали внимание в том числе и норвежского МИДа. Военный атташе при норвежском посольстве в Москве Вильям Стеффенс был весьма раздражен, что «есть такие норвежцы, которые называют себя представителями “Народного радио”, живут сами в городе, где расположено наше посольство, и даже не делают попыток вступить в контакт с ним. А сами занимаются агитацией среди наших соотечественников в Норвегии, которая, насколько я понимаю, находится в противоречии с той линией на сотрудничество и единение, которую проводят наши власти в Лондоне»²².

Это высказывание ясно показывает, какая пропасть была между норвежскими коммунистами в Москве и представителем норвежского правительства в том же городе. Это были противоречия, которые также омрачали отношения между норвежскими нелегальными группами во главе с коммунистами и норвежским движением Сопротивления.

«Народная радиостанция» не раз давала повод для беспокойства и норвежским эмигрантам. В мае 1943 года Бюро по приему беженцев в Стокгольме обратило внимание на передачу, где шведов критиковали за то, что они используют норвежскую рабочую силу. Видно было, что за сообщением стоят хорошо осведомленные информанты, и дело легло на стол норвежского министра иностранных дел Трюгве Ли. Норвежская дипмиссия в Стокгольме тогда организовала систематическое прослушивание «народных» передач. В своих передачах «Народная радиостанция» постоянно и яростно нападала на норвежское правительство в изгнании и на норвежское движение Сопротивления. Осенью 1944 года «Народное радио» назвало руководителей Движения Сопротивления «рыдающими бабами», которые сидят «сложивши ручки»²³.

Однако норвежское правительство в Лондоне решило не трогать «Народную радиостанцию». «Наше обращение вряд ли приведет к каким-либо результатам, только повредит. Правильней будет вообще оставить все это дело без внимания», – такой совет дал военный атташе Стеффенс правительству в изгнании. Норвежское посольство в Москве признавало, что у них плохие контакты с советскими военными, хотя посол Рольф Андворд много лет спустя рассказал, что во время войны у него было несколько встреч с представителями НКВД²⁴.

Военный атташе Вильям Стеффенс отмечал также, что, по его мнению, число слушателей «Народной радиостанции» не велико, поэтому и влияние этого радио не слишком значительно: передачи слушали в основном в Северной Норвегии, что совпадает с впечатлением, сложившимся у норвежских беженцев в Советском Союзе. Они считали, что из Москвы на Северную Норвегию организовано отдельное вещание, программы выходят четыре раза в день и занимают в целом 65 минут эфирного времени²⁵.

Какой же эффект имели прямые призывы к сопротивлению, которые Москва направляла в Норвегию? Во всяком случае, листок «Радионовости», нелегальное издание Норвежской коммунистической партии, 24 августа 1943 года вышел с обращением «Народного радио», которое призывало население к акциям саботажа и открытому сопротивлению.

«Напоминаем всем норвежцам об их долге в этой связи и по этому поводу. Каждый норвежец обязан поддерживать партизан – помогать материально, советами или нужными сведениями», – так было написано в листке «Радионовости» со ссылкой на сообщение, переданное по радио «Свобода Норвегии»²⁶.

Конечно, коммунистам, создавшим группы сопротивления, слова поддержки, которые Готфред Хёльволл и его коллеги доносили до них, были нужны: они укрепляли моральный дух, поощряли активность. Другие источники в очень малой степени признают значение этого радиоканала для норвежского движения борьбы сопротивления. Во всяком случае, большинство норвежцев следили за передачами из Лондона и официальными заявлениями норвежского правительства.

Хотя официальные передачи из Москвы, которые вели Гильберт Фуруботн и Анна Далланд, всегда начинались словами «Говорит Москва!», многим из тех, кто украдкой слушал радио, было трудно понять, кто есть кто. Вероятно, Август Ратке, включавший в Лаксэльве радио около 12 часов дня, попадал на Народную радиостанцию, потому что в эти часы Московское радио обычно не выходило в эфир²⁷.

НАРОДНАЯ РАДИОСТАНЦИЯ ЗАКАНЧИВАЕТ РАБОТУ

Жизнь Анны Далланд в Москве после передраг первой военной зимы 1941 года начала входить в нормальную колею. В 1942 году вернулась обратно после «зимовки» на Урале ее дочь Эва. Девочка снова стала ходить в школу № 57, расположенную недалеко от Кремля. Она была уже достаточно взрослой, чтобы понять, что из Москвы, где стало опасно, ее увезли подальше ради ее же блага, хотя ей пришлось тяжело без мамы и московских подруг. Эва была примерной ученицей, которой частенько приходилось помогать подружке Клавдии по математике. По-русски она говорила не хуже любого русского человека, зато у неё появились проблемы с норвежским языком, но Анна прилагала все усилия, чтобы дочь не забыла родной язык¹.

Анна Далланд стала заместителем руководителя норвежской редакции Московского радио. Наверное, эта женщина, которую война не обошла стороной – ее муж еще в 1937 году попал в Испании в плен, – с радостью наблюдала за тем, как медленно, но верно близится крах ненавистного фашистского режима. Она знала, что Рандульф находится в безопасности в Англии, но переживала за семью, оставшуюся в оккупированной немцами Норвегии.

Летом 1944 года советские войска перешли в наступление широким фронтом от Ленинграда до Белого моря, тесня финские и немецкие войска. 4 сентября 1944 года с Финляндией была достигнута договорённость о прекращении огня, а 19 сентября – заключено перемирие. Оно обязывало финнов изгнать немцев с финской территории. Одновременно с этим Советская армия готовилась к наступлению на самом севере Кольского полуострова. Оно было хорошо подготовлено и организовано, поэтому в конце октября 1944 года советские войска врши в Киркенес.

В один из октябрьских дней Анну Далланд пригласил к себе в кабинет начальник радиокомитета. Он поставил на проигрыватель граммофонную пластинку, и в Доме радио возле Пушкинской площади зазвучал норвежский гимн «Да, мы любим эту страну». Он сказал: «Первый кусочек норвежской земли стал свободным». Анна Далланд

поняла, что мечты о возвращении на родину и встрече с мужем скоро станут реальностью².

Но пройдет еще год, прежде чем она сможет вернуться в Норвегию и увидеть своего Рандульфа. До 1945 года вещание по-норвежски продолжалось с прежней интенсивностью. Но чего ждать после окончания войны? Нужна ли будет отдельная норвежская редакция или она вернется под крыло скандинавской редакции, и основным языком вещания снова станет шведский?

В последний год войны Анна Далланд подружилась с Май Бредель, появившейся в шведской редакции как свежий ветер, где она начала работать рядом с ветеранами Сикстеном Егерфельтом и Мартой Шульц, а также «неветераном» Бертилем Вагнером. Красавица Май, как прозвали эту шведку в редакции, выросла в рабочем квартале Клараквартирет в Стокгольме. В середине 1930-х годов она, тогда еще Май Олссон, приехала в Москву, чтобы учиться в одной из партийных школ. Там она познакомилась с немцем Вилли Бределем, который оказался в Москве после того, как хлебнул лиха в тюрьмах и лагерях гитлеровской Германии. Май Олссон впоследствии вышла замуж за него, и они очень подружилась с Анной и Эвой Далландами³.

Имя Вилли Бределя узнали во многих странах мира, когда он первым описал происходящее в концентрационных лагерях, только что созданных нацистами в Германии, в своей книге "Die Prüfung" («Испытание»). Вилли Бредель также участвовал в гражданской войне в Испании, но в отличие от мужа Анны Далланд Рандульфа вернулся благополучно в Москву⁴.

В Москве он стал одним из основных сотрудников немецкой редакции Московского радио и принимал участие в агитационной работе непосредственно на линии фронта. Во время окружения 6-й немецкой армии под Сталинградом Бредель* записал на пластинку короткие пропагандистские воззвания, которые транслировались помногу раз в день через громкоговорители у самой линии немецкой обороны. Бредель тогда уже был известным писателем, и немецкие офицеры узнавали его гамбургский диалект, усиленный громкоговорителями⁵.

Многие немецкие коммунисты, жившие в советской столице в те годы, пока Вилли Бредель был в Испании, сгинули в аду Большого террора. Только ему да еще Вальтеру Ульбрихту, который вместе с

---

* В Сталинград Вилли Бредель приехал вместе с Вальтером Ульбрихтом и поэтом Эрихом Вайнертом. Как антифашисты-пропагандисты они работали на передовых позициях советско-германского фронта, обращаясь по радио к немецким солдатам, сочиняя листовки, которые сбрасывались в расположение немцев.

ним участвовал в пропагандистской акции под Сталинградом, удалось позднее сыграть видную роль в создании немецкой демократической республики, известной как ГДР. Ульбрихт в 1960–1971 годы был первым секретарем «партии власти» – СЕПГ и до самой своей смерти в 1973 году оставался председателем Государственного Совета ГДР, то есть являлся руководителем страны.

Норвежцы, связанные так или иначе с Московским радио, оказались в непосредственном контакте с теми, кому вскоре предстоит влиять на судьбу послевоенной Европы.

Во время пребывания в Уфе Готфред Хёльволл близко познакомился с генеральным секретарем Коминтерна Георгием Димитровым, а также сошелся с лидером итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти (Эрколи). После Второй мировой войны Димитров вернулся домой в Болгарию, где стал президентом страны, а Тольятти до самой своей смерти в 1964 году оставался одним из ведущих игроков итальянской политики. «Его» коммунистическая партия, решив наравне с другими партиями участвовать в политической жизни страны и выборах, в значительной степени отошла от революционной риторики 1930-х годов.

Как-то раз Готфреду Хёльволлу вместе с лидером французских коммунистов Морисом Торезом довелось участвовать в дискуссии на тему, за какую Европу после войны должно бороться коммунистическое движение⁶.

Морис Торез многие годы был очень заметной фигурой французской политики, спустя три года после того политического диспута с норвежцем Хёльволлем он стал вице-премьером Франции*.

Никогда еще коммунисты не имели таких прочных позиций в Европе, как весной и летом 1945 года. Гитлеровская военная машина прокатилась по Европе, и ее основной удар пришелся именно на Советский Союз. Во многих странах, в том числе в Норвегии и Франции, коммунистические группы участников Сопротивления активно боролись с немцами. Какими будут последствия всего этого? Может быть, революции в большинстве стран Европы, на которые надеялся Владимир Ильич Ленин после Первой мировой войны, наконец-то произойдут?

---

* Морис Торез был вице-премьером Четвертой республики в 1946–1947 годах. Тогда же он даже пытался создать во Франции революционную ситуацию, организовав забастовку. Революцию удалось предотвратить лишь благодаря однозначно отрицательному отношению французской армии к коммунизму.

Во время Второй мировой войны Готфред Хёльволл был, как уже говорилось, одним из норвежцев, которому советские власти доверяли. Именно он давал характеристики людям, которым планировалось поручить спецзадания. Не было ли у него мыслей, что он сам может стать лидером норвежских коммунистов после войны, сменив непокорного Педера Фуруботна?⁷

В начале 1930-х годов оба видных коммуниста встречались в Москве, и Педер Фуруботн впоследствии говорил, что глубоко уважает Готфреда Хёльволла⁸.

В связи с празднованием годовщины Октябрьской революции в ноябре 1944 года Готфреда Хёльволла поощрили премией за его вклад в общую борьбу в годы войны. Позднее его также наградили орденом «Знак почёта». Однако Хёльволл хотел вернуться домой в Киркенес.

Есть служебная запись от 18 мая 1945 года, которую сделал директор «Института-205», чех Бедржих Геминдер, о том, что Хёльволл, Леонард Аспос и человек по фамилии Вестер освобождаются от своих обязанностей. Также указывалось, что последние программы «Свободной Норвегии» вышли в эфир 17 мая – в день Конституции Норвегии. Это подтверждает тот факт, что Готфред Хёльволл, формально являвшийся сотрудником того же отдела Московского радио, что и Гильберт Фуруботн и Анна Далланд, в действительности был связан с редакцией не напрямую, а каким-то другим образом.

Похоже, что его вместе с Леонардом Аспосом, подобно Хокону Сневе, использовали для работы другого рода: они анализировали ситуацию в Норвегии и выполняли курьерские задания для поддержки контактов с Движением Сопротивления на родине. А «Свободная Норвегия» в записи Геминдера – это, несомненно, Народная радиостанция «Свободная Норвегия»⁹.

15 декабря 1944 года в передаче Народной радиостанции «Свободная Норвегия» диктор с небольшим северонорвежским акцентом сообщил о боях за Будапешт и о том, что вот-вот будет открыта дорога на Вену и Братиславу. Народная радиостанция также рассказывала о беспощадном гестаповском терроре против населения оккупированных стран. В передаче широко освещалось и положение на западном фронте, где союзники заняли крупные плацдармы на западном берегу Рейна. Уникальность этой передачи в том, что она была полностью записана на плёнку и поэтому сохранилась!¹⁰

Даже в последние месяцы перед самым крахом немецкая разведка была в состоянии прослушивать передачи из Москвы, что говорит о том значении, которое немцы придавали ведению контрпропаганды против союзных сил.

Эта передача также подтверждает разделение норвежского вещания на две части. Редакция, где главой сначала был Гильберт Фуруботн, а потом Надежда Снежко, выросла из довоенного вещания на иностранных языках. Другая часть, располагающая якобы «нелегальной» радиостанцией, находилась в ведении «Института-205». В этих передачах не было ни слов о том, кто ее выпускает на самом деле. Поэтому ведущие пропаганду в эфире дикторы чувствовали себя гораздо свободнее. Они также не сообщали, откуда ведётся вещание, что создавало у слушателей ощущение, что передачи делаются в Норвегии: программа выходит в эфир с территории оккупированной страны¹¹.

Наверное, передача Народной радиостанции от 17 октября 1944 года могла вызвать эффект шока. В ней прозвучал «пламенный призыв» к восстанию в Северной Норвегии, чтобы помочь наступающим советским войскам, которые продвигались к Киркенесу. Может быть, это был пропагандистский ход, рассчитанный на население Южной Норвегии? Ведь на севере немецких войск было очень много, и для маленьких разрозненных групп Сопротивления вооружённое восстание против немцев, подобно тем, что происходили в южной Европе, стало бы самоубийством. Вероятно, здесь, на взгляд советских властей, главным было подчеркнуть вклад в освобождение Норвегии Советского Союза и коммунистов¹².

Число норвежских коммунистов в Москве выросло за годы войны, они составляли уже почти 10 процентов среди иностранных коммунистов. Но, как правильно отмечал норвежский военный атташе в Москве Вильям Стеффенс, норвежские коммунисты обходили норвежское посольство стороной. Проведя в эвакуации в Куйбышеве на берегах Волги какое-то время, посольство осенью 1943 года вернулось в советскую столицу. Весной 1945 года все уже понимали, что война скоро кончится. Хокон Сневе и Готфред Хёльволл должны были оформить себе документы, чтобы покинуть Советский Союз и уехать в Норвегию. И тут им пришлось нарушить ими же установленное правило – никаких контактов с буржуазными норвежскими властями: они обратились в норвежскую дипмиссию, расположенную на улице Воровского в доме 7.

Их встретил норвежский посол Рольф Андворд, который был любопытным человеком, ему хотелось больше узнать о том, чем же занимались норвежские коммунисты в Москве. Посол пригласил их на ланч в посольской резиденции, располагающейся в старинном купеческом доме в центре Москвы. Ему показалось, что встреча с соотечественниками прошла хорошо и приятно. Но вряд ли Готфред Хёльволл или другие норвежские коммунисты стали рассказывать

о своих делах. Слишком велика была пропасть между официальной Норвегией, которую представлял эксцентричный посол Андворд, и узким кругом норвежцев, сформировавшимся вокруг Коминтерна и Московского радио.

Но Андворд не пропустил мимо ушей признание одного из коммунистов о том, что тот доподлинно знает: советские власти довольны работой норвежского посла. В тот период, сразу после возвращения из Куйбышева, у Андворда установились прямые контакты с НКВД. Как он говорил, он делал это ради того, чтобы сделать обмен информацией между Норвегией и Советским Союзом открытым, насколько это было возможно.

Потом многие в Норвегии задались вопросом – не слишком ли это «неортодоксальные» формы дипломатии? Ведь НКВД, как известно, очень хорошо умело использовать слабости отдельных западных дипломатов. Было замечено, что Андворд «неравнодушен» к молодым людям, и это после войны заставило норвежскую полицию безопасности заинтересоваться им. Впрочем, это не помешало Рольфу Андворду сделать карьеру в норвежском МИДе: он стал постоянным секретарем МИДа, а позднее послом – сначала в Париже, а затем в Мадриде¹³.

Ланч в норвежском посольстве в Москве был попыткой диалога, невзирая на политические барьеры, но реальность в самой Норвегии была суровее, что вскоре почувствует и герой войны Готфред Хёльволл.

После капитуляции Германии в мае 1945 года деятельность Народной радиостанции подошла к концу, норвежцы засобирались на родину. Как и семья Хёльволлов, все норвежцы стремились уехать как можно быстрее. Хёльволл был родом из Финнмарка, там жили его родственники. Советские власти хотели бы иметь там подобного человека, пользующегося их доверием, и в период мирного послевоенного строительства, но началась волокита. Хёльволлу пришлось обращаться прямо к своему шефу – Димитрову, чтобы ускорить оформление нужных бумаг.

28 августа 1945 года семья Хёльволлов вместе с парой Аспосов наконец-то сели в поезд Ленинград – Мурманск, дальше они должны были добираться до Норвегии на корабле. Как раз накануне – 23 августа 1945 года – Готфреда перевели из «Института-205» на «другую работу». Ему и его жене Хильдур выдали характеристики, в которых высоко оценивалась их работа на Советский Союз во время войны¹⁴.

Не только у посла Андворда, но и у Готфреда Хёльволла были тайные страницы в биографии. Советские власти, не информируя его, выяснили, что у него есть внебрачный сын, родившийся в 1932 году.

Ребенок появился в результате связи Готфреда с Верой Владимировой в ту пору, когда он в начале 1930-х годов учился в Коммунистическом университете для национальных меньшинств Запада (КУНМЗ). Они познакомились во время отпуска в городе Симеиз в Крыму накануне нового, 1931 года, и продолжали встречаться в Москве.

Вера Владимировна написала в 1938 году письмо генеральному секретарю Коминтерна Георгию Димитрову с просьбой помочь ей материально. Она указывала, что была в близких отношениях с одним норвежцем, которого знала под именем Йон Смит. Он говорил ей, что приехал из Киркенеса в Северной Норвегии и что она может связаться с ним по адресу: ГЕО Киркенес. Имя «Йон Смит» было псевдонимом Готфреда Хёльволла в течение тех трех лет, когда он учился в Москве. Сам факт, что он представился этим именем женщине, с которой завёл роман, говорит об уровне секретности и мерах безопасности в партийных школах.

В тот момент Вера Владимировна работала корректором в центральной газете СССР «Правде». Она считала, что коммунистам как людям «правильным» будет важно, что помощь ей окажет именно Коминтерн. Она писала, что находится с сыном в трудной ситуации, и Коминтерн должен помочь им. Мы не знаем, как советские власти и тайные службы использовали эту информацию в отношении Хёльволла или его норвежской семьи. Но все было тщательно записано, занесено в личное дело человека, на которого советские власти смотрели как на ключевую фигуру послевоенной политической жизни Норвегии. Готфред Хёльволл сам никогда об этом факте не упоминал. Возможно, он и не знал о том, что лежало в толстой папке его личного дела в архиве Коминтерна¹⁵.

1945 год был годом прощания с Москвой для коммунистов-эмигрантов. Май Бредель последовала за мужем Вилли в Германию, где ему предстояло стать одной из центральных фигур культурной политики в новой немецкой стране – ГДР. И хотя многие из коммунистов, бежавших когда-то от преследований в своей стране, теперь с триумфом возвращались на родину вместе с могучей Советской армией, подозрительность и жестокость террора 1930-х годов отнюдь не исчезли.

Бедржих Геминдер, который занимался организацией пропаганды за рубежом и который являлся начальником Готфреда Хёльволла и других иностранных коммунистов в «Институте-205», осенью 1952 года в Чехословакии был вместе с рядом других коммунистов обвинен в троцкизме и сионизме.

Большинство из оказавшихся рядом с ним на скамье подсудимых, в том числе и генеральный секретарь Чехословацкой коммунисти-

ческой партии Рудольф Сланский, были, как и Геминдер, евреями. Во время войны Рудольф Сланский тоже работал на Московском радио в чешской редакции.

Процесс Сланского в Чехословакии был очень похож на московские процессы 1930-х годов, и не только потому что большинство обвиняемых признали себя виновными. Геминдера и Сланского казнили после суда, который вызвал большой резонанс в Европе¹⁶.

Наверное, процесс произвел впечатление и на их старого знакомого – Готфреда Хёльволла в Киркенесе. Но в 1952 году «железный занавес» уже опустился, все стало черно-белым. И если они – против нас, то нет места другим нюансам.

СКАНДИНАВСКИЙ КОФЕЙНИК

Шел 1945 год. Анна Далланд жила в Москве уже десятый год. Ей хотелось скорей уехать домой в Норвегию, чтобы снова зажечь семейной жизнью с Рандульфом. Для неё также было важно, чтобы Эва не «обрусела» окончательно, хотя Анна и гордилась, что ее дочь (а Эве было почти 18 лет) справилась со всеми трудностями, которыми было богато то драматичное время. Как и большинство русских детей, Эва провела первое мирное лето 1945 года в деревне, а Анна занималась бюрократическими вопросами, старательно готовя документы для их выезда в Норвегию.

20 ноября скандинавский сектор международного отдела ЦК Коммунистической партии дал наконец Анне Далланд разрешение вернуться домой. На прощание в ее характеристике написали, что она была «добросовестным, дисциплинированным и политически подкованным работником» Московского радио.

Гильберт Фуруботн тоже уже выбыл из числа работников из-за своего алкоголизма, и в норвежской редакции стало не хватать норвежских сотрудников. Зато за годы войны в редакции появились русские, хорошо знавшие норвежский язык. Среди них был и Алексей Чехванов. Анна Далланд отдала ему свою книжку по норвежской грамматике, а Чехванов перевел ее на русский. Перевод книжки стал большим подспорьем для сотрудников редакции.

Чехванов впоследствии скучал по задорной женщине из Бергена. «Каждый раз, когда я иду по Гоголевскому бульвару, я вспоминаю день, когда я был у Вас в гостях», – писал он Анне Далланд спустя несколько лет после войны. Работая над программами, не он один, вероятно, сознавал, как не хватает ее бодрого настроения, ее опыта. Имя Анны Далланд уже тогда становилось легендой¹.

После отъезда Анны единственной женщиной-диктором с «чисто норвежской» речью на Московском радио была Сольвейг Берг. Конечно, Ксения Александрова и Тамара Майорова хорошо владели норвежским, но все равно было заметно, что они не настоящие норвежки, как Сольвейг или Анна. Но и Сольвейг захотела вер-

нуться домой, в родной Финнмарк, хотя в Москве она получила повышение по службе: стала диктором, сама вела программы. А ведь она была простой рыбацкой из Вардё, человеком без образования. Здесь в норвежской редакции красивый певучий голос сделал ее естественным центром притяжения всего коллектива, но она хотела вернуться в Норвегию. Ей нужно было выяснить, как погиб ее муж Гуннар в октябре 1941 года. На первый взгляд казалось, что она восприняла смерть мужа стойко, сознавая, что он погиб за великое дело, но всю свою жизнь она оплакивала и мужа, и своих умерших детей².

В июне 1946 года ей сообщили, что Комитет по радиофикации и радиовещанию не возражает против ее выезда в Норвегию. Прошел еще месяц, и наконец на документах Сольвейг Берг была поставлена последняя подпись, необходимая для беспрепятственного отъезда на родину³.

Так закончилась ее карьера журналистки; может быть, потом она и сожалела об этом. Спустя несколько месяцев в письме к Алексею Чехванову она призналась, что скучает по Москве.

Дома в Норвегии Сольвейг мало что рассказывала о своей работе на Московском радио. Осенью 1946 года холодная война уже сковала своим дыханием северное пограничье. В такие времена не стоило выпячивать тот факт биографии, что ты был «рупором» советской пропаганды.

«Красная звезда» больше уже никогда не сияла так ярко, как прежде⁴.

Наверное, сотрудникам Московского радио нелегко дался переход к мирной жизни. Чем заполнять эфирное время? Уже не нужно читать длинные сводки о том, что войска под командованием маршала Георгия Жукова уничтожили столько-то немецких танков, а на Берлин сброшено столько-то бомб.

Главной задачей в СССР после 9 мая 1945 года (получившего в Советском Союзе официальное название «День Победы»*) стало восстановление страны. Но что интересного можно было сообщить норвежцам, кроме обязательной порции постановлений и решений ЦК партии и рассказов о восстановлении народного хозяйства?

Ситуация была, в принципе, очень выигрышной. Норвежцы соскучились по радио: ведь почти четыре года приемников в их домах не было, их изъяли немцы. Хотя норвежская телерадиокорпорация

---

* Акт о безоговорочной капитуляции Германии был подписан в Берлине 8 мая поздно вечером, а в Москве уже наступило 9 мая. Поэтому день Победы союзных войск над Германией европейцы отмечают 8 мая и называют его «День победы в Европе» (Victory in Europe Day или VE-day).

НРК быстро восстановила вещание и стала вести его из своего нового здания в районе Мариенлюст в Осло, в эфире оставалось достаточно места и для вещания из других стран. К тому же у норвежцев было огромное желание узнать больше о жизни в Советском Союзе. Не только потому что его вклад в победу был велик, но и потому что рядом с норвежцами в годы войны оказались русские. В Норвегии в военное время находились почти 100 тыс. военнопленных и угнанных на работу русских людей. Многие из них жили и работали бок о бок с норвежцами.

В майские дни 1945 года норвежцы с радостью приветствовали тысячи советских военнопленных и рабочих, проходивших маршем по норвежским улицам. В Осло даже кто-то нес портреты Сталина. Никто не вспоминал довоенные годы, были забыты все обвинения, годы террора и лагеря. В первый мирный год у норвежцев был огромный интерес к Советскому Союзу, к русскому искусству и культуре.

29 июня 1945 года в Осло в университетской аудитории (зале собраний) было объявлено о создании общества «Норвегия – Советский Союз», в правление которого вошли председатель Норвежской конфедерации профсоюзов Конрад Нурдал и председатель Норвежского спортивного комитета генерал Улаф Хелсет, что делало его очень представительным. Энергичного Кристиана Хильта – представителя Норвежской Коммунистической партии – выбрали генеральным секретарем общества. Эта должность давала большие возможности для влияния на общественную жизнь страны. НКП также получила место в первом коалиционном правительстве Эйнара Герхардсена⁵.

«Как мне отправить письмо в редакцию Московского радио?» – спрашивала Ида Рустад из Халдена, обращаясь в норвежский МИД в январе 1946 года. Ответ ей дал 22 января сам начальник отдела по работе с прессой Йенс Скиве: следует написать на конверте «Moskva Radio Kommitet, Moskva», и письмо дойдет. Первый год после победы поток писем и приветствий от норвежцев, которые хотели поблагодарить сотрудников Московского радио за их труд во время войны, не иссякал, многие хотели узнать, как идет восстановление Советского Союза после войны⁶.

Могла ли редакция в Малом Путинковском переулке удовлетворить ожидания тех норвежцев, которые хотели слушать передачи из Москвы, когда в Европу пришел мир? Оказалось, что сделать это не просто. Во-первых, не хватало квалифицированных кадров, но самое главное – в руководстве Московского радио никогда не обсуждался вопрос, как сделать так, чтобы их программы, выходившие на всех языках мира, «дошли» до слушателей. Наверное, «закаленным» коммунистам в Норвегии, слушавшим передачи из Москвы, нелегко было

наблюдать, что своей цели передачи не достигают. А ведь они видели, что многие норвежцы тогда положительно относятся к Советскому Союзу и хотят слушать Московское радио.

«Совершенно упускается из виду все то, что в настоящий момент интересует норвежцев, их сегодняшняя жизнь», – так Рандульфу Далланду в октябре 1946 года написал один норвежец, подписавшийся как Трульс. Рандульфа Далланда тогда выбрали от НКП в Стorting (парламент) от губернии Хордаланд. «Трульс», видимо, считал, что Рандульф, жена которого раньше работала на Московском радио, – правильный адресат для его конструктивной критики. «Трульс» хорошо разбирался в ситуации в Советском Союзе, владел русским языком и считал, что редакция Московского радио не следит за тем, что происходит в Норвегии, и поэтому не в состоянии делать хорошие передачи.

В 1946 году в Норвегии широко обсуждалось положение в сельском хозяйстве. Как считал «Трульс», Московскому радио следовало вести агитацию за колхозы и объяснять сельскохозяйственную политику Советского Союза. Он также полагал, что редакция упускает из виду большой интерес к спорту в Норвегии, особенно интерес к советским спортивным достижениям.

В конце октября 1946 года, когда ожидался визит футбольной команды «Динамо» (Москва) в Норвегию, по мнению «Трульса», можно было ожидать, что Московское радио расскажет о борьбе советских команд за Кубок СССР, которая шла тогда полным ходом. Увы! «В передаче на Норвегию 15 октября нам стали докладывать о советских покорителях вершин, ни слова не сказав о футболе. А шведская редакция в тот же вечер в своей передаче сообщила результаты матчей».

«Трульс» хотел, чтобы Московское радио по максимуму использовало свои возможности в то время, когда у норвежцев в столь многих домах появились радиоприемники. А для этого нужно было менять содержание передач⁷.

Между пожеланиями «Трульса» и положением дел в тесных редакционных помещениях скандинавской редакции в Москве была «дистанция огромного размера». «В скандинавской редакции все без изменений. Да и начальство осталось то же», – писал Алексей Чехванов Анне Далланд 3 мая 1947 года. Он также рассказал, как всех удивил поступок фру Хансен из датской редакции, которая унесла к себе в кабинет общий «скандинавский кофейник». Вероятно, кофейник оставался в редакции как наследство после Анны Далланд. В те военные годы у них было какое-то чувство общности, и об этом они с теплом вспоминали⁸.

Как у сотрудников редакции, так и у слушателей в Норвегии высоко ценились интервью с норвежцами, приезжавшими в советскую столицу. Осенью 1946 года в Москву, чтобы познакомиться с успехами советской медицины, приехал норвежский врач Ханс Якоб Устведт, который очень любил музыку. Его пригласили на Московское радио и попросили спеть норвежские народные песни. Это было большое событие, настолько значимое, что Устведту, когда он уже вернулся в Осло, направили из Москвы телеграмму с информацией о дате, когда его голос прозвучит в эфире. Газета «Верденс Ганг» тоже напечатала маленькую заметку о том, что услышать выступление Устведта, исполняющего песни, можно будет в передаче Московского радио 23 августа 1946 года. Пройдут годы, и Устведт возглавит Норвежскую телерадиокорпорацию, а ведь он стал «радиозвездой» задолго до того, как получил бразды правления в белом Доме радио в Мариенлюсте⁹.

В первые послевоенные годы многие норвежские газеты печатали время вещания Московского радио. Информация публиковалась вместе с программой передач НРК, а также программой радиостанции Би-би-си, которая и после войны продолжала передачи на норвежском языке¹⁰.

Устведт принадлежал к большой группе норвежских интеллектуалов, которые еще до Второй мировой войны симпатизировали Советскому Союзу, не являясь членами коммунистической партии. Многие из них сохраняли преданность Рабочей партии (Арбейдерparti), среди них был и Август Ланге. Вместе с братом, будущим министром иностранных дел Халвардом Ланге, он в июне 1945 года занимался созданием Общества дружбы Норвегия – Советский Союз. Как член специально учрежденной комиссии, он готовил собрание в Университетской аule 29 июня.

Член Рабочей партии Норвегии Август Ланге, учитель по образованию, как и его брат Халвард, провел несколько лет в немецких лагерях, в том числе и в Заксенхаузене. Там он познакомился с советскими военнопленными и начал учить русский язык. Ланге с глубоким уважением относился к вкладу советского народа в победу над нацистской Германией. Он связался с норвежским послом в Москве Рольфом Андвордом и весной 1946 года, благодаря своим политическим контактам в Рабочей партии, смог приехать в Москву, чтобы работать в должности атташе по культуре и связям с прессой. Вместе с его семьей в Москве оказалась и Май Весенберг, которая должна была присматривать за их восьмилетним сыном¹¹.

Август Ланге оказался в Москве не просто так. Он заранее заявил, что хочет приехать для того, чтобы развивать контакты между Норвегией и Советским Союзом, основываясь на огромной симпатии

норвежцев ко всему советскому и русскому, возникшей в годы войны. «Поэтому следует расширять сотрудничество в культурной сфере», – писал Ланге послу Андворду, ходатайствуя о получении должности атташе по культуре и связям с прессой в норвежском посольстве в Москве.

Но было поздно. Железный занавес уже опускался над Европой, подозрительность и секретность брали верх над открытостью и интересом друг к другу. Когда через два года Август Ланге вернулся в Норвегию и стал в 1948 году работать учителем в одной из школ Осло, иллюзий у него не было, хотя он все равно сохранил симпатии к русскому народу¹².

Август Ланге и Май Весенберг разделяли интерес ко всему советскому. Май было 25 лет, когда в 1946 году она села в поезд, идущий на восток. Она хотела больше узнать о стране, с которой познакомилась, распространяя нелегальную газету «Радионовости». Работа няней в семье Ланге оказалась для нее «входным билетом» в советское общество.

В Советском Союзе в первые послевоенные годы было много тех, кто хотел воспользоваться новыми возможностями, которые принесли с собой победа в войне и союз с Западом. Была острая потребность в учителях иностранных языков, как немецкого, так и английского. Поэтому Май Весенберг после нескольких месяцев работы няней в семье посла покинула посольство Норвегии и начала работать учителем в поселке Болшево, недалеко от Москвы. Она преподавала по своей системе – никакого другого языка в общении с учениками, кроме того, которому она обучала. Май могла с гордостью констатировать, что ее ученики получают отличные оценки, для них действительно оказалось благом, что их учитель почти не говорит по-русски.

В Москве распространились слухи о том, что сюда приехала способная и энергичная девушка из Норвегии. В 1947 году Май Весенберг уже работала на Московском радио, но пока лишь как переводчик. На практике сложилось так, что можно было переводить материал для вещания с других скандинавских языков, а также с английского и немецкого. Но Май быстро поняла, что стать здесь хорошим работником без знания русского языка она не сможет, поэтому она за короткое время выучила язык и вскоре стала в норвежской редакции самым авторитетным переводчиком¹³.

Эта норвежка появилась в редакции Московского радио как раз вовремя. Не только «Трульс» реагировал на беспомощные тексты ведущих норвежских программ, язык которых разительно отличался от языка, на котором говорили норвежцы в обыденной жизни. Весной

1946 года в Норвегию уехала Сольвейг Берг, а в августе – и Гильберт Фуруботн. Еще в марте того же года Гильберт запросил разрешения вернуться в Норвегию, поскольку он уже окончательно порвал отношения с матерью своих детей Зинаидой. Руководство Московского радио быстро приняло положительное решение по его вопросу. Он писал, что уже 10 лет болен, и начальство, судя по всему, не видело смысла держать на работе человека с серьезными алкогольными проблемами. 31 августа 1946 года его посадили на знаменитый поезд «Стрела», идущий в Ленинград, а дальше через Хельсинки он отправился в Норвегию¹⁴.

В Москве осталась с двумя детьми Зинаида Раховская: Сольвейг было 9 лет, Магде – 8. Гильберт Фуруботн дважды приходил в советское посольство на улице Драмменсвейен с деньгами. Он просил отправить их Зинаиде и детям через Международную организацию помощи революционерам (МОПР), но ему было отказано. В 1950 году и советский Красный Крест сообщил ему через ЦК Коммунистической партии, что больше не будет пересылать деньги из Норвегии. Как раз тогда отец Гильберта – Педер Фуруботн был довольно жестким способом смещен с поста генерального секретаря Норвежской Коммунистической партии, и советская сторона дала понять, что не хочет иметь с этой семьей никаких дел.

Для трех близких Гильберту людей, оставшихся в Советском Союзе, это была борьба за выживание. А для Гильберта и его отца Педера Фуруботна неизвестность и невозможность оказать помощь близким превратились в тяжелое бремя на всю оставшуюся жизнь¹⁵.

С уходом Гильберта Фуруботна редакция лишилась человека компетентного в вопросах языка и политики. К тому же у Гильберта был прекрасный, подходящий для радио голос и хорошая дикция. Май Весенберг понимала, что не сможет в полной мере заменить его, потому что очень сильно грассирует. Однако язык она знала, поэтому большей частью Май работала как переводчик. Несколько раз она вела передачи о культуре и литературе. Она могла по-прежнему опираться на Хокону Сунда, который прикипел к редакции и не хотел ее покидать, хотя руководство радио неоднократно давало понять, что не доверяет ему.

Как раз в те дни, когда Анне Далланд в ноябре 1945 года дали разрешение вернуться домой в Норвегию, Хокону Сунду сообщили, что его сокращают в «Институте-205», где он занимался переводами и литературой, а также радиопередачами. Мир, пришедший в Европу в мае 1945 года, создал проблемы для Хокона Сунда, которому было уже почти 50 лет. 17 июля 1945 года он обратился с письмом к Мольтке, в котором сообщил, что стал безработным и чувствует себя уже два

месяца бродягой. Он писал, что хочет обратиться в норвежское посольство с просьбой помочь ему вернуться в Норвегию. Похоже, что это возымело действие, его снова взяли на работу в «Институт-205» с испытательным сроком¹⁶.

Часть редакции Московского радио, где работал Хокон Сунд, была «участком», где сотрудничали Готфред Хельволл, Хокон Сневе и Леонард Аспос. Официально эту часть редакции распустили 1 июня 1945 года, хотя последняя передача Народной радиостанции «Свободная Норвегия» вышла в эфир 17 мая.

Отдел кадров «Института-205» осенью 1945 года вдруг заподозрил, что Хокон Сунд мог иметь контакты с неким Дженисом, который работал в торгпредстве при советской миссии в Осло перед Второй мировой войной. Джениса по подозрению в шпионаже в пользу Англии арестовали в Архангельске. Тут опять всплыло имя Хокона Сунда, и этого было достаточно, чтобы у норвежца снова возникли проблемы из-за своей работы, как это уже случалось не один раз в предыдущее десятилетие.

И все-таки Хокон Сунда не выставили за дверь. В конце 1940-х годов норвежскому эмигранту даже улыбнулось счастье. Беатрис Драковна была уже в возрасте, но смогла в 1949 году родить Хокону сына Андрея. Когда ему было пять лет, его отец по дороге домой от станции (они жили в Мамонтовке) упал в сугроб. Было темно, никто не оказал помощь человеку, который когда-то был помощником Фритьофа Нансена. Хокону Сунду было 58 лет¹⁷.

Дочь Хокона Сунда Ксения, которая пришла на Московское радио в годы войны, осталась там и в мирное время. Она проработала в редакции почти 50 лет. Как и Тамара Майорова, она с детства владела норвежским и датским языками. «Советская делегация была вынуждена использовать не слишком мало усилий», – подобные фразы вызывали возмущение «Трульса», когда в октябре 1946 года он анализировал язык, на котором Московское радио обращалось к своим норвежским слушателям. Конечно, фразу «теперь люди насчитывают в Польше три оперы» можно понять, но такая речь недопустима на радио, считал «Трульс». Этот человек знал русский язык и поэтому понимал, что был использован дословный перевод на норвежский.

«Трульс» писал: «Когда по радио говорят: “Большинством голосов, в общей сложности составившим двенадцать голосов” – ничего, кроме смеха это не вызывает». Он считал, что, даже обладая большой фантазией, нельзя разобраться в формулировках, подобным следующим: «вопросы, которые не были согласованы» или «согласованные решения Совета министров»¹⁸.

Так что Май Весенберг было чем заняться, когда она в конце 1940-х годов оказалась в роли переводчика и главного «языкового контролера» в норвежских передачах Московского радио. Да и руководство радио осознавало, что нужно набирать персонал с хорошим знанием норвежского языка, чтобы передачи их радио не вызывали недоумения западных слушателей.

ОТ ФУРУБОТНА ДО СТРАНДА ЙОХАНСЕНА

Мир, пришедший в мае 1945 года, означал, что работа норвежского государственного радио возвращается в нормальное русло. Из новых помещений НРК в белом здании национального вещания убрали сотрудников, состоявших в норвежской партии «Национальное собрание». Выгнали также и тех, кто делал программы для немецких оккупантов в Норвегии. Когда из Англии вернулись Туральв Оксневад («голос Лондона») и его коллеги Олав Рюттер, Хартвиг Киран и Карл К. Лике, их встречали как героев. Убеждения и взгляды этих людей, ставших тогда сотрудниками национальной радиокорпорации, будут формировать содержание радиоэфира НРК в послевоенные десятилетия.

Конечно, норвежские программы Би-би-си имели гораздо большее значение для норвежцев, чем передачи из Москвы. И судьбы норвежских сотрудников Московского радио по сравнению с судьбами норвежцев, работавших на Би-би-си, разительно отличаются.

Когда в начале сентября 1945 года Готфред Хёльволл вернулся в Киркенес, там все еще стояли советские войска, но 25 сентября они покинули норвежскую территорию, перейдя норвежско-советскую границу у Стурскуга. Это событие является уникальным для того периода истории. Ведь советские войска остались во многих странах Европы, обеспечивая Москве необходимое политическое влияние. Но теперь население Финнмарка могло всерьез начать восстанавливать разрушенные шахты и налаживать жизнь.

До войны многие считали Готфреда Хёльволла безнадежным бунтовщиком, который не раз попадал в тюрьму из-за участия и организации акций протеста и забастовок. Теперь ситуация изменилась. На выборах в правление коммуны (муниципалитет) коммунисты той осенью получили более 35 % голосов в коммуне Сёр-Варангере, то есть всего на 7 % меньше, чем лидирующая Рабочая партия.

Имея статус героя войны, Готфред Хёльволл при поддержке некоторых независимых (непартийных) членов правления был избран на пост мэра коммуны Сёр-Варангер, который был важным в стратегическом отношении регионом на самом востоке страны. Конечно,

Москва могла записать на свой счет эту важную победу. Выборы в Стorting (парламент Норвегии) также прошли для коммунистов удачно: они получили почти 12 % голосов, что дало партии 11 мест в парламенте¹.

Но для Хильдур, жены Хёльволла, и их троих детей такой успех не означал, что они, покинув номер обшарпанной гостиницы «Люкс» в Москве, сразу начнут привилегированную жизнь на уровне, достойном семьи мэра коммуны Сёр-Варангер. В разбомбленном Киркенесе осенью 1945 года все еще была острая нехватка жилья, и семье пришлось ютиться у родственников под Бьорнсундом в долине Пасвик. Конечно, все понимали, что мэр и его семья должны быть среди первых, кому нужно предоставить жилье. Но коммунист Готфред Хёльволл был воспитан в духе высоких идеалов и считал, что политическая карьера не должна приносить дивиденды в виде материальных благ. Поэтому мэр первое время обходился железной кроватью, которая стояла прямо в его наспех оборудованном кабинете. И только под нажимом Хильдур, он, наконец, согласился на получение жилья от коммуны².

Хокон Сневе вернулся в родную коммуну за год до Хёльволлов. У него были награды, отличные рекомендации от советских властей. Правда, ему было приказано молчать о том, чем он занимался в Советском Союзе. Ведь Георгий Димитров и советское партийное руководство вынашивало когда-то планы создать группу коммунистов, которая, подчиняясь Москве, подпольно действовала бы в лесах Хедмарка. Эти идеи были настолько абсурдны, что дальше планов дело не пошло, во всяком случае, пока у руля Норвежской Коммунистической партии стоял Педер Фуруботн, который воспринимал такие вещи как вмешательство во внутренние дела Норвегии и, кроме того, как знак недоверия к нему. И это недоверие, которое он чувствовал во время пребывания в Москве в 1930-х годах, не исчезло и в годы войны.

В общем, тому, кто поработал в Москве на коммунистической радиостанции, было немыслимо попасть на работу в НРК. Прошло несколько лет, и Хокон Сневе увидел, что ему вообще трудно найти работу. Ни Готфред Хёльволл, ни Хокон Сневе никогда особо не распространялись о том, чем они занимались на Народной радиостанции «Свободная Норвегия» или на Московском радио, хотя многие жители их родной коммуны, украдкой включая радио во время войны, слышали их голоса в эфире³.

Гильберт Фуруботн вернулся в Норвегию осенью 1946 года сломанным человеком. Лечение в санатории под Москвой осенью 1944 года помогло лишь отчасти. Всю свою жизнь он страдал от алко-

голизма. Он не мог забыть страшных дней, когда затылком чувствовал холодное дыхание НКВД. Кроме того, его мучило беспокойство за судьбу дочек, оставшихся в Москве. Он мало рассказывал о жизни в Советском Союзе, боясь, что сказанное может повредить Сольвейг и Магде. Только как-то раз летом 1947 года, отдыхая на пляже в местечке Ингиерstrand Бад под Осло вместе со своим другом Кнутом Лангфельдтом, он, выпив, разоткровенничался и рассказал об ужасном времени, когда вокруг него и других сотрудников молодежной коммунистической организации КИМ начала затягиваться петля⁴.

Вернувшись в конце 1945 года Анна Далланд неожиданно для себя оказалась женой парламентария. Имя Рандульфа Далланда, прошедшего тюрьмы Франко, стало известным, и именно он являлся первым кандидатом от Норвежской Коммунистической партии, когда в октябре 1945 года шла подготовка к выборам в Стортинг, и в Бергене составлялись избирательные списки⁵.

Сначала Анне и Эве пришлось какое-то время пожить в Бергене у родных в Сандвикене. Но потом Рандульф сумел найти жилье в Осло. Хотя Анна была радиожурналистом с большим стажем работы, даже речи не могло идти о том, чтобы на родине она продолжила работать по этой специальности. Только раз она оказалась в студии НРК в Бергене, чтобы рассказать о своей работе в Москве. Интервью с ней сделала Хульда Фриск Гран, голос которой также звучал во время войны в эфире: она вела передачи на норвежском языке из США.

«Все могло закончиться самым печальным образом, когда на нас в 1941 году начали падать бомбы», – рассказывала Анна Далланд. Когда одна из бомб упала во двор, Анна стояла в московской студии перед микрофоном. Бомба, к счастью, не взорвалась. «Если бы та бомба упала на пять метров ближе, то мои слова в микрофон оказались бы последними в моей жизни», – поведала она. Это был редкий случай, когда в послевоенной Норвегии можно было услышать хоть что-нибудь о драматической истории Московского радио.

Анна Далланд была скромным человеком. Она, всю войну работавшая как журналистка Московского радио, подчеркивала: «Не знаю, почему они взяли меня на эту работу. Наверное, у них не было никого другого под рукой». Анна, или, как ее называли, Аннушка, Далланд, мало что успела рассказать в коротком интервью (оно сохранилось в архивах НРК), но радовалась тому, что программы с ее участием много значили для жителей оккупированной Норвегии⁶.

Хотя Гильберт Фуруботн и Анна Далланд вернулись в страну, которая после Второй мировой войны горячо симпатизировала Советскому Союзу и всему русскому, Норвежская коммунистическая партия по-прежнему была далека от власти, несмотря на успешные вы-

боры и места в Стортинге. А вот для других работников радио, с которыми они вместе работали в Москве, для многих друзей-иностранцев из того времени, ситуация сложилась иначе. Май Бредель уехала со своим мужем в советскую оккупационную зону Германии, где они сразу оказались среди привилегированных членов общества в разоренной войной стране.

«У нас пять больших комнат, а веранда – вся в цветах!» – сообщала Май своей подруге Анне из города Шверин в конце августа 1946 года. Вилли Бредель ушел с головой в политику, и они оба вступили в новую немецкую социалистическую объединенную партию – СЕПП, где коммунисты и социал-демократы сотрудничали друг с другом, объединившись ради восстановления страны после войны.

«Так непривычно! Мы “вдруг” стали “социалистами”. Но ничего, дело все равно идет», – писала пламенная коммунистка Май Бредель в письме своей норвежской подруге. «Ты же все равно останешься моим “союзником”?» Она также рассказывала, что по-прежнему слушает Московское радио и что теперешние передачи ей нравятся больше, чем те, в которых она сама участвовала.

Май Бредель и Анна Далланд были «политическими союзниками» во время работы в редакции Московского радио во время войны. Многие норвежские коммунисты надеялись, что разрушенная войной Германия сможет подняться из руин и стать застрельщиком в борьбе за мировую революцию, за общественный переворот, о котором в начале 1900-х годов говорил Ленин. Но в течение нескольких лет конфронтация между Западом и Востоком наибольшим образом обострилась как раз в Германии. И мечта Вилли и Май Бределей о коммунистическом идеальном обществе захлебнулась в бюрократической трясине без доступа свежего воздуха демократии⁷.

После многих лет изгнания, проведенных в Москве, Май Бредель попала в страну, где ее семья стала частью правящей элиты. Вскоре она стала руководить вещанием на Швецию на радиостанции «Радио Берлин Интернэшнл», где тоже занимались пропагандой, пытались убедить другие народы в преимуществах социализма, но делали это гораздо профессиональней, чем Московское радио⁸.

Надо думать, что в Норвегии не один только «Трульс» считал, что пора что-то менять в передачах из Москвы на норвежском языке, если они задуманы как действенный инструмент политической борьбы. После нескольких месяцев эйфории летом 1945 года над Европой задули совсем другие, очень холодные ветры. На местных выборах в 1947 году коммунисты сильно сдали свои позиции, и Готфред Хельволл потерял пост мэра Сёр-Варангера⁹.

28 февраля 1948 года в своей речи на острове Крокерой премьер-министр Норвегии Эйнар Герхардсен назвал коммунистов врагами «норвежской народной свободы и демократии», что обострило противостояние и усилило напряжение между коммунистами и членами Рабочей партии, в том числе и на низовом уровне, во многих рабочих коллективах. Выборы в Стorting в 1949 году стали полной катастрофой для НКП. Вследствие повышения избирательного порога полученные 5,8 % не дали коммунистам ни одного места в Парламенте. Поиски виновных привели к внутренним распрям в партии, которые вышли наружу¹⁰.

В течение нескольких лет Европа, обещавшая стать территорией сотрудничества и примирения, превратилась в зону высокого напряжения. Норвегия вступила в НАТО, а Советский Союз укрепил свое влияние в тех странах, которые освободил от нацистов во время Второй мировой войны. Одна за другой коммунистические партии приходили к власти, имея за спиной поддержку Красной армии. Югославские коммунисты во главе с Иосифом Тито отказались в 1948 году «прогибаться» перед Москвой, что взбесило Сталина. Тем самым титоизм стал альтернативным путем в международном коммунистическом движении. Этого Москва не могла перенести. Пропаганда и ругань обрушились на Югославию, что нашло свое отражение и в передачах норвежской редакции Московского радио. В передаче на Норвегию 31 августа 1949 года прозвучало заклинание не верить агентам клики Тито, которая пытается возродить националистические тенденции.

После октябрьских парламентских выборов в Норвегии Московское радио обвинило Рабочую партию в том, что она «яростно преследует коммунистов и рабочих, которые активно борются за свои права». «Правым социал-демократам с помощью подлогов удалось удалить коммунистов со всех значимых постов, а также убрать их из руководства профсоюзами», – сообщил московский диктор в передаче 19 октября 1949 года¹¹.

А в самой Норвежской Коммунистической партии развернулись поиски виновных в фиаско на выборах. Главными противниками были генеральный секретарь партии Педер Фуруботн и его заместитель Йохан Странд Йохансен. Оба провели довольно много времени в 1930-е годы в Москве, и каждый был уверен, что именно его поддерживает коммунистическая партия СССР.

Во время войны Йохана Странда Йохансена, как и некоторых других коммунистов, немцы арестовали и отправили в лагерь. Его жена Елена была еврейкой, ее жизнь оборвалась в газовой камере Освенцима в 1942 году. Педер Фуруботн во время войны возглавлял подпольное сопротивление немецким оккупантам. Теперь два

героя войны боролись за власть в НКП. Понять разницу во взглядах этих двух лидеров было очень трудно, но многие видели, что Педер Фуруботн считает, что стратегия и политика НКП должны быть национальными, в то время как Странд Йохансен строго держится ортодоксальных коммунистических воззрений, где целью по-прежнему является мировая революция и общественный переворот, и чтобы достичь этих целей, надо активно сотрудничать с Москвой.

Йохан Странд Йохансен не был до конца уверен в поддержке со стороны русских. Поэтому в самый разгар борьбы он попросил лидера датских коммунистов Акселя Ларсена связаться с Москвой и узнать, как они отнесутся к поездке Йохансена в Москву. Ларсен удивился такой просьбе, но Йохансен сказал: «Может быть, советское посольство здесь в Осло не поддержит эту идею»¹².

Внутрипартийная борьба закончилась тем, что приверженцев Педера Фуруботна просто физически выдворили из штаб-квартиры партии в Осло, их также исключили из партии, хотя после партийного съезда в 1949 году у них было большинство в центральном комитете партии. Это стало тяжелым испытанием для Йохана Странда Йохансена, у которого и так после пребывания в немецком концлагере во время Второй мировой войны появились проблемы с психикой. По причине нервного расстройства он на какое-то время был даже помещен в стационар клиники Уллевол¹³.

Осенью 1949 года, когда партийная борьба была в самом разгаре, сестра Йохансена Герда как раз собиралась ехать в Москву, чтобы работать на Московском радио. В августе 1949 года «товарищ Роздорожный» из ЦК Коммунистической партии изучал ее личное дело, хранящееся в архиве Коминтерна и решал, годится ли она для работы на радио. Инициатива исходила от центрального комитета Норвежской Коммунистической партии. Почему же Герду хотели послать на радио в Москву? Может быть, коммунисты в Норвегии понимали, что нужно что-то делать с вещанием на Норвегию, чтобы избежать откровенных ляпов, на которые ссылался «Трульс»? Или это была попытка ее брата Йохана Странда Йохансена и партийного лидера Эмиля Лёвлиена иметь «своего», верного им сотрудника среди работников Московского радио, когда шла схватка с Педером Фуруботном?¹⁴

Герда Странд Йохансен была первой в «новой волне» норвежских коммунистов, прибывших в Москву для работы на радио в последующие десятилетия. У Герды отсутствовал опыт работы в журналистике, но она, как и ее брат, еще с юности, проведенной в Тронделаге, активно занималась политикой. Как и брат, она три года училась в партийной школе в Москве в конце 1920-х – начале 1930-х годов.

Под псевдонимом «Лив Хансен» она обучалась в Коммунистическом университете национальных меньшинств запада (КУНМЗ) и закончила его в 1932 году с хорошими оценками. Преподаватели рекомендовали ее на работу в Международную организацию помощи революционерам (МОПР), а также считали пригодной к работе в сфере культуры. У себя в Норвегии она начала заниматься организацией коммунистического движения домохозяек. Во время войны Герда Странд Йохансен активно участвовала в Движении Сопротивления, в частности помогала советским заключенным, сбежавшим из плена, которые прятались в лесу Остмарка под Осло¹⁵.

Теперь она отправлялась в Москву, чтобы вернуть доверие к Московскому радио и его популярность среди норвежцев, которые оно имело во время Второй мировой войны. Задание оказалось невыполнимым. Зато в редакции стало уже двое настоящих норвежцев. Вместе с Май Весенберг Герда Странд Йохансен в начале 1950-х годов сумела «очистить» язык передач Московского радио от самых «неудобоваримых» формулировок, которые так огорчали и раздражали «Трульса».

Снова на Московском радио воцарился норвежский дух. Норвежцы, приезжавшие в советскую столицу во времена холодной войны, охотно становились гостями редакции. Среди них был и брат Герды – Йохан Странд Йохансен, который весной 1951 года провел в СССР по приглашению ЦК Коммунистической партии почти четыре месяца.

Брат и сестра Йохансены были одними из самых глубоко преданных Москве норвежских коммунистов, но этот факт не мешал вездесущей службе госбезопасности следить за каждым их шагом. Соседи Герды докладывали сотрудникам безопасности: «Они приходят домой между 3 и 4 часами ночи каждый раз, когда бывают в театре». А сосед Йохана Странда Йохансена записал слова, сказанные норвежцем своей домохозяйке, что он-де не понимает, как они могут жить в таких ужасных условиях.

Все сведения протоколировались и подшивались в толстую папку, на обложке которой стояло имя: Йохан Странд Йохансен. Дело на него в архиве Коминтерна было заведено с первого же его приезда в Москву в конце 1920-х годов. Когда он ходил в Ленинскую школу в 1928–1930 годы, у него для прикрытия была та же фамилия, что и у сестры – «Нансен», а имя – «Пер»¹⁶.

Норвежские коммунисты, приехавшие в Москву, оказались в одной лодке со всеми другими иностранцами в советском государстве. Они должны были смириться с тем, что за ними постоянно следят.

Подобное происходило и в Норвегии. И здесь ветры холодной войны продували все уголки норвежского общества. Все, кто был как-то связан с Москвой и советскими властями, могли быть уверены, что каждый их шаг – под контролем норвежской полиции безопасности¹⁷.

«МОСКВА ПОСТОЯННО СЛЕДИТ ЗА НАМИ!»

В конце мая 1951 года на свое очередное заседание собрался Координационный совет норвежских спецслужб. На заседании представитель МИДа Норвегии сообщил собравшимся о создании службы прослушивания передач на норвежском языке из Москвы. Так началась одна из самых странных и до сего дня никому не известных операций под эгидой норвежского правительства послевоенного времени. Некоторые исполнители этой операции – те, кто непосредственно вел прослушивание, – станут затем видными учеными-обществоведами и участниками общественных дискуссий.

Координационный совет был создан при правительственном совете безопасности осенью 1949 года для улучшения взаимодействия и координации между полицией и службой разведки. В Координационный совет входили: начальник разведки, начальник полиции безопасности, представители МИДа Норвегии, а также представители Министерства обороны и премьер-министра¹.

Норвежские власти еще в годы войны обращали внимание на передачи на норвежском языке из Москвы. Так, призыв к вооруженному восстанию в связи с началом советской операции по освобождению Финнмарка осенью 1944 года, прозвучавший по Московскому радио, вызвал у многих людей, особенно у военных, мягко говоря, удивление. Начиная с 1941 года командование норвежской армией в тесном сотрудничестве с правительством и агентством новостей Рейтер прослушивало передачи, но нерегулярно. Занимались этим как в Лондоне, так и в Стокгольме; о содержании советского вещания на Норвегию составлялись рефераты².

В первые послевоенные годы передачам Московского радио не придавали особого значения, считая их просто курьезом. Но в годы драматического ухудшения отношений между Советским Союзом и Западом, которое достигло своей кульминации во время коммунистического путча в Чехословакии весной 1948 года, к содержанию радиопередач из Москвы сразу появился острый интерес.

Сначала МИД попросил Норвежское телеграфное бюро (НТБ) «последить» за содержанием вещания из Москвы. Дело в том, что

в НТБ работал Станислав Савич – бывший военнопленный из Югославии, теперь называвший себя Стейн Савик, который «в частном порядке» прослушивал передачи московского радио. Будучи славянином, Савик хорошо понимал русский, к тому же он также слушал и норвежские передачи Московского радио. Благодаря этой «прослушке» московского вещания НТБ стало самым осведомленным в Северной Европе информангентством, располагающим новостями из закрытого для всех Советского Союза³.

Когда 25 июля 1950 года коммунистический лидер Ким Ир Сен отдал приказ бросить войска на южную часть корейского полуострова, многие со страхом подумали, что дело идет к новой мировой войне, и это спустя всего лишь пять лет после окончания Второй мировой войны! В Норвегии срочно взялись укреплять оборону страны, особенно в Северной Норвегии. 15 сентября Первый батальон 14-го пехотного полка был передислоцирован в северный городок Мушёен. Согласно плану нужно было отработать быструю переброску войск на север в губернию Трумс для отражения возможного советского вторжения с востока.

В Мушёене тогда оказался журналист Уле Родал. Он любил слушать радио, но был не единственным в полку, кто по вечерам настраивался на волну Московского радио.

Многие из тех, кого отправили той зимой на военные сборы, с удивлением узнали, что в советской столице хорошо осведомлены о развернувшихся под покровом полярной ночи учениях в Северной Норвегии. Из московских передач на Норвегию можно было узнать, что в недавно вступившей в НАТО Норвегии наблюдается большая активность военных. Кроме того, сообщались точные данные о передвижении войск, время передислокации, количество солдат – 1000 человек. Пункты отправления и назначения также зачитывались московскими дикторами по-норвежски с уверенностью и в таком тоне, что было понятно: советская сторона смотрит на это, как на военную истерию, развязанную США.

Как такое было возможно? По словам Уле Родала, сообщения из Москвы появлялись через некоторое время после того, как транспорт из Мушёена, вышедший в Балсфьорд в губернии Трумс, достигал пункта назначения. Родал решил выяснить этот вопрос через свои контакты в прессе и полиции. Вскоре его доклад оказался на столе у членов Координационного совета, которые раз в неделю собирались у шефа разведки Вильгельма Эванга в крепости Акерхус в Осло для обсуждения ситуации внутри и вокруг Норвегии с точки зрения безопасности.

Координационный совет при Совете по безопасности был создан, как уже говорилось, в 1949 году в целях координации работы секрет-

ных служб. Возглавлял его Андреас Андерсен, который в последующее десятилетие будет играть не последнюю роль в норвежской политике. Начальник разведки Вильгельм Эванг и начальник полиции безопасности Асбьорн Брюн были главными фигурами Координационного совета. Информация о том, что Московское радио располагает подробными данными о ходе военных учений в Норвегии, заставила Координационный совет серьезно заняться этим делом.

Правда, сам Родал лично не слышал по Московскому радио о перемещениях их батальона, но он сделал такой вывод на основе разговоров солдат в казарме, которые обсуждали передачи советского радио. «Русские постоянно следят за нами», – рефреном звучало в их разговорах.

Родал также сообщил Андреасу Андерсену, что необычная освещенность Москвы волновала и местных жителей в окрестностях Мушёена. Там уже давно циркулировали слухи о каком-то нелегальном передатчике. Журналист сам слышал об этом от своих родителей, которые жили в индустриальном районе в самой глубине Вефсн-фьорда.

Родал считал, что уровень безопасности вокруг мобилизации и самих учений заслуживает критики. Несколько членов штаба батальона знали, например, о времени, когда батальон будет собран, и куда он будет перемещаться, еще до того, как эта информация поступила от руководства полка. Родал предполагал, что утечка могла произойти потому, что военные конторы в Мушёене рекрутировали слишком много женщин-лотт. (Лотты, то есть добровольные помощницы, нужны были для работы во вспомогательных службах, связанных с учениями.) Хотя в письме к Андреасу Андерсену Родал подчеркивал, что ни в коем случае не обвиняет именно девушек-помощниц, его тревожило, что во время такого важного учения вопросам безопасности не было уделено подобающего внимания.

Озабоченность Уле Родала повлияла на отношение норвежской разведки к Московскому радио. Из рупора пропаганды на очень плохом языке, не имеющего никакого влияния на общественное мнение Норвегии, Московское радио превратилось в серьезную проблему. В его передачах звучала информация, которая могла вызвать сумятицу в рядах норвежской армии и снизить ее боевой дух.

Что могли противопоставить этому норвежские власти? Андреас Андерсен считал необходимым принятие ряда мер. Для начала нужно было выяснить, как секретные сведения о военных учениях за короткое время могли проделать путь из Хельгеланда в редакцию на Пушкинской площади в Москве. Мог ли возможный отправитель этих данных передать их с самолетом? Андреас Андерсен объяснял,

что его внимание к этому делу связано с тем, что важно выяснить настроения, которые были в батальоне во время учений, и какое впечатление на солдат и офицеров произвели сообщения Московского радио. Андерсена всерьез беспокоило, что подобная пропаганда может вызвать волнения в норвежской армии и тем самым снизить ее боеспособность.

Он также доложил, что нечто подобное происходило во время проведения учений военной тревоги в гарнизонах в Гардермуэн и Трандум в субботу 3 февраля и в воскресенье 4 февраля 1951 года. Тогда, по словам Андерсена, Московское радио подробно описало проходившие учения в вечернем воскресном выпуске новостей.

Для секретных норвежских служб это был сигнал тревоги. Если это правда, то русские получали информацию об учениях еще до того, как она направлялась в норвежские СМИ через НТБ.

Редактор пресс-службы Вооруженных сил Рейдар Хедеманн сообщил Андерсену, что в понедельник 5 февраля в 10 часов он разослал через НТБ согласованный пресс-релиз об учениях. Андерсен связался с НРК и выяснил, что сообщение не пошло в эфир. Вторая фаза учений в районе Гардермуэна происходила во вторник 6 февраля, за ними наблюдали журналисты из газет «Афтенпостен» и «Арбейдербладет». Андерсен удостоверился, что обе газеты дали 7 февраля свои репортажи об учениях, «согласовав их со штабом разведки».

Может ли быть, что Московское радио получило эту информацию через солдат и офицеров, участвующих в учениях, или Москва выудила информацию из норвежских СМИ? В любом случае Андерсен считал, что дело так просто оставить нельзя. «Московскому радио стало известно, что материал такого рода хорошо подействовал», – отметил он, ссылаясь на события вокруг учений в Северной Норвегии. Он как секретарь Координационного совета секретных служб сделал вывод, что необходимо организовать систематическое прослушивание норвежских передач из Москвы⁴.

Норвежские власти несколько лет в какой-то степени имели представление, о чем вещает норвежская редакция в Москве. С помощью НТБ и Стейна Савика они, в частности, узнали, что Москва жестко критиковала норвежскую Рабочую партию за отношения к коммунистам во время парламентских выборов в октябре 1949 года⁵.

Позднее той же осенью Московское радио стало нападать на норвежскую политику безопасности, цитируя, в частности, статью главной газеты советских ВМС «Красный флот», в которой говорилось: «Американские военные круги в последнее время активно пытаются превратить страны Северной Европы в форпост для нападения на Советский Союз. Американские военные корабли беспрепятственно бороздят норвежские территориальные воды, как будто находятся в

американских водах». Здесь, правда, была ссылка на статью НТБ от 18 ноября 1949 года⁶.

Потом НТБ отказалось прослушивать передачи Москвы «не в службу, а в дружбу». На заседании Координационного совета 15 января 1951 года Андреас Андерсен сообщил, что Норвежское телеграфное бюро хотело бы получать каждый месяц по 500 крон от Министерства обороны и от МИДа за то, что они станут продолжать прослушивание. В тот момент Координационный совет считал, что потребность в этом не так велика, чтобы тратить такую большую сумму. Хотя Андерсену все-таки поручили связаться с НРК и выяснить, нельзя ли поручить им прослушивание русского вещания.

Но ситуация с военными маневрами в Северной Норвегии резко изменила настроение совета. На основании служебной записки Андреаса Андерсена было решено организовать систематическое прослушивание норвежских передач из Москвы. Это дело поручалось пресс-службе МИДа в сотрудничестве с отделом разведки вооруженных сил ФСТ II. Обоснованием организации «прослушки» послужила информация о том, что русские передавали сведения о передислокации войск и ходе учений. Дело было настолько серьезным, что Вильгельм Эванг пообещал проверить, нет ли предателей в их собственном стане⁷.

Дело принимало серьезный оборот. Московское радио обратило на себя пристальное внимание МИДа и секретных норвежских служб.

«Министерство обороны просит Генеральный штаб в сотрудничестве с Норвежским государственным радиовещанием составлять рефераты о содержании передач, которые транслируются по-норвежски из Советского Союза, и направлять их для ознакомления премьер-министру, министру иностранных дел, министру обороны, министру юстиции. Чем быстрее эти рефераты будут готовы после эфира, тем лучше», – писал министр обороны Йенс Кристиан Хауге начальнику Генштаба 8 февраля 1951 года⁸.

На НРК не особо обрадовались такому сотрудничеству. Звукозаписывающих устройств им не хватало самим, особенно трудно было найти свободные машины как раз в часы вещания Московского радио. Вот если бы власти предоставили собственные записывающие устройства, тогда НРК могло бы оказывать эту услугу за 15 крон в день⁹.

Какое-то время шло «перетягивание каната», но потом решили, что Министерство обороны приобретет два современных записывающих устройства в США. К делу подключили посольство Норвегии в Вашингтоне и Норвежское информационное бюро в Нью-Йорке. 20 апреля две новых звукозаписывающих машины Brush

Sound Mirror и Reelest, а также 40 бобин магнитной пленки поплыли в Норвегию на борту пассажирского судна «Ставангерфьорд»¹⁰.

Теперь нужно было найти людей, которые согласились бы каждый день сидеть и слушать три вечерних передачи из Москвы. С помощью профессора Арне Ординга в Университете Осло нашли двух студентов – Кнута Дала Якобсена и Хенри Валена. Им-то и поручили проводить по три часа в помещении пресс-службы в доме 1 на площади Сулплассен, каждый вечер слушая передачи Московского радио.

Генштаб и МИД готовы были платить по 10 крон в час тем, кто согласился бы работать в такое неудобное время суток. Но прилежные молодые студенты, оказывается, уже согласились выполнять эту работу за 7 крон в час¹¹.

Кнут Дал Якобсен и Хенри Вален в последующие десятилетия стали профессорами, видными учеными-обществоведами. Вален к тому же в роли специалиста-аналитика по предвыборным кампаниям часто выступал на НРК. Ни один из них никогда не упоминал, что в начале своей академической карьеры день за днем они проводили вечерние часы в маленьком кабинете за красным зданием Ратуши в Осло и записывали на пленку «голос Москвы», доносившийся из потрескивающих динамиков¹².

Тогда в распоряжении студентов было новейшее для того времени оборудование. С помощью американских звукозаписывающих устройств они могли делать записи отдельных частей передач, которые казались им особенно интересными. Их рефераты получали недавно принятые на работу молодые сотрудники МИДа Тим Греве и Георг Кране, которые трудились под началом серого кардинала МИДа – Арне Ординга. В 1947 году Ординг был профессором всеобщей истории в Университете Осло, а затем как ближайший советник министра иностранных дел Халварда Ланге перешел на работу в МИД¹³.

Кране был по происхождению русским и хорошо разбирался в том, что происходило на его бывшей родине. Часто именно он мог объяснить смысл сказанного Москвой.

Слухи о том, что началось прослушивание передач Московского радио, быстро распространились среди политической элиты. Началась борьба за доступ к копиям рефератов «прослушки». Прежде всего рефераты предназначались для министра иностранных дел и штаба разведки. Министр иностранных дел Халвард Ланге, который благодаря своему брату Августу Ланге был в курсе происходящего в Советском Союзе, потребовал, чтобы рефераты появлялись на его столе утром каждого дня, когда он на работе.

Иногда студентам, составлявшим рефераты, приходилось самим ездить в Сместад, где находился аналитический отдел разведки.

К ним относились с уважением, и вместе с офицерами они анализировали содержание передач. Много ли внимания уделяется Северной Норвегии? Почему стали часто говорить о положении учителей? Офицеры разведки обращали особое внимание на некоторые темы и делали подробный анализ рефератов, записанных в тесном кабинете на площади Сулплассен¹⁴.

Даже норвежское посольство в Москве просило ускорить пересылку им рефератов прослушивания. В начале 1950-х годов доступ к информации о происходящем в Советском Союзе был минимальным. Хотя норвежское посольство находилось в непосредственной близости от Кремля, там считали, что им тоже нужно получать подобную информацию из Осло¹⁵.

Той же осенью систематическое прослушивание дало возможность разобраться со слухами, которые начали циркулировать в отдельных военных подразделениях на севере страны. Региональное командование войсками в Финнмарке узнало, что люди обсуждают новость о том, что Московское радио рассказало о строительстве заградительных укреплений, происходившем утром 29 октября, в тот же день в своем вечернем эфир. Координационный совет несколько недель спустя изучил этот вопрос и отнесся к сообщению скептически. Хотя все-таки стоило проверить, откуда появляются такие слухи.

Систематическое прослушивание Московского радио помогло снизить накал истерии холодной войны. Значение работы тех, кто этим занимался, не стало от этого меньше. «Большое спасибо вам за ваш труд», – писал в августе 1952 года редактор журнала «Народ и оборона» Пер Монсен в пресс-службу МИДа. По его мнению, было важно знать о том, что транслируется по радио. Он сожалел, например, что нет реферата интервью с писателем Оддом Эйдемом, сделанного Московским радио весной 1952 года. У члена Рабочей партии Пера Монсена были тесные связи с норвежской разведкой, и он еще на раннем этапе стал «подписчиком» рассылки рефератов прослушивания Московского радио.

За год служба прослушивания обрела четкие формы, сложился круг ее заинтересованных «подписчиков». Но подозрения о том, что в норвежских вооруженных силах есть предатели, секретные осведомители или люди, имеющие контакты с русскими (что собственно и дало повод организовать прослушку), так и не подтвердились¹⁶.

ПЕСНИ О СТАЛИНЕ НЕ ТРОГАЮТ СЕРДЦА НОРВЕЖЦЕВ

Когда Герда Странд Йохансен опять приехала в Москву, это был уже не тот город, где она училась двадцать лет назад. Исчез Коминтерн – динамичное, подчас сумбурное содружество коммунистов всего мира, идеалистически настроенных, одаренных людей, которые тогда горели желанием вернуться в свои родные страны и совершить там революцию. Весной 1951 года большинство коммунистов из восточноевропейских стран и Германии были уже у себя на родине и пытались осуществить общественный переворот, чем безуспешно занимались еще перед войной.

Во многих странах, например в Чехословакии, у коммунистов действительно были сильные позиции и широкая поддержка в массах. Но коммунисты никогда не смогли бы придти к власти, тем более удержать ее без поддержки Москвы.

Коминтерн был распущен в 1943 году. После нескольких лет экспериментов с различными «институтами» при Центральном Комитете Коммунистической партии Сталин предложил в 1947 году создать Коминформ – Коммунистическое информационное бюро. Тогда первоочередной задачей было заставить восточноевропейские страны, все больше подпадавшие под советский контроль, отказаться от американской помощи по плану Маршалла, чтобы таким образом не допустить усиления влияния США в регионе, который Сталин рассматривал как сферу своих интересов.

К Коминформу, штаб-квартира которого разместилась в Белграде – столице Югославии, вначале присоединились девять коммунистических партий. Кроме партий восточноевропейских стран, с самого начала в Коминформ вошли также компартии Италии и Франции. После разрыва между Москвой и Белградом в 1948 году штаб-квартиру перенесли в столицу Румынии – город Бухарест¹.

В 1945 году большинство норвежцев во главе с Готфредом Хёльволлем покинули так называемый Институт-205, который как орган при Центральном Комитете Коммунистической партии рабо-

тал с «норвежским направлением». Еще какой-то период времени там оставался неутомимый Георг Лаурсен (псевдоним «Мольтке»), который долгое время считался авторитетом в вопросах о Норвегии. Его и подобных ему коминтерновцев Герда Странд Йохансен застала во времена своей учебы в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), но когда она вернулась в Москву в 1951 году, Лаурсена уже не было.

Куда же исчез Мольтке, который знал почти всех норвежцев, живших в те годы в Москве? Как и Готфред Хельволл, он сочетал работу на радио с аналитической работой для ЦК и продолжал этим заниматься в первые послевоенные годы. Весной 1946 года он вместе с другими норвежцами выяснял по заданию ЦК Коммунистической партии Советского Союза, какие фракции появились в Норвежской коммунистической партии накануне ее съезда².

Но в 1949 году, спустя год после разрыва с Тито и Югославией и во многом в результате этого разрыва, в Советском Союзе поднялась новая волна «чисток». Если в конце 1930-х годов по всем углам искали троцкистов, то теперь охотились на «титоистов» – датчанина Георга Лаурсена вместе с его русской женой и дочкой арестовали и выслали в Казахстан. Сам же Мольтке считал, что истинной причиной ареста была его близость к Ленину во время Первой мировой войны, когда они вместе жили в Швейцарии. Все знали, что Сталин опасался людей, которые знали Ленина, в этом он видел угрозу своей репутации.

Мольтке исключили из партии, и одно время он даже боялся за свою жизнь. «Мы лишь знали, что его посадили. Мы вообще никогда не заводили разговоров о прошлом или о тех, кого арестовали из-за политических взглядов», – говорит Май Весенберг, которая много лет работала на Московском радио вместе с Мольтке – ветераном датского коммунистического движения³.

Работа в редакции подчинялась строгому распорядку, выработанному во время войны. Русские редакторы из центральной редакции приносили длинные свитки материалов, которые нужно было готовить для эфира. Весь этот материал в свою очередь делили на меньшие информационные блоки, потом тексты переводили на норвежский язык. Переводы часто выполняли Ксения и Марианна Александровы, потом переводы проверяли Герда Странд Йохансен и Май Весенберг. Марианна Александрова, как и Ксения, до войны жила несколько лет в Норвегии, и обе в течение десятилетий были верными сотрудниками норвежской редакции Московского радио. Когда они со временем уже хорошо выучили и русский, то сами смогли делать переводы.

Когда тексты для вещания были готовы, их отправляли в студию, которая находилась на другой стороне Путинковского переулка – как раз напротив Дома радио. Здесь всегда был на месте так называемый контролер, который еще до трансляции должен был проверить все, что записывается на магнитную ленту. Так, хороший друг Анны Далланд Алексей Чехванов много лет проработал в студии контролером. Его задачей было не допускать отклонений от сценария при записи и следить, чтобы во время эфира не произошло чего-либо неожиданного и политически вредного.

После Второй мировой войны на Московском радио появилась новая записывающая аппаратура, с помощью которой можно было заранее готовить большинство передач. Зачастую это делали непосредственно перед эфиром. Юлиана Яновна Касьяненко также долгое время проработала контролером. Она была латышкой, но довольно хорошо говорила по-шведски. Ее отец, как и многие другие латыши, стал жертвой террора 1930-х годов*. Когда Юлиана вышла замуж, она была рада избавиться от своей девичьей фамилии, которая свидетельствовала, что она – дочь врага народа.

Юлиана была приятной женщиной, но один из норвежцев, работающих в редакции, знал доподлинно, что она согласилась стать информатором КГБ. Ее отец, как и миллионы других людей, бесследно исчез в годы террора. Может быть, она пошла на это сотрудничество, чтобы спасти себя и семью?⁴

Много лет важную роль в работе Московского радио играла Тамара Майорова. Норвежская и датская редакции очень тесно сотрудничали: одно время вообще ютились в тесных помещениях вместе с индонезийским отделением впридачу. В 1949 году, когда в редакции появился Александр Кан, впоследствии известный историк, Майорова возглавляла норвежскую редакцию. Александр Кан был одним из многих одаренных русских, кто совершил свои первые профессиональные шаги в скандинавской редакции Московского радио. В конце своей профессиональной карьеры Кан работал профессором в университете шведского города Упсала⁵.

Работники шведской редакции были застрельщиками вещания на скандинавских языках и располагали собственным помещением. Ветераны радио – Сикстен фон Егерфельт, Марта Шульц и Бертиль Вагнер – работали там теперь вместе с молодыми русскими, хорошо владевшими шведским языком. Среди них была Ирина Гарденина,

---

* Отец Касьяненко Ю. Я., комдив Ян Алкснис, был арестован в 1938 году; он умер в Устьвымлаге в 1943 году.

которая чуть ли не до сегодняшнего времени «вещала» на Швецию из Москвы. Она была дочерью героя революции 1917 года, который в 1920-е годы с энтузиазмом взялся спасать разваливающуюся экономику нового социалистического государства – это стало делом его жизни. Правда, в 1937 году его арестовали и обвинили в заигрывании с капитализмом. Свои дни он закончил в ГУЛАГе в 1941 году.

Так что истории многих работников шведской редакции Московского радио были похожи: их ближайшие родственники были или казнены, или исчезли во время Большого террора в конце 1930-х годов⁶.

Не лучше обстояли дела и в датской редакции: история несчастной Сигрид Чапской производила впечатление на всех, кто с нею встречался. Она, как и Марта Шульц, приехала в 1930-х годах вместе с мужем – советским дипломатом* в Москву, и на ее глазах мужа арестовали сотрудники НКВД. Сама же Сигрид «загребела» на 10 лет в ГУЛАГ: их двоих детей отправили в детский дом. В датской редакции она бродила тенью, готовая выполнить любой приказ. В то время как другие сотрудники редакции в своих переводах пытались как-то сгладить непомерное восхваление Сталина, она, напротив, старалась упомянуть имя диктатора при всяком удобном случае. В конце концов она заболела и вскоре умерла⁷.

Быть переводчиком или еще иметь возможность работать диктором – разница в оплате была заметной, что почувствовала на себе Май Весенберг. Некоторое время ей платили только за выполненные переводы, и чтобы зарабатывать достаточно денег, ей приходилось много трудиться. Постепенно она вошла в ритм и могла за день перевести 15–20 страниц, что хорошо оплачивалось. А в датской редакции переводчиком работал Карл Снядый, или, как его называли, Карло. В Москву он приехал в 1932 году вместе с родителями, когда его отцу предложили советское гражданство.

---

* Майор госбезопасности Адольф Чапский был расстрелян в 1937 году. Возможно, что в действительности его звали Авраам Аба Давидович. Он был резидентом советской разведки и сотрудником ИНО (Иностранный отдел) ВЧК (ОГПУ). С паспортом на имя Антона Шустера его направили в Швецию работать корреспондентом по Скандинавии. Работая под прикрытием советского торгпредства, он собирал информацию о политической ситуации в Швеции и Дании, следил за настроениями в обществе, контактировал с представителями коммунистических партий. К 1924 году ему дали задание из Центра жениться на иностранке, чтобы получить беспрепятственный въезд в европейские страны. Один из членов датской компартии познакомил его с молодой датчанкой, с которой он расписался через полгода после знакомства, даже не спросив ее согласия: Антон Шустер просто забрал ее паспорт и попросил подождать в комнате советского торгпредства в Стокгольме, куда «невеста» приехала по его телеграмме. См.: <http://www.krugozormagazine.com/show/soviet-intelligence.144.html>

Польский рабочий-текстильщик Иеронимус Снядый бежал из царской России еще до Первой мировой войны, спасаясь от преследований полиции за политическую деятельность. Когда позднее он стал работать вахтмейстером в советской дипмиссии в Копенгагене, ему предложили поехать в «советский рай на востоке» – ведь он родился на территории царской России. Тогда он ничего не знал о резко негативном отношении Сталина ко всему польскому. В конце 1930-х годов Иеронимус Снядый, как и многие польские коммунисты, был арестован и исчез без следа. Его жена датчанка Мария Эллебю осталась одна с сыновьями Карлом и Феликсом, причем Феликс к тому же страдал небольшим функциональным расстройством. Ее как жену врага народа вскоре выслали из Москвы.

Карл выжил во время войны лишь благодаря хорошим друзьям – знакомым отца по работе в советской дипмиссии в Копенгагене. Потом Карл, знающий датский язык, смог получить работу на Московском радио. У него был абсолютный слух и музыкальный талант. Он сочинял музыку и однажды даже написал оперу. Во время войны его голос серьезно сдал, но все равно баритон Карла Снядого мог выручить, когда приходили письма из Норвегии с музыкальными пожеланиями. Норвежские или датские песни в его исполнении можно было без репетиций записывать на пленку. Карл Снядый был ходячей музыкальной коллекцией.

Май Весенберг и Карл Снядый много лет работали бок о бок в маленьком редакционном кабинете. Хорошие рабочие отношения вскоре переросли в нечто большее. Не обошлось, правда, без проблем. Карл был женат, к тому же он был советским гражданином. В принципе, имея датскую мать, он мог бы обратиться в датское посольство в Москве и получить датский паспорт, но об этом речи даже не шло. Сотрудники Московского радио смотрели на посольства западных стран как на чуждый им мир, не чувствуя никакой связи с ними.

Май и Карл искренне верили в советское государство. Они считали, хотя, может быть, и не без усилий, события, происходившие в конце 1930-х годов, просто страшной ошибкой. Когда Карл в конце 1950-х годов получил письмо из КГБ, в котором сообщалось, что его отца арестовали и расстреляли незаконно, он лишь пожал плечами. Но он никогда не скрывал, что тяжело переживает случившееся с отцом⁸.

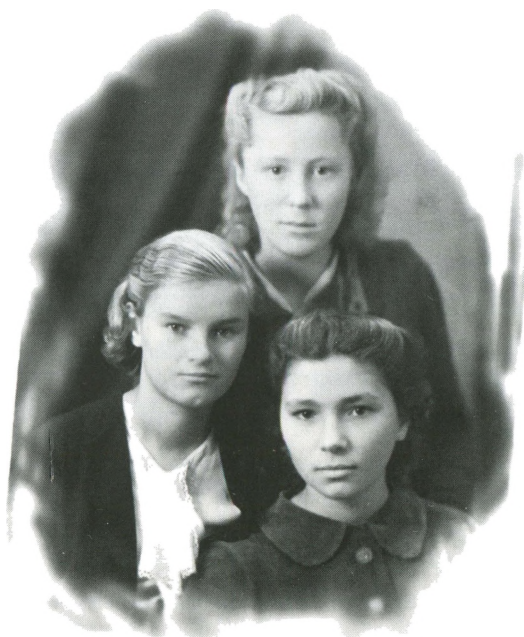
Май Весенберг сохранила норвежское гражданство, и ей несколько раз пришлось обращаться в свое посольство на улице Воровского за продлением паспорта. Когда в 1951 году она потеряла паспорт и была вынуждена несколько раз просить советские власти о краткосрочных продлениях вида на жительство, из норвежского посольства ей сообщили, что готовы сделать ей новый паспорт.

«Мир еще будет молодым». Анна и Эва Далланды в Москве в конце 1930-х годов. Фото предоставлено Арие Берихардсеном

Школа рядом со стенами Кремля. Эва Далланд – третья слева в третьем ряду вместе со своими одноклассницами по школе №157 в Москве.
Фото предоставлено Арне Бернхардсеном

Друзья на всю жизнь.
 Клавдия Бабаева
 (сзади), Эва Далланд
 и Валентина Зайцева
 вместе ходили в школу
 во время войны.
*Фото предоставлено
 Клавдией Бабаевой*

Мировой центр коммунистической пропаганды. С 1938 года Московское радио находилось в стенах этого дома № 2 в Путинковском переулке в центре Москвы. *Фото из Архива Московского радио*

Граф-коммунист. Сикстен фон Егерфельт появился в шведских передачах Московского радио с самого их начала. *Фото из Архива Московского радио*

«Коллективизм — ключ к победе социализма».

Демонстрация в Москве в 1934 году.

Фото из Архива и библиотеки рабочего движения в Осло

«Все на выборы!» Это официальная подпись под этой фотографией, распространяемой советским государственным фотобюро. 12 декабря 1937 года все граждане Советского Союза пришли на избирательные участки, чтобы выбрать членов Верховного Совета. *Фото из Архива и библиотеки рабочего движения в Осло*

Татьяна Стернина была многие годы «голосом» шведских передач, в которых пропагандировались политика и взгляды Москвы, хотя сама она и ее семья пострадали от Сталинского террора

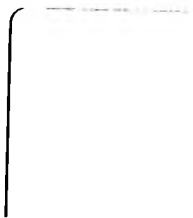
Надежда Снежко возглавила норвежскую редакцию Московского радио во время Второй мировой войны. Она придумала использовать в передачах короткие скетчи и сценки. *Фото из Архива Московского радио*

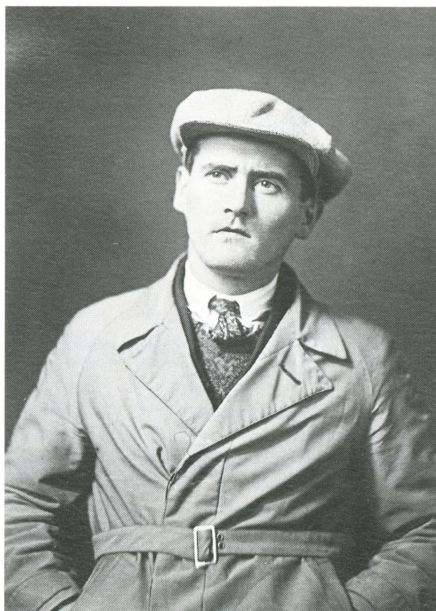
Счастливые дни. Сольвейг и Гуннар Берг (слева на фотографии) вместе с друзьями и родственниками в Сёр-Варангере в 1936 году. Гуннар Берг был убит в бою с немцами в 1941 году. Его жена Сольвейг читала новости на Московском радио.
Фото предоставлено Ваньей Хельволл Андреассен

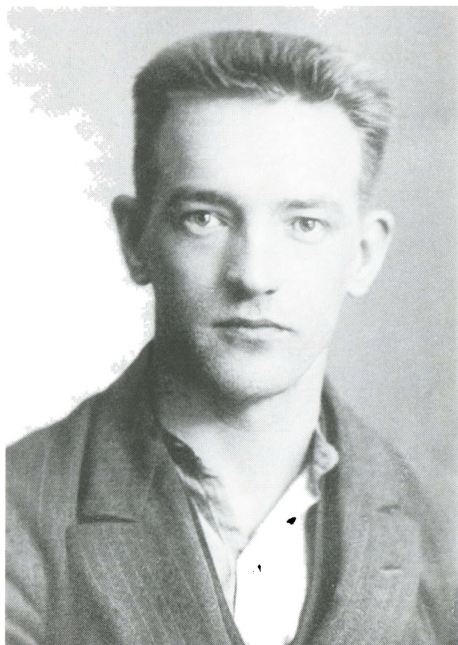
«Высокоразвитый, замечательный человек». Одаренный Гильберт Фуруботн стал первым редактором норвежских программ Московского радио в 1941 году. *Фото из Архива Коминтерна*

Человек, которому русские доверяли. Готфред Хельволл возглавлял норвежских коммунистов в Советском Союзе во время Второй мировой войны. Его голос слышали норвежцы в передачах «Народной радиостанции». *Фото из Архива Коминтерна*

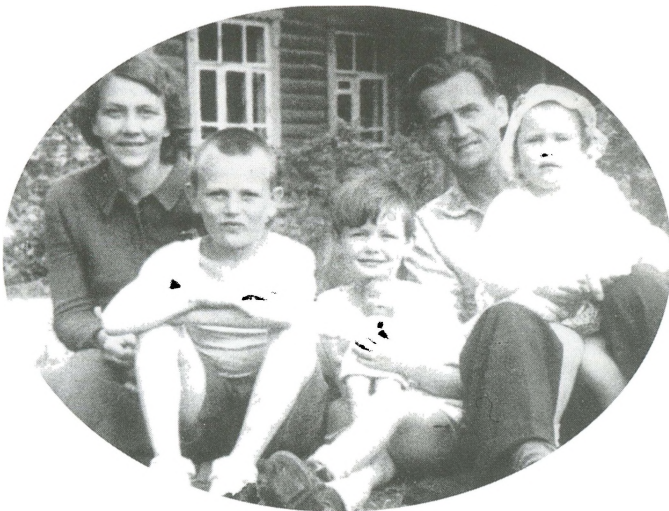
Вместе с Нансеном против голода в России. Хокон Сунд – шестой слева в последнем ряду – был одним из сотрудников во время голода в России и на Украине в 1922 и 1923 годах. Снимок сделан в Харькове 21 января 1923 года. *Фото из Национальной библиотеки Норвегии (собрание фотоматериалов)*

Длинные руки Москвы в Норвегии? Многие считали Йохана Странда Йохансена самым «правоверным» и преданным Москве коммунистом в Норвегии. Но и он в конце 1930-х годов не понаслышке узнал о терроре и его ужасах. *Фото из Архива Коминтерна*

«Москва всегда права». Герда Странд Йохансен проработала на Московском радио дольше всех норвежцев. *Фото из Архива Коминтерна*

Минута отдыха. Хильдур и Готфред Хёльволлы вместе со своими детьми: Бьорном, Ваньей и Гердой в доме отдыха под Москвой во время войны. Этой семье редко доводилось собираться вместе, чтобы отдохнуть. *Фото предоставлено Ваньей Хёльволл Андреассен*

«Весь мир должен знать, что думает Москва». После Второй мировой войны в скандинавскую редакцию Московского радио пришло работать много русских сотрудников. *Фото из Архива Московского радио*

Май Весенберг проработала на Московском радио более 20 лет, поступив туда в 1947 году. Она была одной из лучших переводчиков с русского на норвежский язык

Карл Снядый из датской редакции Московского радио и Май Весенберг стали парой. *Фото предоставлено Май Весенберг*

Подготовка к выезду. Карл Снядый сумел купить автомобиль, что было редкостью в Советском Союзе в 1950-е годы. *Фото предоставлено Май Весенберг*

В отпуске в Кенигсберге. Май Весенберг и Карл Снядый отправились в 1956 году в бывший немецкий город Кенигсберг, который теперь называется Калининград. *Фото предоставлено Май Весенберг*

До сих пор – руины. Прошло уже больше 10 лет после войны, но почти никаких признаков восстановления разрушенного войной Кенигсберга не было видно. *Фото предоставлено Май Весенберг*

«Что мы сегодня расскажем нашим радиослушателям?»
 На летучках в редакции Московского радио речь шла
 в основном о выборе формы подачи информации, которая
 «спускалась» сверху. *Фото из Архива Московского радио*

Будущий эксперт по выборам за работой. Мало кто
 знает, что Хенри Вален начал свою карьеру общественведа
 и аналитика предвыборных кампаний, выполняя задания
 по прослушиванию передач Московского радио.
Фото Оге Стурлёкена, Scanpix

Ксения Александрова-Сунд начала работать в норвежской редакции на Московском радио с первых дней ее вещания во время Второй мировой войны. *Фото из Архива Московского радио*

Марианна Александрова в течение десятилетий была голосом Московского радио. Норвежская служба прослушивания передач характеризовала ее голос как «настоящий советский трактор». *Фото из Архива Московского радио*

Сложное название. Официальным названием Московского радио было: Государственный комитет Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию. На фото под вывеской на здании Комитета, располагавшегося на Пятницкой, 25, стоит А. Брежнев, который многие годы был заместителем редактора скандинавской редакции радио

Квартиры класса «люкс». Большинство норвежцев, приехавших работать на Московское радио, получили квартиры, о которых простые русские люди могли только мечтать. Берит и Кристиан Халдорсены жили в этом доме на набережной Москвы-реки. *Фото предоставлено Трульсом Халдорсеном*

Новоиспеченные родители. В январе 1960 года в Москве у четы Халдорсенов родился первенец. На фото – Кристиан и Берит Халдорсены со своей русской знакомой Ниной Васильевной Чирковой. *Фото предоставлено Трульсом Халдорсеном*

На улицах – свободно. Когда семья Халдорсенов жила в Москве в начале 1960-х годов, транспорта на улицах все еще было относительно немного.
Фото предоставлено Трульсом Халдорсеном

Красивая коляска. Первые полгода своей жизни Трульс Халдорсен прожил в Москве. У него была коляска самой лучшей советской марки.
Фото предоставлено Трульсом Халдорсеном

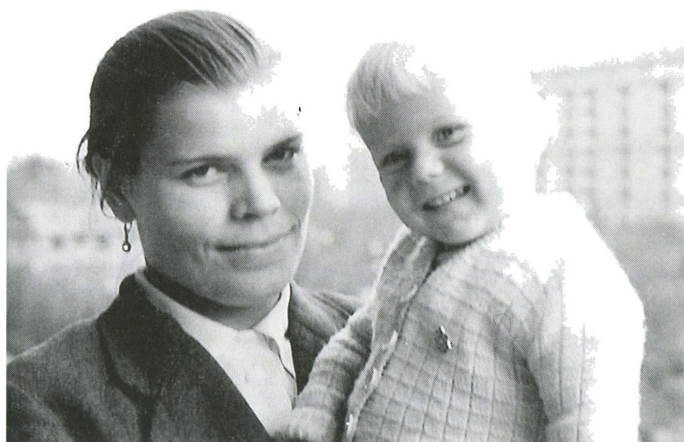
Субботний вечер в студии. 30 ноября 1957 года эту большую новую передачу доверили вести Эйвину Свенсену. *Фото предоставлено Эрной Фоссум Свенсен*

Все как на ладони. Норвежская служба прослушивания основательно проанализировала «Субботний вечер в студии», который помог идентифицировать многих работников радио. *Фото предоставлено Эрной Фоссум Свенсен*

«Без сомнений: голос жителя Остланда». Эйвинд Свендсен приехал работать на Московское радио, пережив самый вопиющий случай запрета на профессию в норвежской послевоенной истории.
Фото предоставлено Эрной Фоссум Свендсен

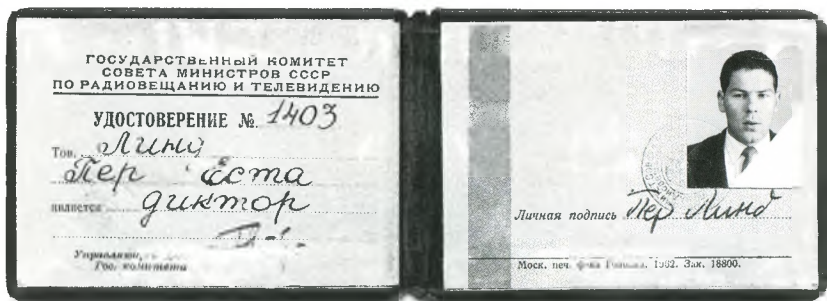
В надежных руках Надежды. Эрик Фоссум Свендсен родился в 1955 году в Москве и сильно привязался к своей няне и домработнице в семье Свендсенов – Надежде Федоровне. *Фото предоставлено Эрной Фоссум Свендсен*

Новопесчаная улица. Эрна, Кристи и Эйвинд Свендсены на балконе своей квартиры на Новопесчаной улице. В этом районе жили многие норвежские сотрудники Московского радио. *Фото предоставлено Эрной Фоссум Свендсен*

Русское лето. Ксения Александрова, Эрна Фоссум Свендсен и неизвестная женщина на отдыхе под Москвой. Фото предоставлено Эрной Фоссум Свендсен

Строгий контроль. Как все остальные сотрудники Московского радио, Пер Линд должен был иметь при себе пропуск, чтобы попасть в Дом радио. Фото предоставлено Пером Линдом

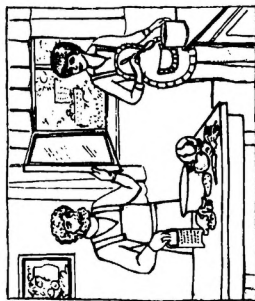
После свадьбы на кухне. Перу Линду было всего 23 года, когда он начал работать диктором на Московском радио. Позднее он женился на одной из русских секретарш в редакции. *Фото предоставлено Пером Линдом*

За здоровье молодоженов. Рагнар Виик (первый слева) и Марианна Александрова (третья слева) пришли на свадьбу к Перу Линду в 1965 году.
Фото предоставлено Пером Линдом

Маленькая девочка в большом городе.
Пер Линд вместе с дочкой Хейди перед многоэтажками на Ленинском проспекте, где они жили

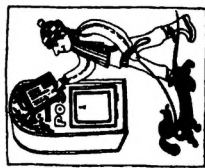
звонит в дверь
Я ничего не успела сделать

= ringar på dörren
= Jag har inte hunnit göra någon-
ting. Jagg mårkte till att nån-
nått är genitiv. Efter nekade verb
står objektet ibland i genitiv.

SNÄPPFUGA ÖVNINGSUPPÖPPTER

Översätt till svenska:

Который час? Уже третий час. Давать
минут четвертого. Без десяти восемь.
Сколько времени? Полвосьмого. Семь
минут третьего. Сколько здесь туристов?
Два датчанина и пять англичан.

Översätt till ryska:

Hur mycket är klockan? Hon är tolv.
Hon är tio (minuter) över tolv. Hon
är halv nio. Hon är ett. Hon är tju-
go (minuter) i åtta.

Сегодня Иван приходит домой с работы рано, без десяти шесть.
Почему так рано? Потому что сегодня придут в гости Дядя, Вера и
Ханс.

Иван звонит в дверь. Тамара открывает.

Тамара говорит: "Очень хорошо, что ты так рано пришёл. Помог
мне на кухне. Я, к сожалению, ничего не успела сделать. Тут при-
ходила соседка. Мы долго с ней разговаривали, и я совсем забыла
про гостей".

Иван идёт на кухню. "Чем я могу помочь тебе?" - спрашивает он.

Тамара отвечает: "Сделай салат. Потом помоги мне накрыть на
стол". Иван хочет закрыть окно на кухне. Но Тамара говорит: "Не
закрывай окно, тут жарко".

«Который час?». Люди во многих странах хотели учить русский язык.
Московское радио разработало учебный языковой курс, где обучение
русскому проводилось на основе шведского. Копия страницы предоставлена
Вегаром Феликсом Кьелландом

Почтовый ящик. Редакция
Московского радио просила
слушателей писать им –
все адресаты получали
ответ. *Копия страницы
предоставлена Вегаром
Феликсом Кьелландом*

Radio Moscow answers your questions on the air or by post. Radio Moscow welcomes
your comments and suggestions on its programmes

For details and free programmes guides write to RADIO
MOSCOW, MOSCOW, USSR

Телефон: 3-14-11, 3-14-12
3-14-13, 3-14-14

Коммунисты тоже любят свою родину. Фреде Клитсгор, Герда Странд
Йохансен, Эрна Фоссум Свендсен, Лизе Клитсгор, Кристиан Халдорсен,
Берит Халдорсен, Марианна Александрова и Эйвинд Свендсен в 1958 году.
Фото предоставлено Эрной Фоссум Свендсен

В начале апреля 1952 года она пришла за ним в посольство. После приезда в 1946 году в Советский Союз с семьей Ланге она ни разу не была в Норвегии. Несколько раз ее мать посылала ей передачи со специальным вагоном, который один раз в неделю отправлялся из Осло в Москву. Среди тех, кто передавал Май посылки от мамы, был и норвежский дипломат Пер Скойен.

«У меня сложилось впечатление, что фрекен Весенберг довольна жизнью в Советском Союзе. У нее интересная работа на радио, а за время отпусков она поездила по стране и повидала много», – отмечал Скойен в служебной записке для норвежского МИДа. Но в остальном норвежское посольство мало что знало о людях, работавших на Московском радио. Только в связи с продлением этим людям паспортов сотрудники посольства могли получить небольшое представление о неизвестном им мире⁹.

Одновременно с этим в Норвегии рос интерес к Московскому радио и к людям, которые там работали. Пера Скойена попросили узнать побольше об обосновавшейся в Москве норвежке. Несколько месяцев спустя Скойен сообщил, что у Май Весенберг круглое лицо, серо-карие глаза, русые волосы, а между передними зубами – щербинка. Когда Май снова появилась в посольстве для получения нового паспорта, она поинтересовалась у сотрудников, нет ли у них старых норвежских газет. Скойен удивился, что в редакции Московского радио нет норвежских газет, и услышал в ответ, что там читают только газету Норвежской коммунистической партии «Фрихетен» («Свобода»). Май ушла из посольства довольная тем, что уносит с собой несколько экземпляров «Арбейдербладет» и «Афтенпостен».

Май Весенберг также рассказала послу, что лето она провела в Таллине. В 1952 году этого было достаточно, чтобы молодой дипломат с изумлением приподнял брови. Дипломатам, да и вообще иностранцам тогда были строго запрещены поездки, особенно в расположенные на западной границе СССР прибалтийские республики. Но вообще-то Май Весенберг была уже не совсем иностранкой: ее дом и работа находились в Советском Союзе. Но, сохраняя норвежский паспорт, она держала дверь «запасного хода» открытой – для возможной поездки домой в Норвегию¹⁰.

Любовь прочно привязала Май Весенберг к Московскому радио и жизни в Советском Союзе. Это был не первый и не последний случай расцвета романтических чувств в тесных помещениях редакции по адресу Малый Путинковский переулок, д. 2. Ксения Александрова и швед Бертиль Вагнер долгое время встречались, но так и не стали супружеской парой. Вагнер в конце концов вернулся в Швецию, и только стареющий и седеющий аристократ Сикстен фон Егерфельт

«держал оборону» до конца: его пришлось почти выносить из редакции. А вот Май Весенберг и жизнерадостный и талантливый Карл Снядый стали парой¹¹.

Хотя после войны в нищем советском обществе многие сферы экономики и жизни нуждались в финансировании, коммунистическая партия, тем не менее, решила направить значительные суммы на поддержание радиовещания на языках мира. Наверное, коммунистам хотелось через эти передачи показать, что обладающий мощной военной силой Советский Союз теперь действительно стал великой державой с интересами во всем мире.

Люди жили в страшной тесноте, не хватало еды, одежды, мебели, товаров первой необходимости, но с этим мирились. Сотрудники радио жили общим для всего народа чувством: они выдержали войну и победили. Теперь нужно еще немного потерпеть, и все наладится. На политическом Олимпе по-прежнему царил Иосиф Сталин – непогрешимый вождь и лидер. Не было ни одной передачи, где бы не звучали хвалы в его адрес и его имя не превозносили до небес. Но однажды в редакции появился новый сотрудник – молодой норвежец, который поставил вопрос ребром, требуя полной правды.

Мартин Гуннар Кнутсен через руководство Норвежской коммунистической партии узнал, что Московскому радио требуется еще один норвежский сотрудник, помимо Герды Странд Йохансен. И во время визита в Москву новому энергичному лидеру НКП Эмилю Лёвлиену сообщили, что руководство советского радиовещания хочет видеть среди работников радио коммунистов из Норвегии.

Кнутсена такая должность устраивала: ему было 32 года, постоянной работы он не имел: работал учителем на замене, к тому же он недавно женился на восемнадцатилетней Эдит Халвари, которая хотела вернуться в страну, где провела почти пять лет своего детства. Эдит попала в Советский Союз вместе с родителями – беженцами из Финнмарка – во время Второй мировой войны. Она была дочерью Альфреда Халвари, который с Готфредом Хёльволлем был одним из самых видных норвежских коммунистов в группе тех, кто переехал в 1940 году через море на полуостров Рыбачий из Восточного Финнмарка.

Конечно, у Мартина Гуннара Кнутсена не было никакого журналистского опыта, кроме издания в конце 1940-х годов стенной газеты НКП, когда он жил в Вардё. Но в НКП его знали как активного, упорного и очень работоспособного человека. Он принимал участие в движении Сопротивления и грудью встал на защиту нового курса партии, осуждая «титои́ста» Педера Фуруботна. К тому же рядом с ним теперь была Эдит, свободно говорящая по-русски с детских лет,

проведенных в Шадринске. Так что ей было гораздо легче, чем другим иностранцам, приспособиться к жизни в советской столице.

Мартин и Эдит выдвинули требование, что работу на Московском радио дадут им обоим. Руководители редакции, вероятно, обрадовались, что они получают не одного, а двух сотрудников для работы в загруженной до предела редакции¹².

В канун нового 1952 года Мартин Гуннар Кнутсен влился в скандинавскую редакцию и принес с собой свежую струю воздуха и четкое представление о том, каких программ ждут в Норвегии, и что особенно важно – каким образом преподносить материал в эфире, чтобы его воспринимали слушатели.

«Если делать литературную программу исходя из того, сколько раз писатель упомянул Сталина, – она не достигнет своей цели», – писал Мартин Гуннар Кнутсен 30 лет спустя, рассказывая о трех годах работы на Московском радио. И добавлял: «Песни о Сталине не трогают сердце и душу норвежцев, их волнует романс “Однозвучно гремит колокольчик” с его простой мелодией».

Никто не сомневался в политических воззрениях Мартина Гуннара Кнутсена, но он, хотя и осторожно, позволял себе высказывать недоумение по поводу безудержных восхвалений Сталина. Делился с коллегами наблюдениями о том, что стандарты жилья в СССР отстают от норвежских на порядок, хотя в Советском Союзе и происходит много хороших вещей. При этом следует учитывать, что до этого он жил в послевоенном Финнмарке, где видел все проблемы населения на севере Норвегии, разоренном войной.

Когда же осенью 1952 года в гости к Мартину Гуннару Кнутсену и Эдит Халвари приехал ее отец Альфред, госбезопасность в Москве забеспокоилась. Когда-то пламенный коммунист Альфред Халвари вышел из НКП из-за романа с женщиной, которую некоторые из его товарищей по партии считали подозрительной. Кроме того, появились сведения о том, что он общался с «кликой прокаженных», то есть со сторонниками Фуруботна, в первые три года после раскола в Норвежской коммунистической партии¹³.

На Мартина Гуннара Кнутсена был набран компромат. Помимо прочего обнаружилось, что его жена Эдит получала-кое-какие газетные вырезки от своей подруги Берглиот Бродткорп, жившей тогда в Англии. Эдит и Берглиот учились в одном классе в Вардё, и хотя политические взгляды их были различны, они переписывались. Может быть, Берглиот посылала критические статьи о жизни в Советском Союзе, вырезанные из британских газет, чтобы поддразнить свою подругу-коммунистку. Ей не пришло в голову, что всю корреспонденцию, поступающую в адрес норвежских сотрудников Московского

радио, вскрывает и проверяет советская госбезопасность. И невинные на первый взгляд газетные вырезки становились темой рапортов, которые писались о свободомыслящем норвежском коммунисте¹⁴.

К тому же от Кнутсена испуганно шарахнулись многие, когда он раскритиковал картину, где в лучах заходящего солнца стоял Сталин на фоне толпы счастливых людей, запрудивших улицы города. Его вызвали «на ковер» к руководству радио, но он твердо стоял на том, что в передачах, в том числе и норвежских, используется язык, который не находит отклика у норвежцев. К тому же он добавил, что готов освободить свою должность и вернуться в Норвегию.

Мартин Гуннар Кнутсен вышел из кабинета начальства, расположенного на верхних этажах Дома радио, не зная, чего ему ожидать в ближайшем будущем, но выволочек больше не было, и он спокойно провел в Москве еще два года¹⁵.

СТАЛИН УМЕР!

Это случилось в ночь с 5 на 6 марта 1953 года после холодных и промозглых дней, когда всем казалось, что весна навеки застряла где-то в русских степях. Мартин Гуннар и Эдит Кнутсены спали в своей уютной маленькой квартирке на северо-западе Москвы. Квартира, которую им только что дали, располагалась в недавно возведенной шестизэтажке, стоявшей в окружении таких же домов на Новопесчаной улице. Немецкие военнопленные в рекордный срок построили там совершенно новый район. Эти дома были, наверное, самым лучшим жильем из того, что имелось тогда в советской столице. Хотя лифты вскоре перестали работать, квартиры там были больше и светлее тех, в которых приходилось ютиться большинству москвичей.

В дверь постучали. Но за дверью были не «гэбэшники», пришедшие за свободомыслящим норвежцем, а шофер с Московского радио. Он сообщил Мартину Гуннару, что нужно одеться и ехать на работу, где его ждут, потому что необходимо зачитать очень важное сообщение. Норвежский коммунист сразу догадался, о чем идет речь. Последние сутки Москва была полна слухами о пошатнувшемся здоровье стареющего Сталина. Почти никто в советском государстве не представлял, как СССР будет существовать без него. Кто теперь встанет у руля могущественной империи, которую он создал?

За день до этого Московское радио вышло с осторожным сообщением о том, что Сталин болен. Подобное заявление было настолько необычным, что многие поняли всю серьезность ситуации.

В три ночи по московскому времени 6 марта 1953 года в эфире раздался голос легендарного советского диктора Юрия Левитана: Иосиф Сталин умер на 75 году жизни.

«В эти скорбные дни все народы нашей страны еще теснее сплачиваются в великой братской семье под испытанным руководством Коммунистической партии, созданной и воспитанной Лениным и Сталиным». Юрий Левитан зачитал сообщение тем же пафосным голосом, который он выработал за время войны. Все утро и первую половину дня люди теснились около радиоточек, слушая горестную весть¹.

Дошла очередь и до Мартина Гуннара Кнутсена. «Никогда, ни до этого момента, ни после, я не испытывал такого чувства значительности слов, которые я произносил», – писал Кнутсен много лет спустя. Как и многие миллионы советских граждан, норвежец разделял общую скорбь, несмотря на свое неприятие обожествления этого государственного лидера².

Иосиф Виссарионович Джугашвили испустил дух 5 марта около 10 часов вечера, окруженный своими ближайшими соратниками. Советское общество испытало шок: непогрешимый, почти святой Сталин оставил этот мир³.

В здании Дома радио рядом с Мартином Гуннаром Кнутсеном плакали сотрудники.

Гроб Сталина стоял на лафете, и миллионы людей теснили друг друга в надежде хоть краешком глаза увидеть этого малорослого грузина, лежавшего в Колонном зале Дома Союзов в Москве.

Московское радио ни о чем другом не говорило, как только о заслугах Сталина перед человечеством.

«Как много он, наш лучший друг и мудрый учитель, сделал для того, чтобы советское искусство достигло высокого уровня, чтобы оно было богато содержанием и пониманием того, что происходит в гуще народной». Такие слова звучали в передаче, посвященной роли Сталина в искусстве, которую выпустила в эфир 19 марта 1953 года финская редакция Московского радио. Вероятно, содержание норвежской программы было таким же, а фоном служили классические произведения в минорных тональностях Чайковского и Грига⁴.

Стейн Савик в Норвежском телеграфном бюро накануне почувствовал, что в Москве происходит что-то необычное. Ночью 6 марта он крутил ручки радиоприемника, проверяя, все ли привычные передачи на месте. Именно ему удалось поймать одно из самых первых сообщений о смерти Сталина, поэтому НТБ стало первым новостным агентством на Западе, подтвердившим, что советского лидера не стало. Согласно журналу учета передач, это произошло в 02.17 ночи по норвежскому времени, прошел лишь час после того, как Юрий Левитан зачитал бюллетень о смерти вождя⁵.

Сталин умер в тот момент, когда холодная война «была страшно холодной». В Корее шла война; железный занавес, разделивший Европу, был непроницаем. За несколько месяцев до смерти Сталина в Советском Союзе начались новые «чистки». Пресса снова взяла на вооружение язык газет конца 1930-х годов – времен Большого террора. Все это вызывало шок на Западе.

13 января 1953 года газета «Правда» напечатала большую статью, где утверждалось, что в смерти многих известных советских лидеров,

в том числе и любимчика Сталина Андрея Жданова, виноваты врачи. Почти все они были евреями, так что статья дала старт самой абсурдной кампании в новейшей истории Советского Союза. Иосиф Сталин лично участвовал в ее подготовке. Говорят, он был автором таких перлов, как «подлые шпионы и убийцы под маской профессорско-врачей». 14 января 1953 года Московское радио яростно нападало на врачей, которые входили в «еврейско-сионистскую организацию»⁶.

Неделю спустя Московское радио обвинило финских социал-демократов в сотрудничестве с американской разведкой: они якобы следят за членами партии «Демократический союз финского народа», среди которых много коммунистов, а также покупают землю «близко к советской границе и тесно сотрудничают с бывшими финскими военными офицерами». (Как раз тогда на проходившем в Финляндии закрытом процессе предстали перед судом финские агенты, завербованные норвежской разведкой.) Тон был грубым, резким, хотя тут же говорилось о том, что отношения между норвежцами и советскими людьми – самые хорошие⁷.

Как в норвежском МИДе, так и в управлении разведки отчеты о содержании программ Московского радио изучались, что называется, с лупой в руках. В конце 1952 года радиосвязь был очень плохой, и в течение нескольких месяцев студентам, занимающим по вечерам кабинет на площади Сулплассен, трудно было даже разобрать речь дикторов. Но зато на основании трех следующих месяцев вещания штаб разведки сделал детальный анализ норвежских передач Московского радио.

«Анализ призван прежде всего определить многочисленные цели различных конфликтов интересов, упоминаемых в части пропаганды, которая касается северных стран Европы». За этими витиеватыми формулировками лежала какая-то непоколебимая уверенность в том, что, анализируя «относительно большое количество материала определенного вида» – политические и экономические отношения, военную ситуацию и т. д. – можно дать оценку перемене курса в пропаганде или смене цели. «Можно ли сказать что-то конкретное о целях отправителя сообщений и т. д. в отношении северных стран и из этого заключить, каковы его дальнейшие действия?»⁸

Зимой 1953 года за аналитическую работу взялись с большим энтузиазмом, хотя штаб разведки признавал, что «теория о методах работы в этой области пока что мало развита, поэтому мы должны разрабатывать теоретическую основу...»⁹

По мнению штаба разведки, все сообщения из Москвы о внутри-политической обстановке в Норвегии привязывались к членству Норвегии в НАТО. Москва делала вывод: членство в НАТО противо-

речит Конституции Норвегии. В передачах опять и опять говорилось о том, что укрепление обороны Норвегии приведет к снижению уровня жизни и увеличению безработицы.

Московское радио подвергало также критике НРК, что нашло отражение в рефератах, записанных в Осло. Сотрудники НРК ведут «пропаганду в одном направлении, настраивая норвежский народ проамерикански», – негодовал московский комментатор, говорящий по-норвежски. Норвежское телеграфное бюро тоже подвергалось критике, потому что оно искажает сообщения Московского радио, тем самым сознательно желая ухудшить отношения между Норвегией и Советским Союзом. Но иногда случались редкие отклонения от генеральной линии критики в отношении примкнувшей к НАТО Норвегии: по радио прозвучала большая программа, посвященная норвежскому сказочнику Петеру Асбьорнсену.

Кроме того, в январских передачах 1953 года было много интервью с норвежцами, приехавшими в Советский Союз, редакция также комментировала письма, пришедшие от слушателей Норвегии. Много говорилось в радиопрограммах о постоянно растущем производстве и о повышении уровня жизни в Советском Союзе. Почти половина эфирного материала была связана с встречами и беседами с норвежцами, и в большинстве случаев они только и делали, что хвалили советскую страну. 15 % материала было посвящено строительству американских военных баз в Норвегии, американской политике диктата и плохому поведению американцев¹⁰.

Это был анализ программ за январь 1953 года, когда Сталин еще был жив, и кампания против врачей-евреев превращалась в охоту на ведьм. Это глубоко потрясло Запад, такие мировые величины, как Уинстон Черчилль, Альберт Эйнштейн заявили протест советскому МИДу.

После смерти Сталина из советской прессы исчезла антисемитская риторика, и аналитики из норвежской разведки заметили, что тон передач норвежской редакции Московского радио стал другим. Членов норвежского правительства теперь уже не называли «американскими лакеями», хотя аргументация и формулировки о западной политике норвежского правительства были по-прежнему жесткими. Традиционный раздел борьбы за мир, похоже, перестал существовать, а тема мира переехала в другие программы. «Передачи стали принимать более реалистичный характер», – заключили в штабе разведки, проанализировав апрельское вещание из Москвы.

Самое главное заключалось в том, что из передач, которые звучали спустя всего месяц после смерти Сталина, становилось понятно: идут изменения. Была ли смена тона в отношении Норвегии резуль-

татом осторожной смены курса, ухода от конфронтации в политике, которой был окрашен последний год Сталина у власти? Благодаря анализу передач Московского радио можно было уловить незаметные сигналы, которые говорили о новых тенденциях. Московское радио с 14 апреля перешло на другой диапазон волн для вещания на норвежском языке в дополнение к тем, что использовались раньше. Это значительно улучшило прием передач, что сразу было замечено норвежской службой прослушивания. Но объем вещания особых изменений не претерпел: по-прежнему Московское радио вещало 45 часов в неделю¹¹.

Мартин Гуннар Кнутсен и редакция Московского радио были также далеки от сталинской властной элиты, как и остальные советские люди. И все-таки через свое начальство в Доме радио они чувствовали те изменения, которые происходили на самом верху в маленькой группе стареющих людей, управлявших советской империей. Многие тогда думали, что ветеран партии и самый близкий Сталину человек Георгий Маленков станет первым лицом в Советском Союзе.

«Жаль, что выражение его лица играет против него», – сказал кто-то из шведской редакции Московского радио, когда увидел дряблое, с кислым выражением лицо Маленкова на фотографии. Кто-то тут же иронично заметил: «Странно, оно – против него, а он его постоянно носит с собой!» Что могли тогда сделать сотрудники Московского радио? Им ничего не оставалось, как ждать указаний сверху. Никакой возможности заниматься критической журналистикой, какой мы знаем ее сегодня, у них не было. Все сообщения сверху об изменениях в руководстве страны и политике члены редакции должны были воспринимать как своевременные и правильные.

Уже потом Мартин Гуннар Кнутсен признавался, что знал о страшных вещах, о людях в высшем партийном руководстве, имена которых нельзя было произносить вслух. Поговаривали о том, что могущественный шеф тайной полиции Лаврентий Берия похищает женщин. Ночью их увозили в принадлежащих ему черных автомобилях. Кнутсен также слышал, что Берия после смерти Сталина стягивал к Москве войска, чтобы обеспечить себе контроль над рычагами власти¹².

В 1953 году сотрудников Московского радио больше волновали практические последствия смерти Сталина. В начале лета объявили первую амнистию: гулаговские лагеря стали покидать заключенные, в том числе и уголовники. За короткое время жизнь в стране стала небезопасной. Журналист шведской редакции, ветеран Сикстен фон Егерфельт сам столкнулся с этим. Во время остановки поезда у него

через открытое окно с помощью длинной палки вытащили из купе чемодан.

Мартин Гуннар Кнутсен тоже почувствовал, что на улицах стало опаснее. Лишь благодаря молниеносной реакции ему удалось спастись от бандита, который встал на его пути, когда он возвращался домой на Новопесчаную улицу. И Кнутсена не очень волновал тот факт, что большинство людей, вышедших на свободу, являлись не уголовниками, а политическими заключенными; среди них были люди, сидевшие с конца 1930-х годов. Это несколько странно, ведь он близко познакомился с отсидевшим четыре года в Казахстане Георгом Лаурсеном (Мольтке), когда тот вернулся на Московское радио. Лаурсен мог рассказать о существовании целой системы лагерей, где находятся в том числе и политические заключенные. Признать, что территория Советского Союза покрыта лагерями, где сидят политические заключенные, было в 1953 году равнозначно тому, что поставить вопрос о политической системе страны. Мартин Гуннар Кнутсен этого не сделал. Тогда.

Все изменил арест Лаврентия Берия во время заседания Президиума ЦК КПСС 26 июня 1953 года. Группа офицеров во главе с героем войны маршалом Жуковым арестовала могущественного шефа МВД так быстро, что ни один из его сторонников не успел ничего сделать. Главным «разработчиком заговора» против Берии был Никита Хрущёв, который в последующие годы стал советским политическим лидером¹³.

Смещение Берии произошло так, что никто об этом не узнал. Только спустя две недели Московское радио вышло с коротким сообщением о том, что бывший заместитель председателя Совета министров, глава МВД смещен со своих постов за государственные преступления¹⁴.

Теперь вину за все плохое в Советском Союзе валили на Берию. И Мартину Гуннару Кнутсену стало легко объяснять, почему так много верных коммунистов исчезло в жерновах террора в 1930-е и 1940-е годы.

Потом в этой картине появились нюансы. Оказывается, именно Берия был среди тех, кто выступал за освобождение врачей, которых арестовали во время кампании против «еврейских сионистов» в начале 1953 года. И все абсурдные обвинения были с них сняты. Берия проявил себя и в других сферах, дав перспективный анализ того, что необходимо сделать, чтобы советская экономика встала на ноги. Он считал также, что надо нормализовать отношения с Западом. Звеном этой нормализации он видел объединение Германии и прекращение существования (при поддержке Москвы) ГДР.

Но для всех преданных делу коммунизма людей арест Берии и затем его казнь в декабре 1953 года были доказательством того, что советская система работает. Она в состоянии разобраться со своими ошибками. И хотя новые данные представляют Лаврентия Берия уже не таким демоном и садистом, как раньше, но обвинение в том, что он использовал служебное положение для удовлетворения своего сексуального аппетита, вряд ли удастся когда-нибудь снять¹⁵.

СКОРОСТНЫЕ ЛИФТЫ И МЕТАНИЕ МОЛОТА

4 апреля 1953 года Московское радио сообщило, что все арестованные по так называемому делу врачей выпущены на свободу. Все обвинения были сфабрикованы с помощью неприемлемых методов следствия, несовместимых с советскими законами. Это было что-то новое: по сути дела, это было признание, что в Советском Союзе незаконными методами людей принуждали к самооговору.

Но для Мартина Гуннара Кнутсена и других сотрудников норвежской редакции это значило, что они живут в обществе, способном посмотреть на себя критически, хотя Кнутсен периодически возмущался советским культам героев, которых ему приходилось то и дело возвеличивать в передачах, рассчитанных на норвежцев.

Новая тенденция, появившаяся чуть ли не сразу после смерти Сталина, была заметна всю весну и лето 1953 года. Хотя Московское радио не перестало, как отмечала норвежская служба прослушивания, «очернять все действия и цели американцев», самые резкие выражения из лексикона передач были изъяты. Также норвежская служба разведки заметила, что прекратились попытки «настроить широкие слои норвежцев против норвежского правительства»¹.

Теперь главной задачей редакции Московского радио было развеять мифы о Советском Союзе. Совершенно-де напрасно жители Норвегии думают, что за каждым иностранцем, как только он ступит на советскую землю, тут же устанавливаются слежка и неусыпный контроль.

Чтобы изменить сложившееся представление, важно было как можно чаще передавать интервью с участниками делегаций, посещавшими Советский Союз. Рассказать, как обстоят дела в стране социализма, также помогали программы «Ответы на письма читателей».

Однако Москва продолжала резко критиковать за антисоветские настроения норвежскую прессу. Например, газету «Арбейдербладет» обвинили в том, что она не знает действительного положения вещей, когда пишет, что многим делегациям не показывают того, что они желали бы видеть. Московское радио постоянно нападало на комментатора газеты Йона Саннеса, который впоследствии стал директором

Норвежского института внешней политики. Его называли поджигателем войны, который смотрит на все, что происходит в Советском Союзе, очень негативно. Его «писанину» о советском бюджете Москва раскритиковала в пух и прах².

Поскольку осенью 1953 года в Норвегии должны были состояться парламентские выборы, Московское радио стало уделять много внимания этой теме. Советская пропаганда не забывала подчеркнуть, что все партии, идущие на выборы, должны были заявить «под давлением избирателей» об отказе в размещении иностранных войск на норвежской земле.

Дебаты о размещении иностранных военных баз на территории Норвегии или любой шаг по выхолащиванию этой идеи были темами почти каждой передачи Московского радио в тот период. Благодаря снижению избирательного порога Норвежская коммунистическая партия опять прошла в Стортинг, хотя в процентном отношении партия сдала свои позиции по сравнению с 1949 годом. Бывший сотрудник Народной радиостанции «Свободная Норвегия» Готфред Хёльволл оказался в Стортинге среди 150 других парламентариев, в том числе вместе с Йоханом Страндом Йохансенем и Эмилем Лёвлиеном: оба когда-то были слушателями Ленинской школы в Москве.

Хотя НКП по-прежнему не занимала центральных позиций в политической жизни Норвегии, Московское радио сообщило, что теперь политическое развитие страны идет в верном направлении. А успех Рабочей партии (у нее была рекордная поддержка населения – 47,6 %) объяснялся тем, что партия «красиво пообещала всеобщую занятость и повышение благосостояния»³.

Смерть Сталина привела к заметному увеличению норвежских делегаций, посещающих Советский Союз. Не успевали норвежцы пересечь границу, как их встречали энергичные представители Московского радио, которые просили прокомментировать положение дел в стране Советов. Советское посольство и Общество дружбы Норвегия – Советский Союз, где все большее влияние получали члены НКП, старались отправлять в Советский Союз больше позитивно настроенных к Советам людей. Тем самым они облегчали задачу репортеров Московского радио, охотившихся за радужно-прекрасными историями. К концу 1950-х годов положение начало меняться, советские власти были готовы видеть среди гостей представителей других политических взглядов, но вряд ли в передачах Московского радио мы найдем критические отклики норвежских гостей, приехавших в Советский Союз⁴.

«Кажется, что Москва и Ленинград соревнуются: кто кого пре-
взойдет в красоте» – это слова из выступления по Московскому
радио Георга Рённестада из Олесунда и Рольфа Антониуссена из
Порсгрунна 28 сентября 1954 года. Они также добавили, что эта
конкуренция построена «на дружбе и взаимопомощи», а ее целью
является «удовлетворение народных потребностей». В той же самой
передаче сообщалось, что пастор Карл Петтерсен из Вардё посетил
собрание ленинградских баптистов, которые праздновали День бла-
годарения. Пастор активно следил за жизнью в Советском Союзе. За
несколько лет до этого его заинтересовала судьба норвежских эми-
грантов, перебравшихся из Финнмарка на Кольский полуостров в
конце 1800-х годов⁵.

На Московском радио стал часто появляться другой норвежский
священник – Рагнар Форбек. Он был капелланом Домского собора
в Осло, выступал за диалог через «железный занавес», часто бывал
с визитами в Советском Союзе. В конце августа 1953 года он совер-
шил довольно длительную поездку по стране и встретился в Москве
с главой русской православной церкви митрополитом Николаем. На
Московском радио Форбек сделал большой доклад о положении ре-
лигии в Советском Союзе. Приехав домой, он рассказывал, что рус-
ские смеялись на его словами о страхе, который испытывают многие
люди на Западе по отношению к русским, боясь нападения с их сто-
роны. В 1955 году он даже получил Сталинскую премию «За укреп-
ление мира между народами», что вызвало осуждение в Норвегии со
стороны многих как внутри церкви, так и вне ее. Полученные деньги
Форбек использовал в том числе и на то, чтобы нанять себе секретаря –
Берге Фурре, который впоследствии возглавил партию левых
социалистов⁶.

Когда участники делегаций давали интервью Московскому ра-
дио, все они выступали только с положительными оценками жизни
в Советском Союзе. Этого следовало ожидать, и выглядели такие
отзывы как опровержение однозначно негативного освещения жиз-
ни в советской стране норвежской прессой. Но иногда дело доходи-
ло до смешного. Когда славистка Сири Свердруп Лунден в составе
делегации побывала на обувной фабрике «Пролетарская победа» в
Ленинграде, она в интервью призналась, что если бы ей пришлось
менять профессию, то она бы переехала в Советский Союз и начала
бы работать на обувной фабрике.

В этой же передаче прозвучало сообщение югославского агентства
новостей «Танюг» о том, что между Румынией и Югославией вос-
становлено железнодорожное сообщение. Смерть Сталина открыла
дорогу к медленному потеплению отношений между Белградом и

Москвой, что не осталось без внимания «преданных» Московскому радио слушателей в норвежском МИДе⁷.

В передаче от 7 августа 1953 года Эрнст Сверд из Тронхейма делился с репортерами Московского радио своими впечатлениями, которые касались происходящих изменений в Советском Союзе: его отзыв был самым восторженным. Сверд рассказал, что в Москве разработали передовую технологию перемещения зданий: один жилой дом, например, пока его жители мирно спали, передвинули на 75 метров! Он также посетил комплекс зданий Московского университета на Ленинских горах. Увиденное произвело на него сильное впечатление: там собирались построить скоростные лифты,двигающиеся со скоростью 3,5 м/сек. Сверд, вероятно, не знал, что советские лифты уже тогда стали «притчей во языцех» по причине своей ненадежности⁸.

В августе 1955 года делегация парламентского Комитета по сельскому хозяйству отправилась в поездку по Советскому Союзу; в ней принял участие и Готфред Хёльволл – бывший сотрудник Московского радио, и 4 августа ему предоставили возможность подробно рассказать о своих впечатлениях от поездки. «То, что мы видели, не часто увидишь в повседневной жизни», – сказал Хёльволл, которого восхитили рекордные сроки, в которые страна встала на ноги после Второй мировой войны. Он надеялся, что другие норвежцы также смогут посетить Советский Союз, чтобы «увидеть и поучиться». Готфред Хёльволл признался, что прожил в Советском Союзе 8 лет, но умолчал о том, что сам работал во время войны на Московском радио⁹.

Еще до Второй мировой войны Анна Далланд призывала норвежцев писать на радио, а к концу 1950-х годов еженедельная программа «Наш почтовый ящик» стала одной из самых популярных. В среду 15 декабря 1954 года слушатель из Нарвика интересовался, могут ли моряки иностранных судов, заходящих в советские порты, свободно выходить в город.

Ведущий программы ответил, что, конечно, могут: «Моряков гостеприимно приглашают сойти на берег, осмотреть город. Для них также устраиваются экскурсии». При этом он есылался на пример Ленинграда, где многое делается для приема иностранных моряков. Международный клуб моряков располагал даже телевизорами, рядом с каждым телевизором находился переводчик, чтобы переводить, если потребуется, передачи. Там же была возможность потанцевать, посмотреть кино или записаться на экскурсию по городу. Ведущий программы также упомянул случай с капитаном Арнфинсеном. Судно «Сулфонн» стояло в Ленинграде, когда капитан неожиданно заболел.

Медицинскую помощь ему оказали в городской больнице для моряков и, конечно, совершенно бесплатно. А про другого норвежского моряка – капитана парохода «Тунгнес» по фамилии Андерсен – рассказали, что он в беседе с официальными советскими властями заявил: «Ленинград подтверждает свою славу гостеприимного города».

Сотрудники редакции Московского радио не могли не заметить, что норвежские слушатели любят передачи о спорте. В один из декабрьских вечеров по радио зачитали письмо от слушателя Эрлинга К. из Тронхейма, который спрашивал, кому принадлежит мировой рекорд в метании молота. Московское радио с гордостью доложило, что два советских спортсмена – Михаил Кривоносов и Станислав Ненашев – за прошедшие два месяца дважды побили прошлогодний рекорд норвежца Сверре Страндлиса, и теперь рекордом является расстояние в 64,05 м¹⁰.

Ни Герда Странд Йохансен, ни Май Весенберг или Мартин Гуннар Кнутсен особо не интересовались спортом, но хорошо понимали, что спортивный материал хорошо идет в родной Норвегии.

Кнутсен дебютировал как спортивный журналист, освещая ход соревнований по конькобежному спорту между советскими и норвежскими конькобежцами, которые проходили на стадионе «Динамо» в конце 1953 года. Он подготовил интервью с легендарным спортсменом Ялмаром Андерсеном по прозвищу Яллис, которое передал в эфире вскоре после заключительного забега на 10 тыс. м. Интервью было записано на переносной магнитофон с механическим приводом, который пришлось крутить во время записи технику Виталию Кобышу. Позднее Кобыш станет одним из руководителей скандинавской редакции радио в Москве.

«Яллис говорил, не останавливаясь почти 30 минут... и все это время Кобыш крутил ручку звукозаписывающего устройства в поте лица своего», – рассказывал Мартин Гуннар Кнутсен 30 лет спустя, вспоминая о самых светлых моментах работы на Московском радио. Яллис, пропустив соревнования сезона 1952–1953 годов, вернулся на лед и выиграл обе длинные дистанции.

Соревнования были успешными и для советских конькобежцев. Борис Шилков и особенно Борис Гончаренко обеспечивали работников Московского радио хорошим материалом еще много лет подряд¹¹.

Письма от слушателей и спортивные программы помогли Московскому радио в тот период завладеть вниманием норвежцев, причем и тех, кто не принадлежал к узкому кругу «верных коммунистов». В английской редакции Московского радио в то время работал

Джо Адамов*, который отвечал за программу «Московский почтовый ящик». Программа имела даже собственный девиз в стихах:

Пишите письма нам
зимой и летом.
Ваш верный Джо
уже спешит с ответом¹².

Но норвежскую разведку, конечно, интересовал не спорт, а совсем другие темы. В июне 1954 года норвежская редакция в Москве цитировала сообщение газеты «Правда» – органа Коммунистической партии: из Норвегии в Советский Союз с помощью норвежских пограничников были заброшены два шпиона, которых поймали, судили, и теперь они отбывают наказание.

Это была сенсация. В первый раз была приоткрыта завеса над тайной войной, идущей в северном пограничье. Детали задержания Юрия Храмцова и Владимира Галая (двух бывших советских солдат) описывались в передаче настолько подробно, что норвежским властям было нелегко «открещиваться» от этого инцидента, хотя, конечно, норвежская полиция и МИД Норвегии официально заявили, что ничего об этом деле не знают¹³.

Также серьезное внимание привлекло сообщение Московского радио в четвертом вечернем выпуске 26 марта 1954 года, где рассказывалось о значении норвежских аэродромов для натовской стратегии в Европе. Это вызвало беспокойство в Норвегии, потому что был затронут самый чувствительный вопрос норвежской внешней политики. В Москве следили с большим вниманием за малейшими изменениями в ней. Комментатор Московского радио ссылался на статью в американском журнале “Post Dispatch”, где речь шла о том, что аэродромы в Будё, Бардюфоссе и на острове Андойа предоставляют большие возможности для использования истребителей и бомбардировщиков, возвращающихся из советского воздушного пространства. Такие вещи становились мощным оружием пропаганды для Московского радио: «Журнал адресован американцам, поэтому “выдает” вещи, о которых норвежские политики предпочитают помалкивать, в частности о том, что норвежские аэродромы в Северной Норвегии являются норвежскими только по названию... Эти аэродромы нужны не для обороны, а для агрессивных целей».

---

* Иосиф Амаякович Адамов (1920–2005) – советский журналист, переводчик, диктор Московского радио, а затем «Голоса России», который проработал на радио более 60 лет. Он был также переводчиком во время судебного процесса над Фрэнсисом Гэри Пауэрсом.

Это резкое заявление Московского радио обсуждалось на заседании Координационного совета 5 апреля 1954 года, после чего был сделан вывод: американский журналист, побывавший в Норвегии, получил сведения, которые ему знать не полагалось¹⁴.

Спустя три года после учреждения норвежским МИДом и норвежской разведкой «службы прослушивания» оказалось, что она помогает выяснять, насколько советская сторона информированна и как она оценивает норвежскую политику безопасности. Но от одного «интересного» сообщения до другого проходили порой месяцы. За неделю до комментария об аэродромах Координационный совет обсуждал, стоит ли продолжать такое «дорогое удовольствие», как прослушивание, и постановил, что рефераты следует делать проще, чтобы сократить затраты рабочего времени на их изготовление по сравнению с прежним уровнем.

«Внимание следует в большей степени направлять на объективную и качественную оценку политического материала в передачах», – отметил секретарь совета Андреас Андерсен в протоколе заседания. Проблема была лишь в том, что не существовало никакого другого способа, как слушать все передачи и записывать их содержание. Часто наиболее интересный материал шел тогда, когда его меньше всего ожидали. Почти никогда передачи не начинались с самого интересного. Какой-нибудь любопытный материал мог выйти только раз, а потом его убрали из эфира по неизвестной причине.

Поэтому, чтобы записать все, требовались люди, которые могли бы дежурить каждый вечер в течение всего года. И хотя польза этой работы постоянно была вопросом дискуссионным, но прослушивание все-таки продолжалось в том же объеме еще на протяжении десяти лет¹⁵.

Служба прослушивания радиопередач была организована прежде всего для того, чтобы выяснить, нет ли «утечки информации» из самих вооруженных сил, а также для того, чтобы уметь интерпретировать высказывания советских политиков. Первые три года активного прослушивания не дали ответа на первый вопрос, зато дали возможность покончить со всеми слухами вокруг того, что «передавало» или «не передавало» Московское радио. Поэтому никаких специальных мер противодействия передачам не предпринималось, как отмечал советник МИД Уле Олгор в служебной записке в ноябре 1951 года¹⁶.

Весной 1953 года норвежская разведка получила 15 рапортов о том, что Московское радио в своих передачах якобы рассказывает о различных военных учениях на территории Норвегии. Благодаря рефератам службы прослушивания Вильгельм Эванг смог успокоить Координационный совет, заявив, что это не соответствует действи-

тельности. Координационный совет считал, что здесь имеют место слухи, специально распускаемые отдельными людьми, чтобы достичь «определенных психологических целей», особенно в Северной Норвегии¹⁷.

Для студентов, которым доверили каждый вечер слушать Московское радио, основная сложность работы заключалась в низком качестве радиоприема: иногда было трудно разобрать слова дикторов. В октябре 1952 года Московское радио вещало на волне 41 м, и Хенри Вален боялся, что они вообще ничего не расслышат. Он считал также, что условия работы в мидовских помещениях на площади Сулплассен были сложными, что радиоаппаратура, которую им предоставили, была не самой лучшей¹⁸.

Нурманн Ветти начал выполнять эту работу в 1952 году, он также обратил внимание на низкое качество приема. Поэтому один раз ему даже разрешили вести прослушивание передачи в кабинете самого министра иностранных дел Халварда Ланге, у которого был радиоприемник. Случалось, что охрана в МИДе задавалась вопросом, а безопасно ли позволять юным студентам слоняться по коридорам министерства поздними вечерами, но службу прослушивания все-таки оставили в помещениях этого ведомства на площади Сулплассен. Охрана иногда отмечала, что, например, «студент Якобсен задержался на более длительный срок, чем должен, в кабинете № 532». Кнут Дал Якобсен объяснил охране, что должен был работать дольше обычного, потому что записывал программу о Бьорнстjerne Бьорнсоне¹⁹.

Передачи из Москвы, которые касались политики, записывались полностью, без пропусков на магнитную пленку с помощью американского оборудования. Работа была напряженной, но «верные слушатели» Москвы долго не получали ни кроны прибавки к зарплате, и только в 1956 году часовая плата выросла с 7 до 9 крон, но это было связано с тем, что Москва передвинула вещание на более позднее время.

Руководству радио в Москве, видимо, не пришло в голову, что они создают неудобства для своих самых верных слушателей в норвежском МИДе. Часто их работа из-за написания отчетов продолжалась далеко за полночь, когда уже уходил последний трамвай или автобус, поэтому «слушателям» приходилось просить оплатить им счета за такси, чтобы не плестись пешком в студенческое общежитие в Согне среди ночи²⁰.

Г. Т. ИЗ ДРАММЕНА И Х. П. ИЗ ТРОНХЕЙМА

1 ноября 1954 года заместитель министра иностранных дел Андрей Громыко выступил с докладом в ЦК КПСС об отношениях между СССР и Норвегией. Как форма, так и содержание сообщения были необычными, хотя руководству компартии уже приходилось затрагивать эту тему при обсуждении ситуации в мире. Мистер «Нет», как Громыко называли на Западе, глубоко и детально проанализировал советско-норвежские отношения и высказал ряд предложений по их улучшению, хотя страна-соседка являлась членом НАТО¹.

Прошел год, и премьер-министр Норвегии Эйнар Герхардсен уже спускался по трапу самолета во Внуково. Десятилетний лед холодных отношений был разбит.

Осторожное начало потепления отношений между Норвегией и СССР, как уже говорилось, отразилось на тоне передач Московского радио сразу после смерти Сталина весной 1953 года. Самые резкие выражения из лексикона дикторов исчезли. Тогда же стало увеличиваться количество контактов: пошли обмены делегациями. Все это показывало, что с обеих сторон появилось желание вести диалог.

В конце октября 1954 года в Осло и Киркенесе отмечали 10-летний юбилей освобождения Восточного Финнмарка советскими войсками. Московское радио особо подчеркивало, что на приеме в посольстве СССР в Осло присутствовал норвежский крон-принц Улав. Хотя отношения тогда слегка омрачились из-за двух шпионских скандалов (одного – в Осло, другого – в Киркенесе), советские власти считали, что пришло время нормализовать отношения.

На Московском радио тогда менялся персонал. Мартин Гуннар Кнутсен и Эдит Халвари уезжали домой в Норвегию. После отпуска на Черном море эта пара в конце 1954 года вернулась на родину. Герда Странд Йохансен решила пока остаться поработать. Что же касается Май Весенберг и ее близкого друга Карла, то они уже практически стали своими в советской столице. Но в редакции была потребность в новом дикторе-норвежце для чтения новостей по радио.

Контакты Эйвинда Свендсена с коммунистами начались тогда, когда они вместе действовали в рядах движения Сопротивления во

время войны, как это получилось у Май Весенберг и многих других норвежцев. Свендсен родился в Тёнсберге, там же он одно время работал в лесной промышленности, а затем в социальной службе. В 1954 году он собирался ехать работать на Шпицберген (Свальбард): его брали на должность ассистента по социальным вопросам в Норвежскую шпицбергенскую угольную компанию. Бывшие работодатели аттестовали его положительно, поэтому Социальный совет на Шпицбергене рад был получить квалифицированного специалиста, готового ехать работать в ледяную пустыню на севере.

Но тут всполошился Асбьорн Брюн и служба безопасности. С одной стороны, у Эйвинда Свендсена была хорошая репутация: он являлся вице-президентом в отделении Молодежного общества трезвости, но с другой стороны – он был одним из руководителей коммунистической ячейки Тёнсберга; в 1949 году его имя под номером 2 было в списке баллотирующихся в парламент кандидатов от НКП. «Да разве такого человека можно брать на работу на Шпицбергене – в стратегически важном районе!», – возмущался могущественный шеф безопасности².

И все «переиграли» в рекордные сроки. Спустя две недели после сообщения о том, что он принят на работу на Шпицбергене, Эйвинд Свендсен узнал, что это место он все-таки не получит. На заседании Координационного совета 20 сентября 1954 года начальник разведки Вильгельм Эванг уведомил присутствующих о том, что решение предоставить работу Свендсену отменено. В этом вопросе руководство госбезопасности и разведки были единодушны: иметь коммуниста на Свальбарде на ключевой должности ассистента по социальным вопросам нежелательно для безопасности страны. По другим вопросам в тот период между службами было мало согласия – они соперничали друг с другом, а в личных отношениях руководителей двух секретных служб иногда сквозила даже ненависть³.

Своенравный Свендсен был ужасно разозлен и имел для этого все основания. Хотя в послевоенной Норвегии было много случаев запретов на профессию, подобное обращение, да еще и в открытую, являлось редкостью. Ведь его уже взяли на работу и вдруг – отказали! Коммунисты из местной организации в Вестфольде советовали ему протестовать, но каким другим образом он мог рассказать миру об этой несправедливости?

И где найти работу? За несколько лет до этого Свендсен женился на Эрне Фоссум, у них росла дочка – пятилетняя Кристи. Запрет на профессию возмутил норвежских коммунистов и вызвал их сочувствие. Может, отправить Свендсена на работу в Москву? Ведь Мартин Гуннар Кнутсен и Эдит Халвари возвращаются на родину.

Эйвинду и Эрне такой поворот судьбы был очень кстати, и они без долгих раздумий согласились, хотя толком не знали, что их ожидает.

До этого для работы на Московском радио из Норвегии приезжали одиночки или пары без детей. Теперь же в советскую столицу должна была приехать семья с ребенком. К тому же Эрна весной 1955 года поняла, что снова беременна, но жребий был брошен: в начале июня они сели на поезд, идущий на восток.

Появление новых сотрудников на Московском радио не прошло мимо внимания норвежской службы безопасности, ведь они наблюдали за деятельностью Эйвинда с 1946 года. Не прошло и пары недель после приезда Свендсена с семьей в Москву, как Координационный совет уже узнал об этом. Не дающий покоя секретным службам коммунист уехал из Норвегии, чтобы оказаться на советской службе. Ну что ж, значит, решение отказать ему в должности на Свальбарде было правильным, посчитали сотрудники безопасности⁴.

Семья Свендсенов жила первое время в гостинице «Украина». Этот построенный недавно небоскреб у Москвы-реки повторял стиль здания университета на Ленинских горах и пяти других высоток советской столицы. Эти дома, которые многие знают как «зубы Сталина», до сих пор придают Москве определенное своеобразие.

Вскоре Свендсены получили квартиру на Новопесчаной улице, в том же районе, где проживали многие иностранные сотрудники Московского радио. Двухкомнатную квартиру с кухней в доме с лифтом кому попало не предоставляли. Эйвинд и Эрна уже поняли, что оказались среди привилегированных. Этот район Москвы был очень привлекательным, здесь располагалось много красивых парков с фонтанами, а метро (станция «Сокол») обеспечивало хорошее сообщение с центром. Всего пять остановок – и Эйвинд Свендсен был уже на Пушкинской площади, в нескольких шагах от редакции радио.

Однажды, когда они уже прожили какое-то время на Новопесчаной, в дверь к ним позвонили, на пороге стояла молодая женщина, которая представилась Надей. Они с трудом поняли ее, поскольку русский язык Эйвинд и Эрна только начали изучать, но все-таки они уяснили, что женщина предлагает себя в качестве помощницы по дому. А это им могло скоро понадобиться.

17 сентября 1955 года в Институте акушерства и гинекологии Министерства здравоохранения СССР Эрна родила мальчика. И как хорошо, что у них есть Надя! За три года, что Эйвинд и Эрна провели в Москве, она стала почти членом их семьи и очень привязалась к маленькому Эрику. Сама же Надя делила квартиру с пятнадцатью другими жильцами, что было типично для приезжих, стекавшихся в поисках работы в стремительно растущий мегаполис. Многим приходилось жить в одной комнате с чужими людьми, делить кухню и туа-

лет с другими семьями. Такое жилье называлось «коммуналка», то есть коммунальная квартира. До революции 1917 года владельцами больших апартаментов были богатые люди, а потом эти помещения разделили между бедными семьями в порядке временного решения жилищной проблемы. Но коммуналки оказались очень живучи, избавиться от них до конца не удалось до сего дня, особенно в крупных городах.

Эрна как-то побывала в коммуналке, где жила Надя. Она была поражена, увидев, что вместо кроватей обитатели квартиры используют матрасы с уже застеленным бельем, которые днем укладываются в штабель. А на ночь, когда жильцы собирались ложиться спать, этот штабель разбирается владельцами. После Второй мировой войны недостаток жилья был острой проблемой во всех советских городах. Эрна и Эйвинд понимали, что для ее решения требуется время, но даже не догадывались об остроте ситуации, пока, приехав в Москву, не увидели все своими глазами⁵.

Для Эйвинда Свендсена работа на Московском радио была новым стартом в жизни, особенно принимая внимание историю с получением работы на Свальбарде. Он начал трудиться в редакции с большим энтузиазмом, несмотря на незнание русского языка, которое ему очень мешало. Он мог пользоваться только материалом, уже переведенным на скандинавские языки, а также на немецкий или английский. Свендсен в первую очередь должен был выполнять функции диктора, то есть читать новости в эфире. Однако его стали отправлять и на «полевые задания», снабдив звукозаписывающей аппаратурой, которая была довольно примитивной.

Через несколько месяцев после приезда в Москву Эйвинда Свендсена и его семьи с визитом в СССР прибыл премьер-министр Норвегии Эйнар Герхардсен. Это событие имело мировой резонанс. Норвежский государственный деятель был первым среди лидеров Запада, посетившим Советский Союз после Второй мировой войны. Идею о возможности визита первой высказала жена Герхардсена Верна, которая годом ранее побывала в Москве в составе делегации. Норвежский премьер-министр, тщательно взвесив все за и против, в конце концов ответил согласием на приглашение приехать в Советский Союз в конце осени 1955 года.

Для Московского радио это было большое событие. Эйвинд Свендсен сделал интервью как с самим премьер-министром, так и с членами делегации, Ксения Александрова сопровождала Верну Герхардсен в качестве переводчика. Московское радио широко освещало этот визит, и Эйвинд Свендсен, ставший год назад жертвой антикоммунистической кампании, начало которой положила знаменитая речь Герхардсена на острове Крокерёй в 1948 году, теперь ока-

зался как репортер радио допущенным к гостям «на самом высшем уровне»⁶.

Аналитики норвежской разведки летом 1955 года отметили резкие перемены в содержании программ Московского радио: в июле никто ни разу в открытую не критиковал членство Норвегии и Дании в НАТО. Тон передач стал другим. Теперь вместо формулировки «нагнетание советской угрозы» дикторы стали говорить, что «должна появиться реальная информация». Норвежские аналитики также заметили, что Московское радио впервые говорило о парламентском представителе Финне Му, который был председателем комитета по иностранным делам Стортинга, в позитивном ключе.

Наравне с Йоном Саннесом парламентарий Финн Му был любимым объектом нападок Московского радио как представитель проамериканского крыла Рабочей партии, которое горячо ратовало за членство Норвегии в НАТО. Было ясно, что Московскому радио поставили важную задачу: пытаться «очаровывать» как норвежцев в целом, так и лично премьер-министра Герхардсена. В передачах июля 1955 года особо подчеркивалось, что Герхардсен во время посещения Шпицбергена (Свальбарда) сказал много хорошего об отношениях советских людей и норвежцев. Кроме того, Московское радио сделало репортаж с тремя участниками советской молодежной делегации, посетившей Норвегию. По возвращении домой молодые люди поделились очень благоприятным впечатлением от Норвегии и норвежцев.

Новая тональность передач, разительно отличающаяся от традиционных сетований по поводу больших военных расходов норвежского бюджета, порождающих безработицу и низкий уровень зарплат трудящихся, несомненно, сыграла свою роль, когда Герхардсен и правительство принимали решение о визите в Советский Союз⁷.

Осенью 1955 года Норвегией интересовались все. Когда премьер-министр Эйнар Герхардсен приехал в Советский Союз, все крупные советские газеты, в том числе «Правда» и правительственная газета «Известия», напечатали развернутые статьи об отношениях СССР и Норвегии. Московское радио выпустило в эфир радиопостановку о жизни Грига, а также передавало отрывки из доклада, посвященного полярным исследованиям Нансена. Отмечалось, что в Советском Союзе растет интерес к норвежской литературе, что на русский язык переведена книга Сольвейг Хауган «Из праха ты вышел»*. Тот факт,

---

* Сольвейг Хауган (1901–1953) – норвежская актриса; во время войны она, коммунистка, попала в лагерь Равенсбрюк, но выжила. Книга «Из праха ты вышел» оказалась ее единственным литературным произведением.

что писательницу почти никто не знал в Норвегии, не имел никакого значения. Зато политические воззрения Сольвейг Хауган были «правильными», что было решающим в вопросе издания книги на русском языке. Тогда же в Москве открылась норвежская театральная выставка. Любившие культуру журналисты Московского радио, почувствовав себя немного свободнее, начали привлекать к сотрудничеству на радио все больше писателей, переводчиков, театральных деятелей, для которых эта работа стала отдушиной в атмосфере строго контролируемого и цензурованного советского общества⁸.

Как и остальным иностранцам, приехавшим работать на Московское радио, Эйвинду и Эрне Свендсенам предложили посещать два раза в неделю уроки русского языка. Оба очень хотели учить русский и понимали, что язык им нужен для работы. У Эрны язык пошел особенно хорошо. Тогда же Московское радио стало передавать курс русского языка по радио для слушателей всех скандинавских стран, который был разработан на основе курса для шведов; подобный курс транслировался и для финских радиослушателей.

Сотрудники Московского радио хорошо знали, что норвежцы интересуются выступлениями по радио выдающихся советских музыкантов. Поэтому делались специальные радиоконцерты, рассчитанные на скандинавских слушателей. А каждый субботний вечер в четверть одиннадцатого можно было послушать «неполитическую» программу и танцевальную музыку. Никто уже не мог назвать Московское радио каналом чистой пропаганды!⁹

В передачах Московского радио появились также викторины для слушателей. 12 января 1955 года ведущий программы объявил, что со всеми вопросами музыкальной викторины справился Г. Т. из Драммена, и за это он получит долгоиграющую пластинку. На втором месте оказался Х. П. из Тронхейма, который сделал только одну ошибку: он думал, что «Танец с саблями» написал Чайковский, а не Хачатурян. В той же программе ведущий выполнил заявку Г. Т., по его просьбе прозвучала песня «Ленинские горы» Ю. Долматовского¹⁰.

В данном случае обоих победителей викторины представили на радио под инициалами. Встает вопрос, а знали ли норвежцы, подписывавшие свои письма на Московское радио полными именами, чем рискуют? Наверное, наивно верили, что это не может им повредить. Может быть, даже гордились, что их имена прозвучали по радио. Ведь тогда возможность услышать свое имя по радио была только у тех, чьи письма читали в воскресной программе НРК «Концерт по заявкам».

Никто не предполагал, что все сказанное на Московском радио тщательно записывается студентами, несущими дежурство в здании

норвежского МИДа, и что рефераты передач попадают, помимо других адресатов, и в норвежскую службу безопасности.

Г. Т. и Х. П. были, возможно, чуть-чуть опытней других, поэтому и попросили называть в передаче только их инициалы. В той же программе с викториной прозвучал вопрос Марен Миккельсен из Крагерё, которая хотела знать, есть ли в Советском Союзе свобода вероисповедания. Обычно ведущий называл радиослушателей полным именем и сообщал название населенного пункта, откуда пришло письмо в редакцию. Ведущие программ Московского радио вряд ли предполагали, что в какой-то степени подвергают своих корреспондентов риску, «выдавая» их имена службе безопасности – ведь все передачи радио прослушивались в Норвегии. Может быть, ведущие программ с целью убрать налет «конспиративности» с передач считали важным показать, что подобное является обычным делом? Ведь использование инициалов и псевдонимов могло только оттолкнуть слушателей¹¹.

Какие же сведения могла почерпнуть норвежская разведка из «Почтового ящика» Московского радио? Об этом известно очень немного. Письмо Харальда Ф. из Трумсё, например, вызвало большой интерес у тех, кто читал рефераты службы прослушивания в МИДе. Харальд Ф. хотел узнать о научно-исследовательской работе, которой занимались в Арктике советские ученые. Вопрос был довольно щепетильный, поскольку холодная война распростерла свои крылья и над северным регионом.

Однако Московское радио обстоятельно ответило на вопрос слушателя из Трумсё, и Харальд Ф. узнал, что две советские экспедиции, Северный полюс – 3 и Северный полюс – 4, дрейфуют в арктических льдах уже девять месяцев. Им поставлена задача: выяснить, какие меры необходимы для улучшения транспортного сообщения по Северному морскому пути вдоль сибирского побережья. Проект был масштабным, в нем участвовали многие ученые, как сообщало Московское радио.

Для норвежских властей, особенно представителей Министерства обороны, это был интересный материал, его даже специально выделили другим шрифтом в тексте реферата, составленного после прослушивания и переданного в МИД. В те же дни Московское радио сообщило, что на острове Квитойа, лежащем к востоку от архипелага Свальбард (Шпицберген) установили советскую радиостанцию. Эту новость также записали, и все факты проверила норвежская разведка¹².

Может быть, Харальд Ф. был подставным лицом, действующим по заданию норвежской разведки? Или эту информацию, чтобы по-

казать советское присутствие в стратегически важном регионе советские власти намеренно «слили» через Московское радио? Во всяком случае, «Почтовый ящик» был самой интересной программой Московского радио как раз в тот период, когда в Москву приехал Эйвинд Свендсен. Редакция могла сама выбирать письма, на которые ей хотелось ответить. Понятно, что сотрудники выбирали темы, в которых можно было показать, как хорошо обстоят дела в Советском Союзе.

Советская страна гордилась не только успехами в строительстве, рекламируемыми по радио как эталон, к которому должен стремиться весь мир. Моряк Гуннар Хансен отправлял в редакцию письма из разных уголков мира. В письме от 16 марта, он, например, спрашивал, как в Советском Союзе обращаются с преступниками. Эта тема, наравне с темой свободы вероисповедания, очень интересовала людей на Западе. Сам Хансен считал, что преступников нужно наказывать, и ведущий программы на Московском радио был с ним в этом полностью согласен, только добавил: «У нас в Советском Союзе самое главное – сделать из него честного человека!» Каждый индивид ценен, из каждого можно и нужно сделать «полноценного члена общества».

Московское радио приводило случаи и примеры из жизни, когда нарушившие закон люди раскаивались в содеянном, менялись и становились хорошими гражданами. Гражданин Павлов дважды был уличен в воровстве и осужден на пять лет. Отсидев в лагере четыре года, он вышел на свободу и смог начать нормальную жизнь, потому что выучился на шофера и порвал со своим криминальным прошлым. Теперь, рассказывало Московское радио, он женился и имеет постоянную работу.

Похоже, что редакция в Москве получила четкое указание от руководства поднять эту тему, чтобы развенчать ходившие на Западе слухи о рабском труде советских заключенных. На страницах реферата, который составили в МИДе на основе этой передачи, есть несколько комментариев: в частности, кто-то приписал фразу «Arbeit macht frei»* рядом с описанием советских «воспитательных» лагерей. Идиллическое описание системы советских тюрем составляет резкий контраст с разгулом преступности, который испытали на себе Мартин Гуннар Кнутсен и Сикстен фон Егерфельт, когда на свободу в 1953 году выпустили многих заключенных¹³.

---

* Саркастическая отсылка к популярному у нацистов лозунгу, в переводе на русский означает: «Труд делает человека свободным».

Некоторые «московские» ответы на вопросы норвежских слушателей приводили в совершенное недоумение норвежцев, работающих на радио. Как правило, такие ответы зачитывали русские сотрудники редакции, говорящие на норвежском языке. Люди, подобные Эйвинду Свендсену, у себя дома в Норвегии могли показывать, какие они негибкие коммунисты, активно и горячо защищая миролюбивый Советский Союз. Но здесь они начинали понимать, что «прямолинейная радиопропаганда» не найдет отклика у жителей Норвегии.

У проработавшего некоторое время на Московском радио Эйвинда Свендсена вскоре произошел серьезный конфликт с руководством по поводу содержания цикла программ, посвященных прибалтийским республикам. Московское радио настойчиво подчеркивало гармонию отношений между народами Советского Союза, а Эйвинд Свендсен, особенно после поездки в Литву, видел, какие все народы разные, видел и противоречия. Он считал, что нужно не скрывать, а подчеркивать национальные особенности, и это рассорило его с русскими сотрудниками редакции¹⁴.

Латвия, Эстония, Литва были независимыми государствами в 1920–1940-х годах, но были принуждены вступить в Советский Союз после Второй мировой войны. Тысячи людей попали в тюрьмы, тысячи были депортированы, но советский режим так никогда и не смог справиться с сопротивлением народов, которые не хотели «глубже» интегрироваться в советское государство.

Эйвинда Свендсена в первый же год его работы журналистом на Московском радио обучали профессии простым и проверенным способом: «бросив в воду» во время визита норвежского премьер-министра. В феврале 1956 года ожидалось еще одно «важное событие»: XX партийный съезд, на который многие возлагали большие надежды. Ведь партия при Сталине пострадала от бюрократии, централизации и культа личности. Эйвинд Свендсен и не предполагал, что это будет событие, которое изменит мир.

Вместе с Эрной они получили приглашение-пропуск для участия в съезде. Среди гостей со всего мира они встретили там и представителей Норвежской коммунистической партии – Эмиля Лёвлиена и Рейдара Т. Ларсена. Первые дни съезд шел по накатанной дорожке. Собравшимся предложили почтить вставанием память всех коммунистических лидеров, которые умерли с момента прошлого съезда в 1952 году. Самые внимательные обратили внимание на то, что имя Иосифа Сталина прозвучало в одном ряду с именем чехословацкого лидера Клемента Готтвальда, то есть его особо никак не выделил.

Для Эйвинда и Эрны этот съезд был прежде всего встречей с большой интернациональной семьей коммунистов всего мира, кото-

рые собрались здесь, чтобы отдать должное самой могучей партии. Для зарубежных участников съезда на английском языке были напечатаны программа съезда и его важнейшие доклады, но ни Эйвинда Свендсена, ни Рейдера Т. Ларсена не пригласили на последнее заседание, которое вдруг экстренно провели в ночь на 25 февраля. Гостям объявили, что это закрытое заседание только для советских делегатов съезда. У организаторов этой встречи были все основания не допускать излишней публичности, потому что там делегатам вручили копию завещания основателя советского государства Владимира Ленина, где он в неллицеприятных выражениях предупреждал о негативных чертах личности Иосифа Сталина.

И это было еще не все. Во время четырехчасового доклада «О культе личности и его последствиях» Хрущёв резко критиковал отдельные черты сталинской политики, упомянув в том числе и о миллионах ни в чем не повинных людей, которые были репрессированы, а многие и расстреляны без справедливого суда.

Эффект был таким, как будто у миллионов коммунистов, не только советских, но и во всем мире, ушла почва из-под ног.

Правда, сначала об этом узнал лишь узкий круг советских коммунистов, которые, открыв рот, слушали речь Хрущёва, пытаясь переварить обрушившуюся на них информацию о злоупотреблениях властью и терроре. Было много таких, которые хотя и знали по собственному опыту об этом, но помалкивали, приспособившись к жизни, где компартия и Сталин были непогрешимы.

И только спустя несколько месяцев Эйвинд Свендсен и жители Советского Союза наконец узнали о содержании доклада Хрущёва¹⁵.

МОСКВА С ПРОТЯЖНЫМ «О»

Май Весенберг попала в Москву не «по коммунистической линии», не так, как Свендсены или Герда Странд Йохансен. Хотя она тоже работала на радио, но жилье, которое автоматически предоставлялось норвежцам, направленным в Москву Коммунистической партией Норвегии, ей не полагалось. Довольно долгое время они жила с семьей Мякеля, которая ее приютила, выделив одну из комнат в своей квартире. Рой Мякеля работал в финской редакции Московского радио.

Его семья, как и многие другие финские семьи, сначала эмигрировала в Америку, а в 1930-е годы, поддавшись на призывы приехать в Советскую Карелию, чтобы строить там социализм, переехала в страну Советов. С Роем Май легко нашла общий язык, а вот отношения с его русской женой Галиной у нее не сложились. Когда к ней в комнатку перебрался Карл, в квартире у Мякеля стало совсем тесно. Спасало лишь одно: Карл купил автомобиль, и они обрели свободу передвижения.

Теперь Май и Карл могли не только колесить по окрестностям Москвы, но и бывать в разных уголках Советского Союза. Во время отпусков они отправлялись в свои «одиссеи» по незнакомой для них стране в «Москвиче» с регистрационным номером МО 3105. Они даже съездили в Крым, проехав через всю Украину, а также побывали у западных границ Советского Союза: посетили Прибалтику и бывшую Восточную Пруссию, которая теперь стала Калининградской областью.

Дороги были ужасными, заправок на трассах практически не было, поэтому в багажнике их «Москвича» всегда находилась большая канистра с бензином, без которой невозможно было преодолеть небольшие расстояния между городами. Тесный салон автомобиля служил им порой и местом ночлега, хотя это было довольно рискованно, ведь их регистрационные номера ясно показывали, что они из Москвы. А многие в Эстонии, Латвии и Литве ненавидели все, что было связано с русскими и советской властью. Прибалтам, конечно, и в голову не могло прийти, что хозяин «Москвича» – человек с датскими корнями.

ми, а его пассажирка – норвежка. На всякий случай Май и Карл останавливались обычно вблизи отделений милиции.

Поездки в Прибалтику были отдушиной среди московских будней. Ведь там Май и Карл встречались с людьми другого происхождения, другой культуры, не похожих на тех, с кем они общались в Москве. Особенно хороших друзей они нашли в эстонской столице – Таллинне. С ними можно было разговаривать на любые темы, к тому же за время войны эстонцы особенно ясно ощутили свою общность с финнами и шведами.

Поездка в Калининград в 1956 году произвела на Май и Карла неизгладимое впечатление.

Старинный город Кёнигсберг по-прежнему лежал в руинах, хотя после войны прошло уже более десяти лет. Было понятно, что восстановление разрушенного города не является первоочередной задачей для советских властей, хотя немецкое население города уже перебралось на запад, и на их место должны были приехать люди со всего Советского Союза. Город напоминал Сталинград. Кроме немецких табличек и руин, которые увидели Май и Карл, ничего не осталось от многовековой истории города, который был когда-то форпостом немецкой культуры на востоке. Советский Балтийский флот занял старую военно-морскую базу немцев в Пиллау, переименовав этот населенный пункт в город Балтийск. Весь регион надолго превратился для иностранцев в «закрытую зону», но почему-то не для Май и Карла – двух сотрудников Московского радио в стареньком «Москвиче». С руководителем ансамбля Балтийского флота, с которым они потом продружили всю жизнь, Май и Карл познакомились в Калининграде. Музыкально одаренный Карл легко сходил с людьми, и в этом ему зачастую помогали музыка и песни.

Поездки в отпуск на какое-то время снимали остроту жилищной проблемы для Май и Карла. Но вскоре вопрос о жилье встал ребром: после нескольких невыношенных беременностей на свет появился их сын Ян. Свое жилье стало необходимостью.

И тут их выручил норвежец Туре Ярл Биэленберг. Когда Туре приехал в Москву для работы на Московском радио, ему сразу выделили двухкомнатную квартиру на Новопесчаной улице. Так полагалось всем, кто приезжал в краткосрочные командировки для работы в редакции. Но Биэленберг был коммунистом и идеалистом старой закалки. Когда его жена вернулась обратно в Норвегию, он уступил Май и Карлу свою квартиру. Для руководства редакции это был неслыханный поступок, к тому же нарушавший все правила. Май даже лишилась на время своего вида на жительство. Но все понимали, что

это разумное решение вопроса: теперь у маленькой семьи из трех человек появилась своя жилплощадь¹.

Туре Ярл Биэленберг был из поколения коммунистов, вступивших в партию после Второй мировой войны. Это поколение не застало довоенную эпоху с ее непримиримо острым противостоянием и догматизмом. Советский Союз вызывал у таких, как он, восхищение прежде всего из-за своей героической борьбы с гитлеровской Германией. Нельзя сказать, что Туре Ярл Биэленберг совсем ничего не знал о Москве, о закаленном ядре коммунистов, которые еще до Второй мировой войны порвали с Рабочей партией и основали НКП. Его дядя по материнской линии Биргер Окерманн под псевдонимом «Ярл Эберхардт» был слушателем Коммунистического университета для национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) в 1928–1931 годах. Незадолго до поездки Туре Ярла в Москву в 1958 году дядя даже научил племянника нескольким русским фразам².

В 1950-е годы Туре Ярл Биэленберг был активным молодым коммунистом. Его направили работать в Международный союз студентов, который был создан в 1946 году в Праге. Эта организация находилась под сильным влиянием коммунистов, она издавала газеты на многих языках мира, и Биэленбергу поручили редактировать норвежское издание. Международный союз студентов стал ареной для вербовочной деятельности разведки Чехословакии, которая становилась все активнее. В частности, пытались завербовать и Пера Рестана, предшественника Биэленберга на этом посту. Рестан позднее преподавал русский язык и стал профессором в университете в Бергене³.

Туре Ярл Биэленберг был одним из сотен норвежцев, поехавшим летом 1957 года на фестиваль молодежи в Москве. Этот фестиваль стал символом открытости Советского Союза и желания наладить сотрудничество с остальным миром. Вместе с Международным союзом студентов, который также был организатором фестиваля, в советскую столицу в июле 1957 года устремились 34 тыс. юношей и девушек.

Московское радио широко освещало это событие. Эйвинд Свендсен, например, выступил как актер, участвуя в радиосценках. Они были рассчитаны на норвежцев, которым предстояло отправиться на восток весной 1957 года. Эйвинд играл роль делегата фестиваля по имени Петтер, который пытался сориентироваться во многомиллионной Москве. Кроме прочего, эти программы давали краткий курс русского языка. В этих скетчах он часто выступал вместе с напарницей Таней – ее играла Марианна Александрова. Ее голос, как и голос Эйвинда, стал тогда очень популярным на Московском радио⁴.

Брат Эйвинда Свендсена Пер Свенссон, приехавший на подготовительную встречу накануне фестиваля, выступил по Московскому

радио и сказал, что «на смену холодной войне пришла прохладная дружба – как между самими странами, так и между молодежью этих стран и молодежными организациями». Для норвежских коммунистов, которые испытывали непростые времена у себя родине, возможность поехать в Москву стала тем «калачом», с помощью которого они пытались «заманить» людей в свое движение⁵.

Московское радио готовилось широко освещать фестиваль и обратилось к бывшему сотруднику радио Мартину Гуннару Кнутсену с предложением приехать на время в Москву и оказать помощь. Тот согласился. Но дело пошло не совсем так, как предполагали. Появившийся в редакции временный сотрудник Кнутсен, как всегда энергичный и воодушевленный, просто-напросто забрал все в свои руки, отодвинув в тень штатных сотрудников редакции⁶.

Главным средством освещения фестиваля стали интервью с его радостными участниками из разных стран, которые рассказывали, как все замечательно в Советском Союзе. 5 августа 1957 года в передаче принял участие Кристиан Халдорсен – журналист из Нарвика. Он рассказал о встрече ветеранов войны из различных стран, где были представители Норвегии и Советского Союза. «Норвежский народ благодарен Советской армии, которая первой принесла свободу в Северную Норвегию», – сказал Халдорсен. Он родился и вырос в Финнмарке. Халдорсен подчеркнул, что норвежский народ особенно благодарен за то, что «советские войска покинули норвежскую территорию, как только выполнили свою миссию»⁷.

Кристиан Халдорсен, конечно, знал, что именно эта тема хорошо «идет» в Норвегии, и он нажимал на ту же педаль во время следующего интервью несколько дней спустя. Он сказал, что в Норвегии ходят слухи о «трагической судьбе в Советском Союзе советских солдат, прошедших немецкий плен», что появляются статьи о судьбе многих советских военнопленных, которые во время войны находились в Норвегии и по возвращению в Советский Союз были арестованы. Халдорсен встретился с некоторыми бывшими военнопленными: они это полностью отрицали. Правда, признали, что слышали о подобном: об аресте и заключении в лагеря бывших военнопленных. Но это были люди, служившие немцам как доносчики или еще каким-то способом сотрудничавшие с ними. По словам Халдорсена, бывшие советские военнопленные уверены, что норвежцы, исходя из собственного опыта, поняли бы, почему в СССР «наказывают таких людей»⁸.

Сотрудники редакции «Московского радио» поняли, что судьбы почти ста тысяч советских военнопленных и угнанных на работу советских людей, находившихся во время войны в Норвегии, искренне волнуют норвежских слушателей. Ведь за годы войны многие нор-

вежцы тесно сблизилась с военнопленными. Они недоумевали, что в послевоенное время стало так трудно поддерживать с ними контакты. Но передачи Московского радио той весной так и не смогли внятно ответить на этот вопрос⁹.

Норвежская коммунистическая партия и Норвежский коммунистический союз молодежи (НКСМ) пытались уговорить поехать в Москву и представителей других партий, но Рабочая партия не поддавалась на «пропагандистский трюк» коммунистов.

Кристиан Халдорсен был членом центрального комитета НКСМ. Вместе с другими молодыми людьми из Северной Норвегии ему пришлось сначала добираться пароходом до Мурманска, а оттуда на поезде ехать в Москву. В Мурманске у Кристиана Халдорсена состоялась встреча с представителями профсоюзов. Позднее он поведал Московскому радио о своих «сильных» впечатлениях. Оказывается, отпуск у рабочих за Полярным кругом был в два раза длиннее, чем в целом по стране, а проработавшие шесть месяцев рабочие получали 10-процентную прибавку к зарплате¹⁰.

За год до этого речь Никиты Хрущёва дала основание надеяться, что мир стоит на пороге новой эпохи, когда напряженность между Востоком и Западом пойдет на убыль. Однако 1956 год стал одним из самых драматичных в международной политике послевоенного периода. Конфликт из-за контроля над стратегически важным Суэцким каналом вылился в агрессию Британии, Франции и Израиля против Египта. Подспудно росло недовольство коммунистическим режимом во многих странах Восточной Европы. В июне 1956 года рабочее восстание в Познани было подавлено польскими войсками при помощи советских офицеров, но вскоре вспыхнуло восстание в Венгрии.

Начавшись как студенческие волнения, венгерское восстание перешло в такую стадию, когда уже выдвигались требования разрыва с Москвой и выхода Венгрии из Варшавского договора. Но 4 ноября Советский Союз вторгся в Венгрию, и в течение одной недели восстание было подавлено. Власть перешла в руки нового просоветского правительства. 200 тыс. венгров покинули страну, 1200 из них оказались в Норвегии.

Вторжение в Венгрию серьезно подорвало авторитет преданных Советскому Союзу коммунистов во всем мире. В Норвегии многие навсегда покинули ряды НКП. В ноябре 1956 года Московскому радио было трудно избежать разговоров о событиях в Венгрии, но в передачах из Москвы это восстание увязывалось с западным вторжением в Египет и зону Суэцкого канала. Дескать, восстание в Венгрии – это попытка фашистских и реакционных сил Запада отвлечь внимание от «империалистической агрессии против Египта». Как говорится:

«Советский Союз выполнил свой долг, откликнувшись на просьбу венгерского правительства оказать помощь в борьбе против фашистских и контрреволюционных банд». Таким был постоянный лейтмотив комментариев в передачах радио после подавления восстания. Московское радио потратило много времени, чтобы рассказать норвежским слушателям о том, что ситуация в Венгрии нормализуется. Для оправдания советского вторжения в Венгрию использовали в том числе и бывших военных, сидевших в немецких лагерях в Норвегии, например Николая Полякова¹¹.

Восстание в Венгрии было трудной темой для Эйвинда Свендсена и многих других сотрудников Московского радио. Свендсен как ведущий программы строго держался официальной линии. Те, кто слышал эти программы, помнят его как «горячего защитника вторжения в Венгрию»¹².

Только дома на Новопесчаной улице Эйвинд и Эрна Свендсены могли позволить себе минуты сомнений. У них были тесные контакты как с ортодоксальными коммунистами, так и с друзьями в Норвегии, которые скептически относились к политике Москвы. Эйвинд и Эрна, должно быть, понимали, что Коммунистической партии Норвегии нанесен серьезный удар. Особенно трудно было убедить интеллектуалов в Норвегии в правильности подавления народного восстания в чужой стране, хотя сразу же после Второй мировой войны интеллектуальные круги были позитивно настроены к Советскому Союзу.

Как инструмент выражения советской точки зрения на восстание Московское радио использовало свой «Почтовый ящик». «Большинство честных людей понимают, что всю эту игру затеяли сторонники Хорти, радио “Свободная Европа” и иже с ними», – писал какой-то норвежский слушатель, которого усердно цитировали в передачах поздней осени 1956 года.

Миклош Хорти был правителем Венгрии в 1940–1944 годах, он исповедовал правые убеждения и был настроен пронемецки. Радио «Свободная Европа» играло роль американского противовеса Московскому радио в эпоху холодной войны. Московское радио не могло не признать, что восстание было результатом народного недовольства тогдашним просоветским правительством. Но восстание, по мнению сотрудников радио, было использовано реакционными силами, которые с зарубежной помощью пытались уничтожить народную демократию¹³.

Многие организации, позитивно относящиеся к Советскому Союзу ранее, например Норвежский Совет мира, повернулись к Москве спиной. Нелегко было работникам Московского радио выдерживать шквал осуждения со всех концов политического спектра.

Норвежский комитет мира, который часто цитировали в передачах Московского радио, осудил советское вторжение. Но Московское радио зачитало письмо руководителя баптистской общины в Советском Союзе, в котором говорилось, что советские войска вошли в Венгрию, чтобы поддержать мир и что человеческих жертв было бы гораздо больше, не сделай они этого¹⁴.

Восстание в Венгрии имело несколько аспектов. Советские власти и Московское радио говорили прежде всего о беспощадной расправе с невинными солдатами и другими защитниками режима. Они считали, что это показывает жестокость и анархию, которой отличался мятеж. В преддверии фестиваля молодежи летом 1957 года советские власти позаботились о том, чтобы Лайош Соможий и Йожеф К. Фаркаш приехали в Москву. Оба были солдатами Особого корпуса, защищавшего штаб-квартиру коммунистов в Будапеште. Хотя они сдались в плен, восставшие их расстреляли. Фотографии этого события обошли весь мир благодаря американскому журналу «Лайф». Но волшебным образом Фаркаш и Соможий остались живы, и позднее промосковский режим их очень эффективно использовал в своей пропаганде¹⁵.

Во время Международного фестиваля в Москве многие хотели послушать драматичную историю двух венгров. Мартин Гуннар Кнутсен сделал так, чтобы она прозвучала и в норвежских передачах Московского радио. В репортаже не упоминался тот факт, что оба венгерских солдата принадлежали к АВХ – войскам госбезопасности, которые венгры люто ненавидели. Не было ни слова о том, что из девяти человек, попавших под горячую руку восставших, шестеро выжили и стали важным инструментом в пропагандистской войне между Востоком и Западом¹⁶.

Кристиану Халдорсену было 27 лет, когда он отправился в Москву на Международный фестиваль вместе со своей невестой из Олесунна Берит Хансен, которая была на два года моложе. Этих молодых коммунистов, должно быть, воодушевило пребывание в советской столице, и спустя несколько дней после возвращения домой в Норвегию они поженились. Полные энтузиазма отчеты Кристиана о поездке произвели, надо думать, впечатление и на редакцию радио в Москве, и на вожakov коммунистов в Норвегии. Поэтому спустя полгода Кристиан и Берит опять оказались в Москве, на этот раз как сотрудники радио на службе у советской пропаганды¹⁷.

Около 800 норвежцев в 1957 году побывали на фестивале в Москве, который официально назывался Международный фестиваль молодежи и студентов и вызывал большой интерес даже у тех, кто считал

его пропагандистским шоу московских властей. Материал о фестивале вышел в газете «Афтенпостен» под заголовком «Отбросы едут на Восток». Газетчики побывали на перроне Восточного вокзала, откуда сотни участников фестиваля отправлялись на поезде из Осло в Москву.

Вместе со всеми в Москву ехал молодой человек по имени Фриттьоф Франк Гундерсен, который позднее станет депутатом Стортинга от Партии прогресса. Норвежская разведслужба дала ему задание: писать подробные отчеты об участниках фестиваля. Во время срочной службы в Вооруженных силах Гундерсен прошел курс русского языка, поэтому особенно хорошо подходил на роль наблюдателя за ничем не подозревающими участниками фестиваля. Странно только, что отчеты нужно было писать для разведки и ее шефа Вильгельма Эванга, а не для службы безопасности и Асбьорна Брюна, что было бы естественно, поскольку речь шла о наблюдении за норвежскими гражданами. Но разведывательная служба считала важным установить возможно больше контактов с советскими людьми и гостями из Восточной Европы, чтобы таким образом получить информацию о ситуации в этих странах. Полиция безопасности, напротив, была обеспокоена этими контактами: ведь существовала опасность вербовки. Но отчеты Фриттьофа Франка Гундерсена в конечном итоге дошли и до полиции безопасности¹⁸.

Среди тех, за кем Гундерсен наблюдал с особенным интересом, был и активный молодой человек из Альты Кристиан Халдорсен. Кроме всего прочего, Халдорсен участвовал в программах Московского радио – у него брали интервью. Так что у полиции безопасности появился повод заинтересоваться им.

Кристиан Халдорсен был активистом движения молодых коммунистов в Северной Норвегии в 1950-е годы. Он вообще вырос в «красном поясе» – в долине Богнэльвдален в Талвике, что на самом западе коммуны Альта. Некоторые тамошние жители, пожив и поработав в свое время в США, заразились социалистическими идеями. Постепенно население всей долины попало под их воздействие. Люди объединились, стали часто проводить общественные сходки и встречи, поэтому многие молодые люди оттуда в послевоенные годы втянулись в политическую работу. Освобождение Восточного Финнмарка советскими войсками в 1944 году также оказало сильное воздействие на мировоззрение жителей. Люди сохранили его на всю жизнь, хотя далеко не все вступали в коммунистическую партию¹⁹.

У Кристиана Халдорсена было образование электрика, но в 1950-е годы он заметил, что ему, молодому коммунисту, нелегко найти постоянную работу. Долгое время ему пришлось довольствоваться

ся малооплачиваемой партийной работой, а также работой в газете коммунистов «Нурланд Арбейдерблад», редакция которой появилась после войны в Нарвике. Халдорсен понял, что будет не лишним получить более стабильную профессию, поэтому осенью 1957 года он поступил на подготовительное отделение технической школы в Нарвике. Но в конце года ему предложили поехать в Москву поработать на Московском радио.

К нему лично обратился ветеран НКП Юст Липпе. Сама же кандидатура Халдорсена была предложена Москвой: сотрудником Московского радио Ильей Лупаниным и сотрудником советской разведки Василием Хлопиным. Русские видели, что пора приглашать из Норвегии нового сотрудника для работы на радио в Москве, чтобы заменить в эфире Эйвинда Свендсена, собиравшегося уезжать домой летом 1958 года.

Кристиану Халдорсену польстило предложение, но он колебался. Ведь он уже предпринял первые шаги в другом направлении – вместо партийной работы хотел получить гражданскую профессию. И что будет делать в Москве Берит – его молодая жена? Он выдвинул условие: Берит также должна получить работу на Московском радио, чтобы им обоим было чем заниматься в столице СССР. Руководство Московского радио пошло на это, и после нескольких недель раздумий они решили все-таки ехать. Молодая пара, конечно, не предполагала, что все, что они будут делать, с этой минуты тщательно заносится в отчеты полиции безопасности²⁰.

Интерес к Московскому радио со стороны норвежских властей в 1950-е годы распространялся в первую очередь на содержание передач и толкование информации, но к 1960 году фокус сместился. Теперь служба безопасности заинтересовалась людьми, которые там работали. Предстоящее начало работы на радио жены и мужа Халдорсенов обеспечило работой сразу несколько отделов службы.

В Нарвике полиция принялась прослушивать телефонные разговоры Кристиана Халдорсена, а все его передвижения протоколировались. Служба безопасности следила за ним и утром 20 марта 1958 года, когда Халдорсен сел на поезд, идущий в столицу, чтобы уже оттуда ехать в Москву. В Осло он, согласно отчетам резвых сотрудников безопасности, остановился в отеле «Бельвью». Информация о появлении в редакции рядом с Пушкинской площадью новых сотрудников тут же «пошла» и в посольство Норвегии в Москве²¹.

Люди из службы безопасности описывали Кристиана Халдорсена как «агрессивного агитатора и пропагандиста». Но перед ним теперь стояли совсем иные задачи, чем на собраниях однопартийцев в Будё. Берит Халдорсен обладала кое-какими познаниями в английском

языке, а Кристиан принес в норвежскую редакцию радио только свой сильный северононорвежский акцент. Пару выделили прекрасную квартиру на Краснохолмской набережной, в новом комплексе на берегу Москвы-реки, недалеко от Кремля. Оставалось только приступить к делу, но Кристиан и Берит не боялись трудностей.

Времени на обучение было немного. Скоро по линии здравоохранения должна была приехать норвежская делегация во главе с министром социальных дел Гудмундом Харлемом, и Московское радио собиралось освещать этот визит. Советские власти уверяли, что Советский Союз обладает лучшими в мире системами здравоохранения и социальной защиты. Это и нужно было донести до норвежских слушателей. Поэтому дебютом Кристиана Халдорсена в роли радиожурналиста стало сопровождение норвежской делегации во время их встреч с советскими коллегами и во время визитов в различные учреждения.

Представитель Рабочей партии Гудмунд Харлем был опытным, «закаленным» политиком. Он не собирался подыгрывать пропаганде, выгодной Советскому Союзу. Харлем запретил членам своей делегации давать интервью Московскому радио. Во время посещения реабилитационного центра под Москвой он был очень сдержан в своих высказываниях. Один из пациентов хотел вручить норвежскому министру цветы, но Харлем вежливо посоветовал ему оставить цветы у себя в реабилитационном центре.

Кристиан Халдорсен обнаружил, что в большинстве своем русские люди составили себе хорошее, положительное представление о Норвегии. Норвежская делегация встретилась с одной пожилой женщиной, которая рассказывала, что она всю жизнь мечтала побывать в Норвегии, «откуда к нам пришло столько красоты». Она была музыкантом и со слезами на глазах рассказывала о своей любви к Эдварду Григу.

В Норвегии во время очередного сеанса прослушивания студенты отметили дебют Кристиана Халдорсена как радиорепортера. Они, конечно, не знали, что служба безопасности уже не первый год внимательно следит за этим жителем Северной Норвегии. Студенты просто обнаружили, что на Московском радио появился новый голос. «Он – из Норвегии, точнее из Северной Норвегии. Иногда в его речи слышится диалект Остланда, но без типичных остландских тоном, чаще же всего в предложениях слышится северный диалект. Например, слово “Москва” он произносит с очень протяжным “о”», – такую характеристику дали студенты акценту Кристиана 13 апреля 1958 года²².

В Северной Норвегии тоже заметили, что на Московском радио появился новый сотрудник, говорящий на местном диалекте. Полиция Западного Финнмарка отправила начальнику полиции безопасности Асбьорну Брюну 30 мая донесение о Кристиане и Берит Халдорсенах, которое подписал полицеймейстер Лейф Валлеруд: «Халдорсену повезло – он нашел работу и область применения своим силам». Хотя Кристиан Халдорсен покинул Северную Норвегию и стал жить в Советском Союзе, из поля зрения его не выпускали. Его письма родным, проживающим в долине Богнэльвдален в коммуне Альта, вскрывались. Служба безопасности продолжала с большим интересом следить за передачами из Москвы, наблюдая, как «агрессивному коммунисту» удастся новая роль сотрудника радио²³.

В коммуне Мёре-ог-Румсдал тоже заметили, что у микрофона Московского радио появилась женщина с диалектом Суннмёре. Рабочая газета «Арбейдер-авис» в Суннмёре писала о «женщине из Олесунна – дикторе Московского радио», добавляя, что Берит Халдорсен помимо работы на радио занимается еще изучением русского языка. Это сообщение показалось довольно важным, и его перепечатала и столичная газета «Верденс Ганг»²⁴.

БУДЕТ БОЛЬШЕ ЛЕКЦИЙ, ЧЕМ РЕПОРТАЖЕЙ

В суровом 1937 году Марию Фрумкину отстранили от руководства коминтерновским радио. Она была не только идейной коммунисткой, но активисткой еврейского движения, горячо ратовавшей за культуру идиш в Советском Союзе. Обвинения, выдвинутые против нее, были стандартными: связь с троцкизмом, сотрудничество с врагами советского государства. А еще она была еврейкой и гордилась этим, что с официальной точки зрения было не только совершенно естественным и нормальным для многонационального Советского Союза, но это вообще являлось одним из краеугольных камней, на котором строилось все государство. В 1931 году в интервью американскому новостному агентству Иосиф Сталин сказал, что *«Антисемитизм опасен для трудящихся, как ложная тропинка, сбивающая их с правильного пути... Поэтому коммунисты... не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма»*¹.

Евреи занимали центральное место в русской революции. Такие люди, как Лев Каменев, Григорий Зиновьев и в первую очередь Лев Троцкий, играли ключевые роли в новом социалистическом государстве. Даже на XVIII съезде Коммунистической партии в марте 1939 года при выборах в члены и кандидаты в члены Центрального Комитета партии из общего числа 139 человек было избрано 25 евреев. Правда, на тот момент Троцкий был уже 10 лет как в изгнании, а Каменев и Зиновьев осуждены и расстреляны.

Хотя грузин Иосиф Сталин все время подчеркивал многонациональность советского государства, в конце 1930-х годов произошли серьезные изменения в этом вопросе. Как раз в тот момент нацисты делали первые шаги по пути, который привел к геноциду евреев в Европе.

Формально советское государство должно было стать заслоном на пути растущей ненависти к евреям. Но когда 3 мая 1939 года еврей Максим Литвинов был смещен с поста министра иностранных дел (народного комиссара по иностранным делам) это было знаком усиливающейся борьбы с влиянием евреев в советском государственном

аппарате. По словам нового министра иностранных дел Вячеслава Молотова, Сталин приказал ему «вычистить евреев из комиссариатов»². В конце 1937 года по возвращении в Москву был арестован советский полномочный представитель в Норвегии, еврей Игнатий Якубович*. Никто не знал, что с ним стало, но, судя по всему, его, как и многих других дипломатов, расстреляли³.

Евреи с самого начала занимали центральные должности как в советском государственном аппарате, так и в партийном. Многие из них, например Максим Литвинов, владели иностранными языками, хорошо знали жизнь за границей, поэтому они и заняли важные посты во внешнеполитическом ведомстве. Похожей была картина и при создании Московского радио. Но и тут сильные позиции евреев стали вызывать подозрения. Марию Фрумкину сняли с должности в 1937 году и потом ликвидировали. После нее в кресле руководителя недолго просидел человек по фамилии Фонштейн. Судя по фамилии, у него были еврейские корни, если это не псевдоним. Существовало мнение, что за чистками стояла просто зависть. Ни у Сталина, ни у Молотова не было особых способностей к языкам. Сталин очень мало ездил по миру – до Первой мировой войны он короткое время провел в Австро-Венгрии. Его характеристика евреев как «безродных космополитов» осталась в истории символом нетерпимости, которая все больше росла в сталинском государстве⁴.

Все советские граждане должны были указывать свою национальность во время обращения за паспортом. В пятой графе анкеты нужно было указать, кто ты: русский, грузин или еврей. Этот пункт был очень важным, особенно если человек претендовал на работу в центральных органах власти, важной частью которых являлось радио, а потом и телевидение. В 1943 году руководство радио разделило сотрудников на три категории: русские, иностранцы и евреи. На тот момент на радио работали 306 русских, 135 евреев и 133 иностранца. Этот шаг был предпринят как раз в тот момент, когда Европа содрогалась в конвульсиях Холокоста. Разделение находилось в прямом противоречии с официальной идеологией – идеей равенства всех наций в Советском Союзе. Причем, в то время как евреев выделяли в

---

* Игнатий Семёнович Якубович родился в Варшаве в 1881 году, с 1904 года был связан с социал-демократией Королевства Польского и Литвы. После революции, в декабре 1917 года стал секретарем Главного комиссариата Народного банка. В 1918 году Якубович вступил в РКП(б), затем работал в Народном комиссариате иностранных дел, в том числе находился на дипломатической службе в Германии. С ноября 1934 по декабрь 1937 года Якубович являлся Полномочным представителем НКВД СССР в Норвегии. Его дальнейшая судьба неизвестна.

отдельную группу, все остальные советские граждане попали в категорию «русские»⁵.

Берта Тамашина на личном опыте столкнулась с неписаными правилами не допускать евреев на важные должности. В начале 1950-х годов она изучала скандинавские языки в Ленинграде вместе с другими студентами, чьими стараниями до сегодняшних дней не прерываются связи между русской и скандинавской литературой. И хотя на Московском радио всегда была нужда в людях, знающих скандинавские языки, способной Берте Тамашиной не так легко было получить работу.

Пятая графа в ее паспорте стала камнем преткновения. Евреи могли быть музыкантами, художниками или учителями. Но такой важный институт, как Московское радио, должен был следовать в русле идей Сталина и Молотова 1939 года, хотя ни того, ни другого в конце 1950-х годов уже не было на политическом небосклоне. И только благодаря Нине Крымовой, которая пользовалась большим уважением и влиянием, Берта Тамашина все-таки смогла получить работу на радио, в редакции передач на норвежском и датском языках⁶.

Хотя в 1950-е годы в самой редакции Московского радио осталось уже не так много евреев, норвежские сотрудники встречали евреев в студии среди техперсонала. Туре Ярл Биэленберг особенно подружился с Фаиной и Ароном Вергелисами, которые рассказали норвежскому коммунисту о специфической и драматической судьбе евреев в советском государстве. Арон Вергелис работал какое-то время в еврейской газете, которая издавалась в Москве. Он также участвовал в строительстве еврейской автономной области на Дальнем Востоке – довольно странном эксперименте на границе СССР с Китаем.

Официальная дата основания Биробиджана – 7 мая 1934 года. В тот период не только в Советском Союзе, но и в США развернулась мощная агитационная кампания, призывающая евреев ехать и осваивать заболоченные и негостеприимные ландшафты на реке Амур. Как и многие другие изначально неплохие идеи, например попытка создать образцовую советскую Карело-финскую республику, проект еврейской автономной области был потоплен в крови террора 1930-х годов. Еврейские школы закрыли, возглавляющих регион евреев арестовали и расстреляли. К тому же этот район находился очень далеко от мест традиционного расселения евреев – на западе России и на Украине. Поэтому очень немногие поддались на агитацию ехать на восток.

Коммунистические убеждения Туре Ярла Биэленберга подверглись серьезному испытанию, когда он познакомился с техником-евреем по фамилии Левин, который когда-то был актером, но, как и

многие другие, оказался в расцвете сил в лагере, где ему пришлось провести свои лучшие годы. Когда его выпустили на свободу, он уже не был в состоянии заучить текст роли наизусть и потому стал работать техником на Московском радио.

Биэленберг считал, что истории этих людей – главное, что он узнал во время своего пребывания в Москве. Как и многие другие норвежские сотрудники, он видел, что передачи Московского радио идут по ложной колее, их содержание не находит отклика у норвежских слушателей⁷.

И все-таки конец 1950-х годов был временем расцвета Московского радио. Смерть Сталина в 1953 году и речь секретаря партии Никиты Хрущёва на XX съезде сделало общество более открытым. И хотя все понимали, что смягчение режима имеет свои пределы, оттепель изменила атмосферу в редакции, которая располагалась в обветшавшем здании в Путинковском переулке.

В скандинавской редакции появились молодые, хорошо образованные русские – результат развития советской системы образования. Они смотрели на работу в редакции как на дверь, открытую в большой мир. В мае 1956 года сотрудник Московского радио Лев Капитонов съездил вместе с первой «туристической» группой в Норвегию. В поездке принимала участие жена конькобежца Олега Гончаренко, эта красавица стала любимым объектом фотосъемок норвежской прессы. Позднее Капитонов появится в Осло в роли советника по СМИ и культуре при посольстве СССР. А тогда его участие в «туристической» группе норвежская пресса охарактеризовала как «серьезный момент»⁸.

В мае 1957 года в Осло по приглашению Норвежского национального вещания приехал Виталий Кобыш вместе со своим коллегой Виктором Шрагиным. (Этот визит был ответным: за год до этого представительница НРК Хартвиг Киран побывала в Советском Союзе.) Кобыш сделал тогда цикл программ на радио о жизни норвежского общества. Часть их была использована в норвежских передачах Московского радио, в том числе длинное интервью с Туром Хейердалом. После тихоокеанской экспедиции на «Кон-Тики» в 1947 году имя Тура Хейердала стало очень популярным в Советском Союзе. Кобыша и Шрагина восхитили норвежские профессиональные училища, особенно школы домохозяек. «Об этом мы хотим рассказать нашим слушателям. У нас будет больше лекций, чем репортажей», – поделились они своими планами в интервью газете «Дагбладет» во время визита.

Самолюбивый 29-летний Виталий Кобыш с Полтавщины был ключевой фигурой Московского радио, входил в руководство скан-

динавской редакции. Он рассказал газете «Дагбладет», что доволен, как их принимают в Норвегии, что все его задумки о репортажах были реализованы. Норвежские власти и служба безопасности внимательно следили за визитом двух энергичных радиорепортеров, и Кобыш тоже попал в папку, в которую «стекалась» информация о сотруddниках Московского радио⁹.

Поездка и репортажи этих двух сотрудников Московского радио не остались без внимания, причем и в других странах. Когда Кобыш и Шрагин посещали радиофаbрику Тандберга в Осло, они сделали интервью с владельцем предприятия Вебьорном Тандбергом – человеком ярким, но довольно неоднозначным и прямолинейным. На вопрос, есть ли на его фабрике профсоюз, который защищает рабочих, Тандберг ответил коротко: «Нет». Он также не разрешил двум советским репортерам поговорить с рабочими в цехах.

Москвичи процитировали слова Тандберга о том, что нет никакого смысла увеличивать производительность, так как это приведет к падению цен на продукцию. В репортаже также рассказывалось о визите на шоколадную фабрику «Фрейя», на которой мужчины и женщины получают разную зарплату, хотя в честь рабочих, отмечающих день рождения или 25-летний юбилей работы на фабрике, поднимают флаг. В репортаже говорилось, что норвежцы много читают, но на полках у них стоят в основном американские романы, а в кинотеатрах идут голливудские фильмы¹⁰.

Репортаж двух москвичей из Осло вышел в эфир 6 июля 1957 года, и его «поймало» датское агентство новостей «Ритцау». Рассказ о положении рабочих в Норвегии, транслировавшийся по Московскому радио, вызвал международную реакцию. Глава НРК Коре Фостерволл не мог не отреагировать. В телеграмме руководителю Московского радио он заявил, что цитаты, приведенные в программе о посещении фабрики Тандберга и шоколадной фабрики «Фрейя» «вводят в заблуждение» и просил Московское радио исправить ошибки в прозвучавших в эфире программах¹¹.

Оба советских репортера вызвали неудовольствие НРК и норвежского бизнеса. Но нелегко было понять, что же они сделали неправильно. Форма подачи, формулировки были естественными для них – представителей советского пропагандистского аппарата. Когда НТБ обратилось к Вебьорну Тандбергу за разъяснениями, он признался, что действительно не разрешил советским журналистам поговорить с рабочими, потому что «мы никогда не разрешаем посетителям заходить в цех с движущимися агрегатами и машинами». Кроме того, на фабрике работали несколько беженцев из Венгрии, и это было еще одной причиной, по которой журналистов не пустили

в цех, сказал Тандберг. Он признался, что хотя никакого профсоюза на его фабрике действительно нет, всех сотрудников представляет выборный комитет. Норвежское телеграфное бюро далее обратилось на фабрику «Фрейя», где подтвердили, что поднятием или спуском флага они отмечают юбилеи и похороны сотрудников. Правда, НТБ так и не сумело добиться комментария по поводу различной оплаты труда мужчин и женщин¹².

Два молодых репортера Московского радио сумели затронуть моменты, которые вызвали сильную реакцию в Норвегии. В 1957 году в Норвегии было неслыханно заявить, что на каких-то норвежских предприятиях запрещено создавать профсоюзы или что мужчины и женщины получают различную зарплату за одинаковый труд. Ведь Рабочая партия пребывала к этому моменту у власти уже 20 лет.

Московское радио, конечно, не рассказало о том, что условия работы на радиофабрике Тандберга были вообще очень специфичными: рабочие в 1957 году имели там больше социальных бонусов, чем рабочие других фабрик, помимо прочего, летом они переходили на пятидневную рабочую неделю. Никто в Москве также не стал рассказывать о том, что норвежское профсоюзное движение с Конфедерацией норвежских профсоюзов во главе вели упорную борьбу за «нормальные условия труда» на фабрике.

А ведь «общность интересов», которую Виталий Кобыш и Виктор Шрагин увидели на радиофабрике Тандберга, была очень похожа на отношения между советскими профсоюзами и директорами советских заводов. В 1950-е годы на советских предприятиях тоже не было никаких разговоров о противоречиях, конфликтах, не было и требований поднять зарплату. Как говорили власти, это и не нужно, когда рабочие сами контролируют средства производства.

Несмотря на шум, поднятый вокруг двух фабрик, 1957 год был отмечен совершенно новым уровнем открытости между Норвегией и Советским Союзом и желания узнать больше друг о друге, что нашло отражение в передачах Московского радио.

КТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ «СТУЧАЛ»?

Кризис в Венгрии заставил ветеранов скандинавской редакции с головой уйти в пропагандистскую войну, чтобы оправдать советское вторжение.

Нина Крымова с 1927 года отдавала все свои силы развитию контактов между русскими и скандинавами, сначала работая в советском представительстве в Стокгольме, а затем в Осло под началом Александры Коллонтай. «Первая в мире женщина-дипломат» увидела в молодой девушке большой потенциал. С ее помощью Нина оказалась среди группы «избранных», тех, кого советские чиновники окрестили «скандинавской мафией». Во время войны Крымова была не только переводчиком, она, можно сказать, стала матерью тем норвежцам, которые, вступив в ряды Советской армии, совершали «партизанские» вылазки на территорию врага со своей базы под Мурманском.

После войны Нина Крымова стала известным переводчиком, она также много работала на Московском радио, прежде всего в датской редакции. Все знали Нину Крымову и ее любовь ко всему, что связано с северными странами, поэтому руководство радио не случайно решило «бросить» Нину на пропагандистский фронт после советского вторжения в Венгрию, которое вызвало неоднозначную реакцию в мире.

Многие из ее норвежских друзей-писателей присоединились к заявлению Норвежского союза писателей, осуждавшему вторжение, но Нину Крымову нелегко было сбить с толку. «От всего сердца я хотела бы, чтобы те норвежские писатели, которые так этого и не поняли, посмотрели, кто на самом деле является врагами венгерского народа. Ведь они, получается, поддержали фашистские банды, с которыми сами бесстрашно боролись во время оккупации».

Никого не удивляла истовость, с которой Нина Крымова поддерживала официальную линию. Она всю жизнь подлаживалась, приспособлялась к меняющим направление политическим ветрам. По мнению многих ее коллег, она казалась «завернутой в кокон» своих политических взглядов, Нина свято верила, что все, исходящее от ру-

ководства коммунистической партии, – истина. Но это не мешало ей быть сердечным человеком, всегда готовым помочь своим коллегам, в том числе и Берте Тамашиной, которой поначалу отказали в работе на Московском радио. Кроме того, познания Нины Крымовой в области скандинавской литературы в немалой степени содействовали тому, что после войны на русский язык было переведено большое количество книг, норвежских в том числе¹.

К 1957 году 55-летняя Нина Крымова превратилась в настоящего «зубра» редакции Московского радио, у нее была широкая сеть контактов в Скандинавии. Но ее уровень знания языка все-таки не был настолько высоким, как уровень двух других ветеранов радио – Ксении и Марианны Александровых. И это было ее проблемой. К тому же Ксения Александрова провела в редакции тревожные военные годы, и к ней с большим уважением относились молодые сотрудники. Как и многих других работников Московского радио, Ксению часто использовали в качестве переводчика во время визитов норвежских делегаций. Когда премьер-министр Трюгве Ли приехал в мае 1945 года в Москву, коллегам Ксении пришлось сообща одевать ее: искать «приличную» одежду, чтобы она выглядела презентабельно.

Сопровождать делегации в качестве переводчика среди работников Московского радио считалось очень престижным. Можно было отдохнуть от зачастую рутинной и скучной работы – переводов сообщений, которые приходили из центральной редакции, и практиковаться в живом языке. К тому же, сопровождая делегации, они получали возможность путешествовать по всему Советском Союзу, что в 1950-е годы часто было невозможно для обычных советских граждан.

В течение многих лет Ксения Александрова являлась первым советским человеком, которого норвежцы, приезжавшие с визитом, встречали в Советском Союзе. Сопровождая делегации в роли переводчика, можно было также пригласить кого-нибудь поучаствовать в передачах Московского радио – без излишней бюрократической рутины и посредников².

Осенью 1954 года Ксения Александрова благодаря работе переводчика познакомилась с Верной Герхардсен, когда та приехала в Советский Союз в составе молодежной делегации. На следующий год Верна опять приехала в Москву, на этот раз вместе с мужем, Эйнарм Герхрадсеном, который после трехлетнего перерыва тогда снова стал премьер-министром Норвегии.

Открытость и сердечность, с которой Верна воспринимала жизнь в Советском Союзе, произвели впечатление на Ксению. Знакомство Ксении с Верной заставило норвежские власти обратить более при-

стальное внимание на эту сотрудницу Московского радио. Никто не знал доподлинно, что же произошло в ноябре 1954 года, когда норвежская делегация поехала на Кавказ, где Верне стал уделять недвусмысленное внимание пламенный молодой человек Евгений Беляков. Позднее Беляков появится в посольстве СССР в Осло как третий секретарь вместе с другим молодым и весьма активным дипломатом Виктором Грушко. Оба очень тесно сошлись с семьей Герхардсенов, что вызывало подозрения полиции безопасности и не нравилось некоторым членам Рабочей партии, скептически настроенным по отношению к Советскому Союзу³.

За общением Ксении Александровой с Верной Герхардсен также наблюдали с большим подозрением. Когда летом 1957 года после фестиваля молодежи в Москве у Ксении брали интервью на Московском радио, она сказала: «Передаю сердечный привет Верне Герхардсен, которую я встречала здесь в СССР, а также в Норвегии, когда в прошлом году ездила туда вместе с детской делегацией. Она сделала так много для нас, мы никогда не забудем наши встречи и дружбу, возникую между нами!»⁴

Ксения Александрова должна была всегда писать отчеты о тех мероприятиях, в которых она участвовала. «Но это было обязательным для всех нас», – говорит она сегодня. Эта женщина – единственная из сотрудников норвежской редакции предвоенного времени дожила до наших дней.

Ксения Александрова и швед Бертиль Вагнер какое-то время были парой. Потом она вышла замуж за Бориса Белицкого, самого уважаемого сотрудника английской редакции Московского радио. Белицкого часто использовали как переводчика во время официальных визитов, он, например, сопровождал Юрия Гагарина в его поездках по всему миру. Все понимали, что тайная полиция, которая в 1954 года стала называться КГБ, имеет уши в помещениях Московского радио. Причем следили не только за свободомыслящим Мартином Гуннаром Кнутсенем, слежка и контроль были частью всей советской системы. Ее необходимость обосновывали тем, что вокруг полно врагов, которые угрожают родной стране. Но кто же именно из сотрудников редакции «пошел на сделку» с КГБ и обязался сообщать «обо всем подозрительном»?

Многие норвежцы, работавшие в редакции, наверное, подозревали, что у КГБ есть свой агент среди сотрудников, но предпочитали не думать об этом. Кристиан Халдорсен и Эйвинд Свендсен знали, что такие люди, как они, – известные коммунисты у себя на родине, а затем «засветившиеся» как сотрудники Московского радио, вряд ли могут подойти на роль «шпионов». Но одна женщина незадолго до своей

смерти в начале 1960-х годов призналась Туре Ярлу Биэленбергу, что была информатором КГБ и что эта роль перешла теперь к Юлиане Яновне. Биэленберг не особо удивился, хотя у него сложились хорошие отношения с этой латышкой – ветераном редакции.

Юлиана Яновна Казаненко была дочерью латышского стрелка (латыши, которые сражались на стороне «красных» во время Гражданской войны в России после революции 1917 года). Ее отец оказался жертвой террора в конце 1930-х годов, и она выросла с клеймом «дочь врага народа», как и многие другие сотрудники Московского радио. Может быть, это и стало причиной того, что она запуталась в сетях КГБ. Никто из работавших с ней не замечал, что она связана с «компетентными органами». Юлиана Яновна выполняла работу контролера хорошо, но не проявляла особого усердия как работник цензуры⁵.

КГБ никогда не пыталось завербовать Эйвинда и Эрну Свендсенов. Причин тому было множество. В Москву они приехали в 1955 году из Норвегии отчасти как беженцы: Эйвинду запретили работать на Шпицбергене. Они встретили жизнь в Москве без предубеждений. По сравнению с жизнью в Норвегии, где коммунистов всячески «прижимали», им жилось здесь хорошо. Денег на жизнь хватало, в том числе и потому, что жилье было дешевым; также благодаря работе на радио, они могли недорого отдохнуть на Черном море. В сентябре они всей семьей, взяв с собой няню своих детей Надю, отправились в Сочи на поезде. В том же году они съездили в отпуск в Норвегию. Позволить себе так много путешествовать раньше они не могли.

К тому же эта семья очень любила музыку, и для них Москва была музыкальным раем. Благодаря работе на радио они получали дешевые или вообще бесплатные билеты на концерты и в театры. И какие это были представления! В Большом театре восходила звезда Майи Плисецкой, блиставшей в роли Одетты-Одилии в «Лебедином озере» Петра Чайковского. Тогда никто не поднимал тему еврейского происхождения Плисецкой, которая девочкой вместе с отцом-инженером жила в Баренцбурге на Шпицбергене (Свальбарде). Несмотря на критический доклад Хрущёва о Сталине, казнь ее отца и исчезновение ее матери в 1930-е годы не могли быть темой для обсуждения⁶.

Во время фестиваля молодежи в 1957 году семья Свендсенов пригласила своих друзей из Вестфолда на оперу «Евгений Онегин». Тогда в Москве также проходили концерты звезд первой величины – Эмиля Гилельса, Святослава Рихтера и Давида Ойстраха.

А еще был Дмитрий Шостакович. И тревожное беспокойство вокруг него. Что этот великий композитор напишет в следующий раз? Как власти отнесутся к тщательно спрятанным в сочинениях этого

гения политическим смыслом? Шостакович первый раз попал в немилость в 1936 году, когда Сталин лично присутствовал на представлении его модернистской оперы «Катерина Измайлова» («Леди Макбет Мценского уезда»). В 1948 году композитора снова обвинили в том, что он пишет музыку, которую не понимает народ.

Но никто не мог отрицать таланта Шостаковича, он был великим советским композитором, и в конце 1950-х годов каждое премьерное исполнение его произведений становилось событием культурной жизни страны.

СУББОТНИЙ ВЕЧЕР В СТУДИИ

Вечер 30 ноября 1957 года стал историческим для тесной радиостудии в Путинковском переулке.

На фотографиях, сделанных в тот особенный вечер, у микрофона, свисающего откуда-то с потолка, стоит, улыбаясь, Эйвинд Свендсен. Рядом с ним – Май Весенберг: активно сопереживает. В тот вечер в самом сердце советской столицы собрались все работники скандинавской редакции, кто только смог. Один за другим они подходили к микрофону и представлялись радиослушателям, а Эйвинд Свендсен вел программу.

Стоящий сзади в углу с сигаретой во рту Илья Лупанин был на этот раз зрителем. Он – руководитель редакции – передал бразды правления тем, кто говорил по-норвежски лучше его. В первом ряду рядом с ведущим программы сидит закаленный боец испанского фронта Карл Стафф, который в тот момент уже работал корреспондентом шведской коммунистической газеты «Ню Тид», рядом с ним – Ксения Александрова. Ее голос – голос из Москвы – во время Второй мировой войны норвежцы хорошо знали.

Эйвинд Свендсен представил норвежским радиослушателям «тетю Кари» – ведущую детских программ Московского радио, умолчав при этом, что это – его жена Эрна. Многие сотрудники датской редакции пришли в тот вечер в студию, чтобы поддержать коллег, и на фотографиях мы видим, как активно аплодирует Карл Снядый.

Прошло уже 15 лет с той поры, как официально начались передачи из Москвы на норвежском языке. Надо было отметить этот юбилей: бить в барабаны и представлять редакцию в полном составе. Идею такой передачи Эйвинд Свендсен подхватил, наверное, из программы НРК «Большая студия». Конечно, конкурировать с радиозвездой Рольфом Кирквогом, который блестяще вел эту программу, было невозможно. Но Свендсен понимал, что программы такого типа нравятся норвежским слушателям: прямой эфир из студии, непринужденный разговор. И конечно, обращение к письмам норвежских радиослушателей. Нельзя же было все время только говорить о ги-

гантских успехах первого в мире социалистического государства и проводить параллели с загниванием капиталистического мира.

Наверное, для Эйвинда Свендсена и Май Весенберг сам факт проведения такой передачи был победой. Уже прошло больше полугода с того дня, когда партийный лидер Хрущёв развенчал сталинский режим. Правда, сенсационное выступление Хрущёва состоялось на закрытом заседании, и ничего из сказанного не попало в печать. Но слухи об этой речи, содержащей беспощадную критику культа Сталина, а также информацию об уничтожении во время Большого террора почти половины делегатов XVII партийного съезда, доходили и до кабинетов в Доме радио.

Кажется, мы можем читать настроение на лицах людей на фотографии, тех, кто делал свой вариант «Большой студии» на Московском радио поздней осенью 1957 года.

Неужели самое страшное позади? И арест отца Карла Снядого в 1937 году был просто маленькой ошибкой, отклонением от светлого пути к социализму и коммунизму? Может быть, правильно тогда делали, что расправлялись с иностранцами, обосновавшимися в 1930-х годах в самом сердце Советского Союза? А теперь, спустя почти 20 лет после Большого террора, социализм с человеческим лицом, одержав долгожданную победу над нацизмом, сможет, наконец, пойти вперед? И тогда передачи из Москвы станут настоящей альтернативой буржуазной пропаганде норвежской прессы, как этого хотелось Эйвинду Свендсену и Май Весенберг?¹

Ни он, ни она, конечно, не подозревали, что в кабинете на пятом этаже в здании норвежского МИДа на площади Сулплассен в Осло сидел в тот вечер внимательный студент-обществовед и слушал все, что они говорили в микрофон где-то далеко на востоке – в России.

Наверное, Харальд Рённинг, надев наушники и включив записывающую аппаратуру в субботу 30 ноября 1957 года, сильно удивился. Такого он раньше никогда не слышал. Ему показалось, что свежий ветер «хрущёвской оттепели», о которой писали газеты, вдруг подул и в коммунистической радиостудии, где обычно звучали лишь сухие и скучные агитки, лишённые человечности и тепла.

Выходные у Харальда Рённинга выдались напряжёнными. Такого момента он и его коллеги долго ждали: появилась возможность узнать больше о людях, чьи голоса доносил эфир с востока.

«Имея уже на протяжении долгого времени возможность постоянно слушать эти голоса, я в настоящем рапорте попытаюсь сформулировать выводы на основании реферата прослушивания», – писал Харальд Рённинг 2 декабря 1957 года, направляя свой рапорт ру-

ководству МИДа (копии шли также в службу разведки и полицию безопасности)².

«Голос ведущего программы “Субботний вечер в студии” принадлежит человеку, который появляется в детских передачах под именем “дядя Уле”». Дальше этого в своих попытках идентифицировать Эйвинда Свендсена Харальд Рённинг не продвинулся. Эйвинд Свендсен хоть и вел программу, слушателям не представился. Может, предполагал, что кто-то в Норвегии слушает эти передачи совсем с другими намерениями, чем это делают обычные норвежские радиослушатели?

Несколько лет назад Эйвинд Свендсен сам столкнулся с суровыми реалиями холодной войны, когда ему отказали в работе на Свальбарде (Шпицбергене) в должности ассистента по социальным вопросам. Теперь оба они – Эйвинд Свендсен и Харальд Рённинг – были всего лишь пешками в очередной шахматной партии холодной войны. Эйвинд Свендсен пытался показать, что Советский Союз и коммунисты – миролюбивые люди, стремящиеся к диалогу и сотрудничеству. Прошло пять лет после смерти Сталина, надо было начинать строить мосты между норвежцами и русскими после многих лет перерыва, когда холодная война оборвала все контакты между народами.

А на пятом этаже в здании норвежского МИДа в тот субботний вечер Харальд Рённинг и его коллеги должны были, слушая радио, работать, а не развлекаться. Запись передачи 30 ноября 1957 года стала основой для изучения голосов всех дикторов Московского радио.

Май Весенберг получила такую характеристику: «Несомненно – норвежка. Судя по грассированию, возможно, родом из-под Арендала. Но разговаривает слишком старательно, как будто искусственно». Харальд Рённинг кое в чем ошибся, написав это. На самом деле Май Весенберг родилась в Осло в районе Нурстранд. Ее грассирование Рённинг счел искусственным. Может быть, думал, что таким образом она пытается сбить с толку таких, как он, «слушателей»?

«Тетя Кари» тоже запутала Харальда Рённинга, который отметил, что ее голос – нечто среднее между голосом диктора и ребенка. «Певучий, немного смущенный» – такую характеристику получил голос Эрны Фоссум Свендсен, но кто была эта ведущая детских программ из Москвы, Харальд Рённинг так и не выяснил.

Ее муж Эйвинд Свендсен был описан так: «Несомненно – норвежец, выросший в Остланде (возможно, Осло), говорит быстро, естественно, на варианте языка самнорск». Харальд Рённинг считал, что тот же голос он слышал в детских программах из Москвы, когда у микрофона появлялся «дядя Уле». И этот же голос можно было слышать в образовательных программах по русскому языку, где он при-

надлежал персонажу по имени Уле Рюндомкринг», но кто «озвучивает» этот персонаж, не сообщалось³.

«Субботний вечер в студии» повторили в записи 1 декабря 1957 года. Норвежская служба прослушивания считала, что они могут выделить 14 голосов, принадлежащих сотрудникам норвежской редакции Московского радио. Эрна и Эйвинд Свендсены остались под псевдонимами «тетя Кари» и «дядя Уле». Единственное норвежское имя, которое установила служба прослушивания – Май Весенберг. Насчет Герды Странд Йохансен полной уверенности не было, хотя ни для кого не являлось секретом, что с начала 1950-х годов она работает на Московском радио.

Кроме норвежцев в программе у микрофона появились и представители: Ксения Александрова, Виталий Кобыш, Валентина Цырлина, Лев Капитонов, Валентин Герасимов, Юлиана Иванова, Ира Касарян, Нина Крымова и Светлана Петлова, а также «настоящий советский трактор» Марианна Александрова, чей голос, как и голос «дяди Уле», был занесен в «каталог» основных голосов Московского радио.

Рапорт о «голосах Московского радио» читали с большим интересом и в МИДе, и в службе разведки. Уле Олгор из МИДа отправил его также на самый верх – премьер-министру Эйнару Герхардсену. Рапорт попал также к шефу службы безопасности Асбьорну Брюну и редактору «Арбейдербладет» Перу Монсену. Как уже говорилось, Пер Монсен проявлял большой интерес к Московскому радио еще в начале 1950-х годов, когда руководил журналом «Народ и оборона». Теперь, наряду с премьер-министром и шефом безопасности, его имя попало в «список рассылки»⁴.

С 1956 года в норвежской службе прослушивания появились новые сотрудники: в лице Харальда Рённинга служба разведки и МИД получили очень ответственного и внимательного «слушателя». Кроме идентификации голосов сотрудников Московского радио, он стал записывать имена норвежцев, которые постоянно присылали письма в редакцию. В передаче 30 ноября 1957 года ведущие как раз сообщили полные имена и адреса тех, кто присылал в Москву письма. «Обычно – писал Рённинг, – объявляют только инициалы или имя и одну букву фамилии». Но в этой особенной передаче все было по-другому. Поэтому Рённинг смог составить следующий список норвежцев, обращавшихся на Московское радио:

1. Вальтер Карлсен, Сауда
2. Уле М. Кнудсен, Санднес
3. Нурман Нильсен, Кристиансанд
4. Трюгве Андерсен, Сандвика
5. Гуннар Раббос, Хаслум

Гуннар Раббос был хорошо известен большинству слушателей Московского радио. Он часто упоминался в передаче «Наш почтовый ящик» как Гуннар Р. из Хаслума. Теперь Харальд Рённинг мог сообщить своему начальству полное имя этого человека. Гуннар Раббос работал на телеграфе, и его «переписка» с Московским радио заставила людей Асбьорна Брюна начать очень внимательно следить за ним⁵.

Эйвинд Свендсен и другие работники норвежской редакции не боялись, что упоминание фамилий вызовет большой интерес спецслужб. Они в конце 1950-х годов были уверены, что мир становится открытым, а холодная война идет к концу. 28 июня 1959 года Московское радио передавало концерт по заявкам. Гуннар Тесдал из Сулитъельмы смог услышать фортепианный концерт Чайковского си бемоль мажор, а Сигне Кнудсен – романс «В Ронданах» Эдварда Грига. Имена этих радиослушателей тоже аккуратно записали сотрудники компетентных органов в Норвегии.

Холодая война была еще далека от своего завершения...⁶

«НАМ НЕ НРАВЯТСЯ НОРВЕЖСКИЕ ПЕРЕДАЧИ МОСКОВСКОГО РАДИО»

Несмотря на то что оправдывать советское вторжение в Венгрию являлось довольно трудной задачей, Московское радио в 1957 году было настроено по-боевому.

У Москвы появилась отличная тема: 4 октября 1957 года СССР запустил первый искусственный спутник Земли. Это была победа, поднимающая престиж страны Советов, и поэтому запуск спутника широко освещался в передачах Московского радио. Нужно отметить, что информация о запуске «Спутника-1» в первый раз прозвучала в эфире 5 октября как новость номер один. Но уже в последующих выпусках новостей тема спутника опустилась на второе место, а главной новостью стало положение в Сирии.

Такова была обычная практика на Московском радио: следовало дожидаться новости номер два, чтобы узнать самую важную новость дня. Все последующие дни дикторы постоянно говорили о спутнике, особо отмечая огромное удивление, которое спутник вызвал у главного соперника СССР – США. 8 октября Московское радио процитировало высказывание норвежской прессы о том, что «искусственный спутник земли открыл новую эру в науке»¹.

Может показаться странным, что Московское радио не стало использовать пропагандистский эффект от запуска спутника «на всю катушку». Но здесь сыграла свою роль секретность, которая окружала советскую космическую программу, и не стоит забывать о том, что запуск мог закончиться и неудачей. Для Эйвинда и Эрны Свендсенов, а также других сотрудников радио спутник был доказательством того, что СССР идет вперед, за ним – будущее, несмотря на все проблемы, с которыми они сталкивались в обыденной жизни в Москве.

Еще бóльшую гордость они ощутили, когда с космодрома Байконур в степях Казахстана был запущен новый спутник с собакой Лайкой на борту. Имя дворняжки, подобранной на московской улице, стало известно всему миру. Первыми словами, которые произнес двухлетний сын Эйвинда и Эрны, были «Лайка» и «спутник».

Советские космические запуски были у всех на устах. Только в бурлящих энтузиазмом сообщениях Московского радио не содержалось ни слова о том, что Лайка умерла на орбите через несколько часов. Ведь сразу же после запуска первого спутника Никита Хрущёв потребовал, чтобы к 40-й годовщине Октября – к ноябрю 1957 года – состоялся новый, еще более выдающийся полет в космос. Поэтому сроки подготовки нового запуска сократили, а часть планов из-за спешки пришлось отбросить. И хотя возвращать Лайку живой на землю не предполагалось, она должна была по первоначальному плану продержаться в космосе несколько дней. Поскольку специалистам не дали достаточно времени на подготовку полета, собака умерла почти сразу от перегрева и стресса².

* * *

Как уже говорилось, министр Гудмунд Харлем, который посещал Москву в апреле 1958 года, держался с репортером норвежской редакции Московского радио подчеркнуто сдержанно. Норвежские власти никогда не запрещали государственным чиновникам высокого ранга давать интервью Московскому радио, но большинство ведущих политиков знали (спасибо службе прослушивания!), какого рода вещание идет из Москвы. Передачи Московского радио считались чистой пропагандой, обслуживающей советские интересы.

В связи с визитом норвежского флота в Ленинград в августе 1956 года Эйвинд Свендсен поинтересовался через дипломата норвежского посольства в Москве Пера Боргена, может ли посол Эрик Бродланд выступить перед норвежскими слушателями по Московскому радио. Московское радио «протянуло руку» норвежским официальным представителям точно так же, как за год до этого Москва «протянула руку» Эйнару Герхардсену, пригласив его в советскую столицу. Но отклика Эйвинд Свендсен не дождался.

В служебной записке, отправленной осенью в Осло, посол Эрик Бродланд отмечал: «Этого мы просто-напросто не хотели делать». Да и начальник отдела МИДа Густав Хейберг, ознакомившись с запросом, посоветовал Бродланду отказать вежливо, но твердо.

Когда дело попало на стол министра иностранных дел Халварда Ланге, он тоже отрицательно отнесся к этому – норвежскому послу незачем появляться в передачах Московского радио. Бродланду тогда же предлагали выступить по поводу вечера норвежско-советской дружбы. Но Бродланд до смерти боялся, что его выступление воспримут как одобрение того, что выпускала в эфир норвежская редакция Московского радио.

«Будет правильно прямо сказать об этом. Нам не нравятся передачи Московского радио», – писал Эрик Бродланд в норвежскую редакцию Московского радио после своего отказа участвовать в их радиопрограммах³.

Норвежский посол бойкотировал Московское радио, а его финский коллега Ээро А. Вуори – нет. 5 апреля 1957 года в передаче Московского радио на финском языке он выступил с речью. Финляндия находилась в ином положении, чем «натовская» Норвегия. С 1956 года президентом Финляндии был Урхо Кекконен, который крепко держал в своих руках все, что было связано с отношениями между Финляндией и великой страной-соседкой на Востоке⁴.

После речи Хрущёва, развенчавшей Сталина, руководство советского телерадиовещания развило большую активность. Многим послам тогда предложили в дни национальных праздников их государств выступить с короткой речью по телевидению. В мае 1957 года после консультаций с Осло Эрик Бродланд согласился на это, с условием, что свою речь он будет читать по-русски. Его учительница русского языка перевела речь на русский и помогла Бродланду подготовиться к выступлению. Можно сказать, что никакого контроля в отношении содержания речи не было, но Бродланд не сомневался, что русская учительница уже отчиталась перед «компетентными органами». В День Конституции Норвегии – 17 мая 1957 года – Эрик Бродланд в течение 11 минут рассказывал о норвежской конституции и всеобщем избирательном праве, добавив несколько слов о традиционно добрых отношениях между норвежцами и русскими. Эта речь транслировалась также по Московскому радио, но, как уже говорилось, по-русски.

После выступления Эрик Бродланд написал в Министерство иностранных дел в Осло, что руководство советского телевидения с одобрением отнеслось к его речи, да и сам он был ею доволен. «Я должен сказать: факт того, что посол страны – члена НАТО произносил там речь, был уже сам по себе замечательным»⁵.

Время пребывания в Москве семьи Свендсенов подходило к концу. Их дочка Кристи осталась дома в Норвегии после отпуска летом 1957 года, потому что пошла в первый класс. Тогда же Эйвинд начал зондировать почву о возможном месте работы. Хотя никто в Норвегии, конечно, не ждал с распростертыми объятиями бывших сотрудников Московского радио, Свендсену удалось получить должность в реабилитационном фонде в Бергене, который тогда располагался в здании старого лепрозория в Калфарете.

Летом 1958 года муж и жена Свендсены с грустью покинули Москву, а вскоре они распрощались и с Норвежской коммунистиче-

ской партией. Ни тот, ни другой не были догматиками в политических вопросах. Но они не отвернулись от Советского Союза по возвращении в Норвегию. Все-таки нити, связывающие их с Москвой, были слишком крепкими. Оба активно работали в Обществе дружбы Норвегия – СССР, которое, несмотря на холодную войну и постоянную травлю коммунистов, имело достаточно широкую поддержку среди норвежцев, даже не являющихся членами коммунистической партии⁶.

На смену Свендсенам в Москву приехала другая семейная пара. На Московском радио начали работать Кристиан и Берит Халдорсены. Для Кристиана, выросшего в долине Богнэльвдален и привыкшего к простой непритязательной обстановке, переезд в заграничный город с миллионами жителей был большим событием. Ни он, ни его жена не были «отягощены» каким-либо «культурным багажом», поэтому поначалу им было трудно охватить все, что предлагала Москва. Не сразу до них дошло, что оказаться в кругу людей, которым «положены» билеты в Большой театр или в Большой зал консерватории, – это привилегия.

Освоиться в этом новом для них русском мире им помогла одна дама, которая многим иностранцам, работавшим на Московском радио, казалась живой легендой. Фру Флиг была по происхождению еврейкой. Девочкой в ноябре 1910 года она присутствовала на похоронах Льва Толстого. Классическая русская литература, произведения Толстого, Достоевского, Чехова и Гоголя были для нее дверью, через которую она вводила своих учеников в мир русского языка. Частные уроки языка дома у фру Флиг стали для Кристиана и Берит также и «входом» в советское общество.

Фру Флиг считала, что сейчас такое время, когда политика начинает исчезать из языка. Поэтому для того чтобы как следует выучить русский язык, нужно читать классику. Берит Халдорсен быстро освоила язык, а вот Кристиан еще долго не мог обходиться без русских помощников, в частности, когда нужно было делать репортажи. К счастью, его увлечение спортом разделял Валентин Герасимов, вместе они записывали «по горячим следам» интервью с советскими легендарными конькобежцами, например со спринтером-молнией Евгением Гришиным⁷.

Не успели Берит и Кристиан Халдорсены еще толком освоиться на Московском радио, как за их деятельностью стала внимательно, хотя и издали, следить норвежская полиция безопасности. Служба прослушивания в норвежском МИДе и несколько отделов норвежской безопасности тесно сотрудничали, так что целая группа норвеж-

цев с интересом наблюдала, дорастет ли Кристиан до новых, более ответственных заданий.

Судя по первым отчетам (за осень 1958 года), руководству Московского радио не очень понравился диалект Кристиана Халдорсена: он говорил на очень специфичном северонорвежском диалекте норвежского языка. «Москва считает, что им крупно не повезло: они получили диктора с таким диалектом, как у Кристиана». Эту информацию служба безопасности выудила благодаря прослушке телефонов или в самом штабе Норвежской Коммунистической партии в Осло, или в доме кого-то из центральных руководителей НКП⁸.

Кристиан и Берит Халдорсены быстро подрастеряли свой энтузиазм, с которым ехали на Восток. Берит Халдорсен раскритиковала за слова в одном из ее репортажей по поводу того, что «по весне замечаешь, как у народа протерлись на локтях рукава рубашек». Что она имела в виду? Что люди в Советском Союзе плохо одеты? Как к этому отнесутся слушатели в Норвегии?

В сентябре 1958 года Берит и Кристиан отправили в Норвегию письмо, где без обвиняков сообщали родным, что работа на Московском радио приносит им не только радость. В письме, которое вскрыла и прочитала служба безопасности, они признавались, что их раздражает «вся эта кутерьма» на службе, и им хорошо только вне работы. Руководители НКП в Норвегии тоже беспокоились за двух новых сотрудников Московского радио, которых они порекомендовали через советское посольство в Осло⁹.

НКП чувствовала особую ответственность за передачи Московского радио. Проблема состояла лишь в невозможности убедить московскую редакцию, что задача радио – удовлетворять потребности норвежских слушателей в Норвегии, а не русских «контролеров» или руководство Московского радио.

Борьба эта началась еще в 1946 году, когда некий «Трульс» отправил свои критические замечания Рандульфу Далланду о «беспомощном» норвежском языке, на котором вещало Московское радио. Далланд, как и другие норвежские коммунисты, впоследствии ставил этот вопрос перед руководством Московского радио. «Материал не должен подаваться в манере, которая, может быть, подходит для русского народа, но совершенно не приемлема в стране, на которую направлено вещание», – говорил бывший участник войны в Испании во время визита в Москву в 1956 году. Хотя Рандульфу Далланду тогда пообещали, что «спускаемый» в норвежскую редакцию материал после перевода будут «выстраивать» в другом тоне, более подходящем для норвежских слушателей, но эти обещания, похоже, вскоре были забыты¹⁰.

Кристиана Халдорсена также возмутило, что Московское радио передало в эфир фиктивное решение профсоюзного коллектива радио. Видимо, руководство радио сумело быстро погасить энтузиазм, с которым Кристиан приехал в Москву. «Мы могли бы принести гораздо больше пользы вещанию, но видим, что здесь не могут освободиться от заскорузлых схем», – говорил Кристиан Халдорсен.

Зато они оба – Берит и Кристиан – получили возможность ездить по стране и делать репортажи, которые (и это они хорошо знали) были интересны слушателям в Норвегии. Кристиана посылали в Мурманск, где в конце августа – начале сентября проходил официальный визит корабля норвежских ВМС. Он также сделал ряд репортажей о рыбацком промысле на северо-западе России. Уроженец Финнмарка был так уверен в своих силах, что даже записал репортаж в Клину, городе, связанном с последними годами жизни П. И. Чайковского¹¹.

Хотя работа журналиста на советском радио не совсем соответствовала представлениям Берит и Кристиана и ситуация показалась сложней той, к которой они готовились, но нужно было признать, что в первый раз за всю жизнь у них были дом и постоянный заработок. К тому же иностранные сотрудники Московского радио могли получать часть зарплаты в валюте своей страны, что позволяло откладывать деньги на будущее.

А еще в жизни молодой пары, поселившейся в квартире на Краснохолмской набережной в Москве, осенью 1959 года произошло новое, особое событие: Берит была беременна, и рожать она решила в Москве. Так что в конце января 1960 года Кристиан сам позвонил в Первوماйскую больницу и сообщил, что у его жены начались роды. Фамилию роженицы ему пришлось повторять по слогам: Халдорсен. Когда они приехали в приемный покой, выяснилось, что дежурная сестра ожидала увидеть китайскую роженицу. Но все прошло хорошо, Трульс родился 29 января 1960 года¹².

Халдорсены провели к тому времени уже два года в Москве, и Кристиан стал думать о возвращении в Норвегию и поисках работы там. Он узнал, что есть вакансия в торговом отделе Норвежского объединения кооперативов, и подал туда заявление. Он считал, что с его организационным опытом отлично подходит на эту работу, но про недремлющее око службы безопасности не подумал. «Нельзя сказать, что следует рекомендовать такого человека на эту должность, уверен, что в Норвегии можно найти много граждан, обладающих лучшими качествами, чем коммунист Халдорсен». Так написали в июне 1960 года из полицейского управления Западного Финнмарка шефу полиции безопасности Асбьорну Брюну¹³.

Несмотря на определенный спад напряженности между Москвой и Западом, холодная война продолжалась. Стать сотрудником Московского радио – означало попасть под подозрение. Когда Кристиан Халдорсен поехал работать в Советский Союз, его перенесли из так называемого списка «В» в список «А». К категории «А» полиция относила людей, которых в случае чрезвычайной ситуации, когда безопасность страны находится под угрозой, необходимо сразу же арестовать. Следили за каждым шагом Кристиана Халдорсена. Служба безопасности не выпускала его из виду ни на день во время его отпусков, которые он проводил у себя в Талвике в долине Богнэльвдален. В картотеке полиции Кристиан Халдорсен значился под номером «А-89». Его подозревали в шпионаже в пользу Советского Союза, а также в выполнении курьерских заданий¹⁴.

Работу в Норвежском объединении кооперативов, на которую рассчитывал Кристиан Халдорсен, он так и не получил. Поэтому семья осталась еще на год в Москве. Пока они были в советской столице, то смогли купить себе квартиру в Осло в районе Улсруд. Квартира была частью строительного проекта Унгдомменс Булигбюггелаг. Никогда еще ни одна покупка жилья не привлекала такого пристального внимания со стороны спецслужб¹⁵.

До своего возвращения на родину Берит и Кристиану Халдорсенам довелось пережить в Москве самый драматичный эпизод в истории норвежско-советских отношений. В праздничный день 1 мая 1960 года с базы в Пакистане поднялся американский самолет-разведчик типа У-2. Самолет должен был пересечь Советский Союз и сфотографировать на его территории военные объекты, в том числе базу в Плесецке Архангельской области. Потом самолет собирался приземлиться на авиабазе Будё в Норвегии. Но американцы недооценили советские противовоздушные силы. Под Свердловском, который сейчас называется Екатеринбург, У-2 сбили или, возможно, «прижали» к земле*.

---

* Высотные самолеты-разведчики типа У-2 американской фирмы «Локхид» долгое время безнаказанно совершали разведывательные полеты над территорией СССР. В Советском Союзе не было ЗРК (зенитно-ракетных комплексов), способных достать этот дозвуковой, но высоко летящий самолет. К маю 1960 года в стране уже началось развертывание ракетных комплексов, способных сбить самолет на большой высоте, но желание американцев узнать, что происходит на заводе по обогащению урана «Маяк» под Свердловском и на полигоне под Плесецком заставило продолжать программу разведывательных полетов У-2. День 1 мая также был выбран не случайно, так как можно было надеяться на «праздничное настроение» в советских войсках ПВО. Двум истребителям-перехватчикам, поднявшимся тогда в воздух и не имеющим по какой-то причине нужного вооружения на борту, приказано было идти на таран. Но первая же выпущенная ракета попала в хвост самолета, однако из-за того что взрыватель сработал раньше, самолет-разведчик не взорвался. Пока самолет пикировал вниз, летчик

История была хороша. И не только для советского лидера Никиты Хрущёва, но также и для Московского радио. Выждав несколько дней, пока американские власти не начали передавать сообщение об исчезновении метеорологического самолета к северу от Турции, советский лидер объявил, что советская ПВО сбила американский самолет-шпион.

6 мая эту информацию передало Московское радио, но американцы надеялись выкрутиться, продолжая утверждать про сбитый курс самолет. Хрущёв затаился и, надо думать, злорадствовал, когда слышал это. На следующий день он, выступая на сессии Верховного совета, сообщил участникам заседания, что самолет не просто сбили, но и захватили оставшегося в живых пилота – Фрэнсиса Гэри Пауэрса. И американский летчик уже признался, что держал курс на север и по плану должен был приземлиться в норвежском Будё.

С собой у Пауэрса было 7500 рублей, украшения для подкупа и пистолет. Московское радио устроило вербальную канонаду из крупнокалиберных орудий, хорошо понимая, какой «бомбой» располагает. 5 мая, когда в Советском Союзе отмечают День радио, Норвегию вместе с Турцией и Пакистаном обвинили в том, что они участвуют в агрессивных действиях против Советского Союза. А 10 мая последовало заявление по Московскому радио, что страны, предоставляющие США на своей территории базы, могут стать мишенью для ответных действий со стороны СССР. Это можно было расценивать как угрозу: Советский Союз готов ударить по авиабазе в Будё. В США президент Дуайт Д. Эйзенхауэр и шеф ЦРУ Аллен Даллес пошли на попятную и признали, что вынуждены были предпринять разведывательный полет подобного рода, чтобы выяснить советскую военную мощь¹⁶.

Для Кристиана Халдорсена и других его коллег на Московском радио эпизод с У-2 был подтверждением их правоты. День за днем они доносили через эфир до норвежских слушателей советский взгляд на Норвегию как на безвольную пешку в военных играх великодержавных Соединенных Штатов Америки. Смягчению резких выражений не способствовал и новый эпизод с американским самолетом типа RB-47, который был сбит на востоке Баренцева моря 1 июля. Когда несколько дней спустя в Москву с визитом прибыла делегация Общества дружбы Норвегия – СССР, Кристиан Халдорсен воспользовался случаем и предоставил одному из членов делегации возмож-

---

успел выброситься с парашютом. Зенитчики приняли обломки самолета за помехи, специально устроенные американским самолетом, и продолжали стрелять, сбив следующей ракетой один из двух советских истребителей. Летчик погиб. Пилот второго самолета, можно сказать, чудом остался жив.

ность «поддержать» советский взгляд. «Мы были неприятно удивлены, когда услышали об этом самолете, который нарушил советское воздушное пространство. Мы не хотим, чтобы происходили подобные инциденты», – так выразился норвежский гость, говоривший, видимо, с подсказки ведущего. «Но ведь эти эпизоды с самолетами не отразились на здешней гостеприимности?» – спросил Халдорсен и получил в ответ: «О нет, нас тут принимают самым замечательным образом»¹⁷.

Московское радио зарекомендовало себя как далекое от юмора и боящееся экспериментов с новыми формами, но эпизод с У-2 всколыхнул редакцию. В пятницу 19 августа, спустя два дня после начала суда над Фрэнсисом Гэри Пауэрсом в Колонном зале Дома Союзов, где Джо Адамов был переводчиком, норвежская редакция разыграла радиоспектакль о «Симпатичном летчике-спортсмене Фрэнсисе и его добром дядюшке Шелтоне», в котором в роли доброго дядюшки выступил Кристиан Халдорсен, а в роли спортсмена-летчика Фрэнсиса – только что приехавший работать на Московском радио Пер Линд.

Действие первого акта происходило ранним утром «на одном аэродроме на Востоке»:

Дядя: Ну что, мой мальчик, собираешься снова в полет? Как-то тревожно тебя отпускать.

Фрэнсис: Да пустяки. Полет много времени не займет.

Дядя: А я всегда переживаю, когда ты улетаешь. Знаешь, вдруг мотор подведет или произойдет утечка бензина...

Фрэнсис: Но сегодня я обязательно должен лететь: я обещал Аллену и его друзьям сфотографировать их виллу с воздуха. Гуд бай!

Дядя: Нет, погоди. У меня тут есть кое-что для тебя. Пара ассигнаций.

Фрэнсис: Ну, дядя, Вы шутник. Уж не думаете ли Вы, что в облаках я неожиданно захочу куда-нибудь зайти, чтобы пропустить рюмочку или купить жвачку?

Дядя: Знаешь, ты еще молод. А деньги – это всегда деньги. Да и револьвер тебе не помешает – возьми! Вдруг на тебя кто-нибудь нападет. Это же восток, понимаешь?

Второй акт: Фрэнсис в воздухе, слышен шум реактивных двигателей...

Фрэнсис: Проклятый ветер. Куда меня несет? Похоже, я сбился с курса; выходит, Аллен на этот раз не увидит свою виллу с воздуха. А это что? Аэродром? На всякий случай я его сфотографирую... (грохот)... Черт! Меня что? сбили?! (страшный грохот).

Диктор: Как вы поняли, бедняге страшно не повезло. Сильный ветер унес его далеко от дома.

Радиопьеса про самолет У-2 привлекла внимание «слушателей» в норвежском МИДе, которые сочли ее «странноватой». А для норвежской редакции Московского радио это время было напряженным и интересным. Ведь они могли сообщать слушателям настоящие новости, и для пропагандистской войны между Востоком и Западом у них имелись на руках хорошие козыри.

Норвежская пресса, в том числе и газета «Верденс Ганг», «прошлась» по неуклюжим попыткам американцев «напустить тумана» на всю эту историю с самолетом-шпионом. Провал американцев с У-2 позволил норвежским сотрудникам Московского радио еще долго ходить с высоко поднятой головой¹⁸.

ЛЮДИ ХОТЯТ СЛУШАТЬ ПРО КОНЬКИ И ПРО ГАГАРИНА

Наверное, студентам, которые каждый вечер сидели и слушали Московское радио, составление рефератов новых речей товарища Хрущёва казалось тоскливой и бессмысленной работой. Может быть, в 1951 году получение любой информации из наглухо закрытого Советского Союза было архиважно, но к 1956 году ситуация начала меняться. Теперь уже, к примеру, в Советском Союзе стало легче работать иностранным журналистам.

Время от времени на заседаниях Координационного совета секретных служб поднимался вопрос о целесообразности продолжения прослушивания. Ведь целый год кто-то ежевечерне должен был слушать Московское радио. По мнению заместителя начальника разведки Андреаса Киелланда Рюгга (он заменял своего шефа на заседании совета 4 февраля 1957 года), сил тратилось много, а пользы было очень мало.

Но две недели спустя Вильгельм Эванг уже сам присутствовал на заседании и высказал другое мнение, что очень многие из тех, кто получают рефераты службы прослушивания, извлекают из них пользу, поэтому решено продолжать прослушивание по той же схеме. Удовольствие стоило 45–50 тысяч норвежских крон в год, и кое-кому в Координационном совете сумма казалась «заоблачной». Но все-таки окончательный вывод был таков: прослушивание предоставляет уникальную возможность узнать, какие процессы назревают в советском обществе, то есть получать информацию, которую другим способом очень сложно раздобыть.

Поэтому еще несколько лет подряд прослушивание продолжалось, и три новых студента получили возможность иметь дополнительный заработок параллельно с учебой. Они-то и продолжали составлять рапорты о том, что «посылали» с Востока Эйвинд Свендсен, Кристиан Халдорсен и другие работники Московского радио, выходя в эфир три раза за вечер¹.

После Второй мировой войны разведывательная служба Норвегии оказалась впереди многих других стран в деле систематического

прослушивания советского вещания. Позже прослушивание передач Московского радио стало частью нового масштабного проекта НАТО. Прослушивая радио, натовцы анализировали пропаганду, ведущуюся Советским Союзом, а также малейшие изменения политического курса Москвы. Но не только руководство НАТО интересовалось «новостями» из Москвы. Драматические события в Польше, в районе Суэцкого канала и в Венгрии показали, как отмечал МИД Швеции, что традиционные пресс-бюро не поспевают за радиостанциями, которые передавали информацию очень оперативно. Поэтому шведский МИД задался вопросом: насколько эффективней радионовости по сравнению с новостями ежедневной прессы? Проект МИДа Швеции был самостоятельным исследованием, не зависящим от стандартного прослушивания зарубежных радиостанций, которое велось шведским генштабом, собиравшим информацию военного характера. Вокруг проекта была организована «структура, которая должна была разрабатывать методы психологической войны»².

В конце 1950-х годов Хенри Вален, Кнут Дал Якобсен и Нурманн Ветти, уже получившие образование, делали карьеру в академической сфере, а в службу прослушивания на их место пришли новые люди. Кроме «ветерана» Харальда Рённинга летом 1959 года прослушиванием Московского радио постоянно занимались Эйнар Гримсгор и Туре Ойнес. В 1956 году часовая плата за эту работу выросла с 7 крон до 9, но в 1959 году «радиореференты» потребовали более значительного повышения оплаты труда. В письме на имя заведующего отделом МИДа Уле Олгора они, кроме обычной аргументации, связанной с ростом цен и зарплат, обращали особое внимание на то, что «произошло значительное расширение тематики радиопрограмм», что привело к увеличению времени подготовки реферата прослушивания.

К тому же на Московском радио почти перестали давать повторы передач, а освободившееся время вещания «посвящается зачастую политическим темам, например в форме совершенно новой серии программ “Актуальное за неделю” и “Современное рабочее движение”. В некоторые периоды, например во время визитов делегаций в СССР, во время партийных съездов, рабочая нагрузка становится очень большой».

Вдобавок Московское радио сдвинуло сетку вещания ближе к ночи, так что последняя передача выходила в эфир в половине двенадцатого, и «радиослушателям» приходилось работать над рефератом до часу ночи.

«Работа референта в какой-то мере потеряла характер просто дополнительного заработка, который легко комбинируется с нормальным рабочим днем или учебой тех, кто этим занимается», — пи-

сали три «слушателя», требуя повышения часовой оплаты труда до 12 крон. Аргументы действовали, и начальник отдела Олгор согласился пойти навстречу пожеланиям студентов³.

Летом 1959 года норвежским властям было особенно важно день за днем следить за тем, что думают и говорят в Москве. В 1955 году норвежский премьер-министр Эйнар Герхардсен посетил Советский Союз, и теперь шла подготовка к ответному визиту Никиты Хрущёва. Но в начале весны 1959 года тон «речей» Московского радио по поводу отношений между Норвегией и Советским Союзом стал довольно резким. 6 апреля комментатор Борис Сергеев еще раз прошелся по аргументации сторонников членства Норвегии в НАТО, которые-де хотели «защититься от опасности с Востока». «И эти обвинения направлены против нашей Родины, которая потеряла 11 тысяч своих сынов во время освобождения Норвегии», – возмущался Сергеев⁴.

В Норвегии многие приветствовали предстоящий визит Хрущёва, но считали необходимым обратить внимание советского лидера на недостаток демократии в его собственной стране и на расправу с оппозицией в Венгрии и Польше. Особенно резкими в своей критике советской политики были такие норвежские издания, как «Вестник норвежского торгового флота», «Верденс Ганг» и консервативная газета «Моргенбладет».

По плану Хрущёв должен был посетить все северные европейские страны, но 19 июля советский МИД собрал в Москве послов (или их заместителей) Норвегии, Дании и Швеции, чтобы сообщить, что запланированный визит не состоится по причине развязанной кампании травли Советского Союза. Московское радио дало подробную информацию о причинах отмены визита и в последующие дни продолжало давать комментарии, разъясняя слушателям произошедшее.

Также не состоялся запланированный визит Хрущёва в Финляндию, но Московское радио во время второго эфира 19 августа подчеркнуло, что визит в Финляндию не состоялся, потому что были отменены визиты советского лидера в другие северные страны, а не из-за того, что советское руководство недовольно финской политикой⁵.

Всю осень 1959 года Московское радио продолжало яростную кампанию против тех, кто «вынудил» Хрущёва отказаться от визита в Норвегию. 12 ноября передали сообщение, что советский лидер собирается весной 1960 года посетить Францию и что парижские газеты отзываются о визите доброжелательно. Газеты писали, что советский лидер может по своему усмотрению выбирать города, заводы и фабрики, которые он хотел бы посетить во Франции. В тот же период Московское радио взяло интервью у председателя профкома механического завода «Верфи Акера» Рагнара Калхейма, который нахо-

дился с визитом в Риге. Бывший коммунист и сторонник Фуруботна Калхейм не пожалел пороха и «дал залп» по всем «реакционным кругам в Норвегии», которые в результате своей антихрущевской кампании сами оказались «политическими банкротами»⁶.

Многие высказывания и комментарии Московского радио по поводу отмененного визита Хрущёва внимательно анализировались в Норвегии. Норвежцы заметили, что Московское радио гораздо подробней и немного иначе объясняло произошедшее – не так, как новостные бюро. Это тоже подтвердило важность прослушивания. Иногда и раньше в передачах попадались довольно «безобидные» на первый взгляд сообщения, которые затем расценивались как важные политические сигналы.

15 октября 1957 года Московское радио рассказывало о скандинавской археологической экспедиции, недавно побывавшей на Свальбарде (Шпицбергене). В передаче профессор Хелмер Тегенгрэн из Турку (Финляндия) сообщил, что там были обнаружены следы старинных поселений 1800-х годов, которые основаны русскими промысловиками – поморами. Сотрудники МИДа Норвегии тщательно изучили содержание передачи, потому что знали, что заявления такого рода по Московскому радио могут быть важным сигналом. Похоже, что Советский Союз хочет с новыми силами претендовать на то, что на Свальбарде существуют давние русские традиции, хотя Свальбардская конвенция (Шпицбергенский трактат) 1920 года и провозгласила норвежский суверенитет над архипелагом, лежащим на самом севере Баренцева моря⁷.

В конце 1950-х годов Советский Союз находился в зените своей мощи. В нескольких областях, прежде всего космической и военной, Советы могли составить Западу реальную конкуренцию. США и другие страны НАТО также боролись с влиянием СССР во многих бывших колониях, которые освобождались от колониальной зависимости. В этой борьбе Московское радио было важным игроком. 19 апреля 1958 года Москва начала вещание на африканские страны по-французски и по-английски, а с 1960 года также и на суахили. Количество языков, на которых Московское радио выпускало передачи, достигло своего пика – их стало 70. Вещание велось из Советского Союза, стран Восточной Европы, а впоследствии – и с острова Куба.

Ресурсы, которые получало в свое распоряжение Московское радио, были весьма значительными. Это позволяло приглашать новых работников, чтобы улучшить качество передач. Кроме того, появилась возможность перевести редакции в новые, более современные помещения. В начале 1960-х годов начался переезд некоторых ре-

дакий из ветшавших помещений в Путинковском переулке в новое десятиэтажное здание на Пятницкой улице к югу от Москвы-реки. Укрепившиеся «экономические мускулы» позволили построить большие помещения для радиоредакций, вещавших на страны третьего мира. Скандинавская же редакция осталась на старом месте, но зато из Норвегии, Швеции и Дании приезжали новые работники. В шведской редакции появились Вера и Юлиус Роландеры (супружеская пара), а также писатель Тюре Эрикссон, в норвежской начал работать Пер Линд.

Послужной список Пера Линда содержал два пункта, необходимые для того, чтобы стать сотрудником норвежской редакции Московского радио: он был членом молодежной организации Норвежской коммунистической партии, и у него имелся требуемый минимум образования – он закончил гимназию. Кроме того, 23-летний Пер Линд уже имел трудовой опыт – он успел поработать учителем. И на этот раз посредником между Московским радио и посольством СССР в Осло с одной стороны и Норвежской коммунистической партии с другой стал ветеран НКП Юст Липпе. Что же касается материальных условий работы в Москве, то они были хорошие. Перу Линду полагалось 240 рублей в месяц за работу диктора, кроме того, отдельно платили за переводы и репортажи. А за квартиру, которую ему вскоре выделили в новостройке в районе Ленинского проспекта на юго-западе Москвы, нужно было платить символическую плату – 12 рублей. На практике 240 рублей в 1960 году «весили» гораздо больше, чем 1000 рублей, которые получал Готфред Хёльволл в военные годы.

Линду, как и Кристиану и Берит Халдорсенам, пообещали выплачивать часть зарплаты в норвежских кронах, которые можно было отсылать домой в Норвегию. Если перевести рубли в кроны по официальному тогдашнему курсу, то вполне можно было сравнивать оплату работы на Московском радио с зарплатой норвежского учителя.

То, что работа на радио не будет похожа на дом отдыха, Пер Линд уже знал из отчетов других норвежцев, поработавших на Московском радио. Рабочая неделя была шестидневной, рабочая смена – или с 12 до 22 часов, или с 16 до 24 часов. Можно было выбрать, какой день сделать выходным – субботу или воскресенье. Пер Линд выбрал субботу. Когда он появился в Москве, было решено делать одну передачу специально для Северной Норвегии и выпускать ее в эфир пораньше. Другие программы выходили в эфир между 21 и 23 часами. Теперь все заранее записывалось на пленку, чтобы обезопасить себя от возможных ляпов.

Содержание работы быстро разочаровало Пера Линда. Хотя он приехал в Москву в хрущевскую «оттепель», все, что ему довелось слышать по радио Москва, он считал чистой пропагандой. «Никаких общих встреч в редакции для обсуждения того, что следует выпускать в эфир, вообще не было. Основная часть материала просто “спускалась сверху”», – рассказывает Пер Линд. Тогда же он обратил внимание, что волна Московского радио подчас просто-напросто не ловится. Снижающееся число писем-откликов показывало, что слушатели «исчезают». Было трудно даже немного смягчить тон передач, хотя он и другие норвежцы старались для этого делать все возможное⁸.

В период работы Пера Линда в редакции было два влиятельных человека: Илья Лупанин и Лев Капитонов. Капитонов получал указания от руководства, что следует давать в эфир. Начавшееся восприятие Никиты Хрущёва подозрительно напоминало культ личности Сталина, который Хрущёв сам же и осудил. В передачах один за другим передавались отрывки из его речей, которые популярный тогда еще Хрущёв произнес по какому-либо случаю. Несколько раз Пера Линда забирали из дома рано утром, потому что надо было срочно готовить отрывок речи партийного лидера.

Пер Линд приехал в Москву с весьма слабым знанием русского, но с помощью такой учительницы, как фру Флиг, он быстро подтянул язык. Всегда на месте были русские контролеры, проверяющие все, что шло в эфир. Еще Пер Линд заметил, что многие важные вещи не доходят до микрофона. Драматизм XXII партийного съезда в октябре 1961 года, закончившегося под аккомпанемент испытательного взрыва мощнейшей бомбы на Новой Земле, лежащей к востоку от норвежского Вардё, не нашел отражения в передачах. На съезде окончательно произошел разрыв между двумя коммунистическими гигантами – Советским Союзом и Китаем, но Московское радио еще долго пыталось сглаживать эти противоречия. Хотя все интересующиеся политикой люди говорили об этом как о решенном деле.

Книги бывшего заключенного ГУЛАГа Александра Солженицына обходили молчанием. Гораздо легче было говорить о «ничем не запятнавших себя» советских писателях, таких как лауреат Нобелевской премии Михаил Шолохов. Можно было также вспоминать чистых классиков – Пушкина и Достоевского – или политически корректного Нурдала Грига – это были постоянные темы передач Московского радио.

Пер Линд приехал в Москву с большими амбициями: молодой норвежский коммунист хотел конкурировать с НРК. Но, как и многие другие норвежцы, появившиеся в Москве после войны, он быстро понял, что «свободно дышать» на Московском радио

можно только в спортивных программах. Спорт, и Пер Линд это знал, «хорошо идет» в Норвегии. Наверное, он был самым «квалифицированным» журналистом в этой сфере из всех работавших на Московском радио норвежцев. С помощью немецкой редакции Московского радио ему удалось сделать репортаж о талантливом спортсмене Хельмуте Рекнагеле из Восточной Германии. Лыжник, который к удивлению многих прыгал с трамплина, не прижимая руки к бокам, как это принято, а вытянув их вперед, вызывал в Норвегии большой интерес.

Другой темой, за которой следили в Норвегии, были коньки. На гигантском стадионе имени Ленина* Пер Линд встретился с легендарными спортивными комментаторами НРК – Кнудом Бьорнсенем и Пером Юрсеттом. Они вели себя довольно официально, но были вежливы по отношению к журналисту радиостанции, о которой вряд ли вообще слышали. Пер Линд потом узнал, что эти двое, как впрочем и другие гости, жаловались на плохое качество еды и «мучились животом» во время визита в советскую столицу. Но Перу Линду показалось, что он почувствовал другое «амбре», чем то, что связано с плохим пищеварением, когда во время чемпионата мира по конькобежному спорту в 1962 году заглянул к ним в комментаторскую кабину. Пера Линда тогда больше всего интересовал норвежский «провал» в забеге на 500 м, когда стайеры Фред Антон Майер и Йонни Нильссон показали неслыханно низкие результаты: Майер – 47,1 сек., Нильссон – 47,5 сек.! Но Нильссон потом смог показать класс: он выиграл забег на 10 тыс. м.

Пер Линд очень гордился, что через голландскую радиоредакцию ему удалось сделать интервью с чемпионом мира по конькобежному спорту 1961 года Хенком ван дер Грифтом, который хорошо говорил по-норвежски. Пер Линд знал, что такой материал норвежские радиослушатели ценят гораздо больше, чем бесконечные пересказы того, что партийный вождь Никита Хрущёв сказал во время визита в одну из советских республик.

Все спортсмены, к которым он обращался, были приятно удивлены, когда он представлялся как репортер одной «неизвестной норвежской радиостанции». Пер Линд с радостью вспоминает встречу с капитаном сборной команды Норвегии Турбьорном Свендсенем и с представителем Норвежского футбольного союза Эйнаром Йорумом сразу после матча 1 июля 1961 года, когда Норвегия проиграла со счетом 2 : 5 советской сборной.

---

* Стадион «Лужники».

Сильное впечатление на Пера Линда произвели открытый антисемитизм и расизм в советском спорте. Во время одного соревнования по боксу в Москве, когда русский спортсмен встречался с боксером, чья фамилия выдавала его возможное еврейское происхождение, болельщики кричали русскому спортсмену: «Двинь ему так, чтобы летел в свой Израиль!» Также дико было слышать, как москвичи во время матча между футболистами «Динамо» Москва и «Динамо» Тбилиси кричат «Черные!» гостям из Грузии. Называть уроженцев Кавказа «черными» считалось в порядке вещей у обычных русских.

Но были и моменты гордости за то, что он, Пер Линд, – сотрудник Московского радио. 12 апреля 1961 года по советскому радио вновь зазвучал могучий голос Юрия Левитана с сообщением о том, что Советский Союз снова совершил неслыханный прорыв: Юрий Гагарин стал первым человеком, побывавшим в космосе! Теперь-то Пер Линд и его коллеги знали, что их слушают очень многие в Норвегии, поэтому полету Гагарина вокруг Земли, который длился 108 минут, уделили максимальное внимание. Правда, Пер Линд вспоминает, как они, сотрудники Московского радио, шептались по углам, что власти могли бы использовать деньги на что-то более полезное и практичное, чем на полет человека в космос.

В начале 1960-х годов жилищная проблема во многих городах по-прежнему была острой, а чтобы купить товары первой необходимости, приходилось стоять в огромных очередях. Для Пера Линда и других иностранцев этой проблемы почти не существовало. Они могли ходить в спецмагазины, куда нужно было иметь пропуск. Спецмагазины были разные: некоторые предназначались для самого высшего эшелона коммунистической партии или центральной администрации, другие – для иностранцев, проживающих в СССР, и иностранных туристов. Пер Линд видел, как однажды грубо «отшили» двух солдат, которые попытались зайти в такой магазин. «Как вы можете делать такое здесь, в социалистическом государстве?!» – закричал Пер Линд охраннику, который в конце концов признал, что это была его ошибка. Все знали, что партийные бонзы имеют свободный доступ к таким потребительским товарам, как одежда, обувь, электроприборы и особенно мебель, о которых остальной народ мог только мечтать. Но об этом можно было только шептаться по углам.

Пер Линд часто встречал функционеров из НКП, которые приезжали с визитами или учились на каких-либо курсах в советской столице. Дома в Норвегии многие из них жили очень скромно, но в Советском Союзе скандинавский отдел КПСС старался, чтобы их принимали с большой pompой. Часто для их встречи на аэродром вы-

сылалась машина, они жили в самых лучших отелях с полным пансионом, включая даже напитки.

Пер Линд много раз слышал, что его товарищи по партии, вернувшись домой из поездки в Москву, рассказывали, как хорошо в Советском Союзе. Он же во время своих многочисленных поездок видел обратную сторону медали. Страна, отправлявшая людей в космос, не справлялась с задачей накормить своих граждан и обеспечить их жильем.

В одном Пер Линд сильно отличался от других работников Московского радио: он без устали тренировался, особенно много катался на велосипеде. Пер Линд «наматывал» многие километры, мчался по Ленинскому проспекту к аэропорту Внуково, чтобы затем, миновав его, выехать на сельские дороги. Один раз дело чуть не кончилось трагедией: он попал под экскаватор. Пера Линда отправили в Боткинскую больницу, где его заново «сшили». Потом было судебное разбирательство: горемыку-экскаваторщика обвинили в неосторожности, ему грозило несколько лет тюрьмы. Но Пер Линд считал, что нет смысла так наказывать неимущего человека. По окончании суда экскаваторщик вышел из зала свободным человеком, лишь заплатив штраф в 90 рублей.

В Москве было куда пойти: везде кипела концертная и театральная жизнь. Театр переживал во времена Хрущёва свою весну, режиссеры пробовали нащупать новые границы политически дозволенного. Перу Линду повезло стать свидетелем первых лет легендарной Таганки. Под руководством режиссера Юрия Любимова при участии позднее широко известного певца Владимира Высоцкого, который тогда был в театре ведущим актером, создавалась история театра, отзвуки которой слышатся до сих пор в культурной жизни Москвы. А где еще можно было собрать 20 тысяч человек на вечер поэзии? Евгений Евтушенко читал стихи на стадионе имени Ленина, битком набитом людьми. Пер Линд сам слышал этого большого поэта, декламирующего знаменитую поэму о массовом убийстве евреев в Бабьем Яру под Киевом. А ведь советская официальная историография почти не уделила этому событию внимания.

После отъезда Кристиана Халдорсена домой в Москву остался костяк дикторов – Ксения Александрова, Марианна Александрова, а также Герда Странд Йохансен и Пер Линд. Спустя год после рождения сына Яна Май Весенберг родила еще одного мальчика, поэтому работала на радио лишь время от времени как переводчик. Иногда в редакции для выполнения каких-либо переводов появлялся и Йохан Странд Йохансен.

Йохансен стал в Норвегии заместителем секретаря Норвежской коммунистической партии, но в 1955 году он переехал в Москву. Его тут обещали подлечить: у него появились какие-то проблемы с психикой*. ЦК КПСС взял на себя полную ответственность за Странда Йохансена. Сам же старый коммунист имел большие планы: он собирался перевести коммунистических классиков на норвежский. 2 февраля 1956 года Арне Петтерсен написал ему от имени НКП письмо, в котором интересовался, есть ли возможность перевести несколько работ Иосифа Сталина на норвежский. Петтерсен не имел ни малейшего понятия о том, куда дует ветер. Спустя три месяца Хрущёв «убрал» Сталина с глаз долой. Больше никто о переводах работа Сталина на другие языки не заикался⁹.

Йохан Странд Йохансен часто писал домой своим товарищам по партии. Он советовал ЦК КПСС приглашать из стран Северной Европы саамские делегации, чтобы те могли познакомиться с жизнью советских саамов. «Норвежские саамы угнетаются. 3–4 саамские семьи владеют всего одним оленем», – писал Йохансен, считая, что такую тему советские власти могут использовать в политических целях¹⁰.

Работники Московского радио помнят Йохана Странда Йохансена как пожилого, сильно сдавшего человека с беретом на голове, который сознавал, что пребывание в нацистских лагерях и суровая жизнь политического активиста подорвали его жизненные силы. Через ЦК КПСС ему выделили квартиру недалеко от сталинской высотки, в которой находился МИД. К нему туда переехала и Анна Георгиевна Питерская, новая спутница жизни. Скромной пенсии в 120 рублей им едва хватало на жизнь.

Кристиан Халдорсен и Пер Линд помнят, что старый коммунист из Трёнделага мог подчас блеснуть интеллектом, дать точный анализ ситуации. Несколько раз Йохан Странд Йохансен чувствовал себя

---

* Странд Йохансен был организатором предвыборной кампании коммунистов в 1949 году, он же был одним из организаторов «чистки» партии, когда вместе со своими сторонниками просто вышвырнул из партийных помещений Фуруботна и его сторонников. В 1949 году в Норвежской коммунистической партии произошел раскол, и Фуруботн был исключен из партии вновь избранным руководством НКП. Уже тогда у Странда Йохансена случались приступы истерии. После парламентских выборов в 1953 году многие замечали, что психика Странда Йохансена стала еще более неустойчивой, но связывали это с его переживаниями по поводу провала партии на выборах. В 1953 году даже звучали предложения насильно отправить его «в деревню» подлечиться или «экспортировать» в СССР. Хотя Странд Йохансен был выбран заместителем руководителя партии в 1953 году, он отказался от должности в 1955 году и отправился на лечение в СССР. Он оставался в Москве вместе со своей русской женой, не играя никакой политической роли до самой смерти.

настолько хорошо, что даже приглашал норвежских сотрудников Московского радио в гости к себе домой. Но к концу 1960-х годов он стал все больше сторониться людей и 12 февраля 1970 года после непродолжительной болезни умер¹¹.

Пер Линд приехал в Москву с норвежской женой и дочкой Хейди, но его брак вскоре распался. Обрато в Норвегию Пер Линд уехал с новой женой Галиной. Она тоже работала на Московском радио: была секретаршей в редакции. Найти работу в Норвегии Перу Линду было непросто. Ведь пока он работал на Московском радио, за ним внимательно следила служба безопасности.

Хотя у Пера Линда не оставалось никаких иллюзий насчет советской системы, он, тем не менее, пошел работать секретарем Общества дружбы Норвегия – СССР¹².

Кто-то сказал, что Москва и Россия – как малярия: болезнь, от которой нельзя избавиться. Пер Линд тоже не нашел нужного лекарства.

НЕИЗВЕСТНАЯ ЧАСТЬ ИСТОРИИ НОРВЕЖСКИХ СМИ

Берит и Кристиан Халдорсены покинули Москву 12 апреля 1961 года – в день, когда советский летчик Юрий Гагарин стал первым космонавтом на Земле. Значит, Советский Союз при всех перекосах и проблемах, с которыми они познакомились, пока жили три года в Москве, все-таки может выйти победителем из военной гонки с США, то есть с капиталистическим миром? Получается, они – работники Московского радио – «несли» слушателям правду? Первое в мире социалистическое государство действительно движется вперед семимильными шагами?¹

20 августа 1960 года в Норвегии состоялось официальное открытие телевидения на базе НРК. Это было начало новой эпохи для норвежских СМИ. Теперь у радио появился серьезный соперник – «живая картинка». А ведь в 1950-х годах радио являлось единственным вечерним развлечением. Причем радиоприемники в норвежских домах ловили в том числе и волны иностранных радиостанций, которые зачастую были отмечены на лицевой панели радиоаппаратов. Теперь же телевидение начало завоевывать все большее внимание населения, хотя поначалу телевидение НРК ограничивалось всего 8 часами в неделю.

Сотрудникам Московского радио приходилось теперь сражаться на нескольких фронтах, чтобы «пробиться» к слушателям. Проблема была не только в невозможности «приспособить» передачи к норвежской аудитории, что с разочарованием отмечал не только Пер Линд, но и многие другие норвежцы. Теперь уже нельзя было, как в 1950-е годы, случайно «зацепить» радиослушателя, который из любопытства крутит тумблер настройки в поисках чего-нибудь интересного, а предложений не густо. Поэтому Московское радио все больше «скатывалось на обочину». С начала 1960-х годов норвежская разведка и МИД Норвегии прекратили прослушивание передач из Москвы.

Однако Московское радио пыталось приспособиться к новой ситуации. Одну передачу, предназначенную для слушателей Северной

Норвегии, передвинули на послеобеденное время, одновременно обсуждались планы начать телевещание на норвежском языке. Телевидение в Норвегии тогда находилось на начальной стадии, а на севере страны делало самые первые шаги. Поэтому планы о московских телепередачах на норвежском языке для Северной Норвегии вызвали обеспокоенность в Норвегии и не только. Американский посол в Норвегии Маргарет Джой Тиббетс подняла этот вопрос на встрече с норвежским министром иностранных дел Халвардом Ланге. Ланге ответил, что обсуждал тему с руководством норвежского телевещания и потребовал ускорения строительства телестанций на севере.

Но все равно, речь тут не могла идти о большом количестве телезрителей. На практике принимать передачи, транслирующиеся телестанцией на советской стороне границы, могли только жители Сёр-Варангера и районов, расположенных вблизи полуострова Варангер².

Отдельные политики правого крыла выступали тогда с заявлениями, что Советский Союз может вести пропаганду на Норвегию. Йон Скард в газете «Верденс Ганг» 7 марта 1966 года продолжил дискуссию, предложив НРК ответить на передачи Московского радио передачами на русском языке в коротковолновом диапазоне, направленными на русских слушателей. Также и Одд Берсет, который тогда жил в Киркенесе, предупреждал, что не стоит недооценивать передачи из Москвы.

«Несмотря на то что норвежские гости Московского радио очень осторожно высказываются в передачах из Москвы, интервью с ними встраиваются в программы так, чтобы использовать их в пропагандистских целях».

Правда, Берсет добавлял, что не думает о наличии у норвежцев «какого-то значительного интереса к программам», хотя «в художественном отношении качество этих программ очень высоко»³.

Число слушателей Московского радио уменьшалось, но для норвежских коммунистов работа на Московском радио была по-прежнему возможностью провести несколько лет в стране, где свершилась революция. Сначала рядом с Пером Линдом появился Рагнар Виик, а позднее на радио стал работать и Трюгве Андерсен. Приехавшая в Москву на учебу в партийную школу Лайла Ульсен была частым гостем в редакции. Через какое-то время они с Рагнаром Вииком стали жить вместе.

Чувствовалось, что напряжение вокруг московского вещания исчезает по мере все большего торможения и окостенения политического развития Советского Союза. После визита в Норвегию в октябре 1964 года Никита Хрущёв был смещен с постов главы правительства

и первого секретаря ЦК КПСС. К рулю встал новый «кормчий» – Леонид Брежнев, «оттепель» на этом закончилась. Советское общество стало входить в своего рода застойный период, похожий на сон Мертвой царевны: если относиться ко всему спокойно и принимать вещи такими, как они есть, то можно вполне нормально жить. Рагнар Виик, как и многие другие «приезжие» работники, был убежденным коммунистом, но вернулся домой не таким ортодоксом, он уже не кидался защищать советскую систему по каждому поводу¹.

Норвежские передачи Московского радио продолжали выходить в эфир по накатанной схеме, а слушателей становилось все меньше. И содержание передач уже вряд ли доходило до сведения норвежских властей. Прошло всего десять лет, но какая разница! Когда-то министр иностранных дел Халвард Ланге требовал, чтобы рефераты прослушивания каждое утро были у него на столе.

Май Весенберг давно оставила надежду изменить форму подачи материала или содержание передач. Главной ее целью было теперь «перетащить» Карла и их двоих сыновей в Норвегию. Процесс затягивался. Карл Снядый был советским гражданином, и хотя он в конце 1950-х годов получил письмо «из органов» о том, что его отец Иеронимус Снядый был осужден и казнен незаконно, на талантливом сотруднике датской редакции Московского радио будто все еще стояло клеймо «сын врага народа».

Да и непросто было ломать устроенную и относительно благополучную жизнь в Советском Союзе. Кроме того, Карл был глубоко привязан к стране своего рождения. Их сыновья оказались очень талантливыми мальчиками. Все вокруг удивлялись их познаниями о мире растений. А еще старший сын Ян унаследовал музыкальный талант своего отца и ходил в престижную музыкальную школу имени Дунаевского. В их тесной квартире появилось пианино из Восточной Германии – самый лучший инструмент из тех, что можно было тогда достать.

Карл одинаково хорошо владел двумя языками, поэтому они с Май стали своего рода «оракулами» по всем вопросам перевода с русского на датский и норвежский и обратно. Карл к тому же стал официальным переводчиком правительственной делегации, когда Никита Хрущёв в 1964 году наконец осуществил свой давно запланированный визит в скандинавские страны.

Квартира Май и Карла на Новопесчаной улице была местом встречи для всех москвичей, которые интересовались скандинавской культурой. К ним также часто наведывались и посещающие советскую столицу датчане. Для Май и Карла важно было иметь дополнительный заработок, поэтому кроме переводов на радио они зани-

мались переводами фильмов. Эта работа не была связана с работой на Московском радио, но именно сотрудников Московского радио приглашали для подготовки титров к советским кинофильмам, «выезжающим» за рубеж. Здесь Май и Карл могли работать вместе. На радио Май не могла работать комментатором и получать соответственно плату за это. Комментаторскую работу там выполняла чаще всего Ксения Александрова⁵.

Для обстановки своей квартиры Май и Карл раздобыли раскладной диван. Раскладные диваны, изготовленные рижской фабрикой, были дефицитом в тесно живущей Москве. За ними выстраивались огромные очереди, если это чудо появлялось в каком-либо магазине.

В квартире имелось также два балкона: один выходил на улицу, другой – во двор. С балкона во дворе можно было смотреть прямо в квартиру напротив, где жила близкая подруга Май Весенберг – Эми Лорентссон. Эта говорившая по-шведски седая дама с немецко-балтийскими корнями была в 1930–1940-е годы секретарем у самой Александры Коллонтай. Теперь же Эми получала маленькую пенсию, но и не думала переехать из Советского Союза в Швецию, где когда-то жила и где познакомилась с легендарной советской женщиной-дипломатом⁶.

После того как Эмиль Лёвлиен – последний представитель коммунистов в Стортинге – потерял в 1961 году место в парламенте, Норвежская коммунистическая партия превратилась, можно сказать, в секту. Многие талантливые члены партии продолжили свою деятельность в различных профсоюзах и организациях. Благодаря щедрой помощи Москвы ежедневно выходила и продержалась до 1967 года газета норвежских коммунистов «Фрихетен». К тому же норвежские коммунисты всегда могли получить работу переводчика в советском новостном бюро* или в информационном еженедельнике «Совьет-Нютт**», который издавался советским посольством в Осло на улице Драмменсвейен.

Когда Кристиан Халдорсен, не получивший «с подачи» службы безопасности в 1960 году работу в Норвежском объединении ко-

---

* АПН – Агентство печати Новости было образовано в 1961 году на базе Совинформбюро. Во времена СССР в АПН под прикрытием статуса журналиста иногда работали советские разведчики. В 1990 году агентство было преобразовано в Информационное Агентство Новости – ИАН, в 1991 году – в агентство РИА Новости.

** Газета являлась еженедельным изданием, которое выпускал пресс-отдел посольства СССР в Норвегии в 1951–1990 годы. Этот еженедельник сменил прежнее издание «Новости Советского Союза» (1946–1951). Газета являлась рупором официальной политики Советского Союза, отдельным приложением к ней издавались речи советских руководителей.

оперативов, вернулся из Москвы домой, его как раз и выручила работа в советском новостном бюро. Посольство СССР в Осло также поручало ему работу переводчика, когда нужно было сопровождать кого-то из дипломатов во время выступлений где-либо в Норвегии. Хотя Кристиан Халдорсен считал себя по-прежнему коммунистом, его вера в то, что Норвежская коммунистическая партия может быть действенным инструментом в борьбе за лучшее будущее, начала испаряться. В 1964 году, после нескольких лет, проведенных на родине, он вместе с женой вышел из НКП и вступил в Рабочую партию⁷.

Смена партийной принадлежности не уменьшила интерес службы безопасности к этой супружеской паре, скорее наоборот. Ведь еще неизвестно, по каким мотивам они перешли в Рабочую партию, в стан тех, кого они раньше считали предателями рабочего класса. Вполне возможно, что, находясь в рядах Рабочей партии, они начнут «лить воду на мельницу» Советского Союза и в перспективе хотят занять ключевые позиции в норвежском обществе? Поэтому служба безопасности обеспечила себе хороших информаторов в окружении Берит и Кристиана Халдорсенов, чтобы выяснить, что же это был за маневр с их стороны⁸.

А Кристиан Халдорсен продолжал работать в советском агентстве «Новости», а временами и в Обществе дружбы Норвегия – СССР. Он делал это не только потому, что считал себя по-прежнему другом Москвы, но и потому, что другой работы не было. Он было попытался получить работу волонтера в Центральном статистическом бюро, но как только сообщил директору бюро Одду Аукрюсту о своей службе на радио в Москве, то сразу услышал, что слоняющиеся по коридорам бюро шпионы вроде него здесь не нужны⁹.

Потом он какое-то время работал в отделе объявлений газеты «Даг ог тид». Когда спустя несколько лет Кристиан Халдорсен стал генеральным секретарем Норвежской благотворительной организации для студентов-«технарей», это вызвало подозрения службы безопасности. Ведь организация, среди прочих задач, выступала за «упрочение солидарности и понимание между народами». Кроме того, выпускаемый для членов организации журнал сочли сомнительным, потому что «в нем легко прослеживается тенденция радикального толка в манере подачи материала и в его выборе». И до конца 1970-х годов бывший сотрудник Московского радио Кристиан Халдорсен находился под постоянным наблюдением. Причем когда за ним вели наружную слежку, то пару раз «теряли из виду при необъяснимых обстоятельствах»¹⁰.

Интерес службы безопасности к Кристиану Халдорсену был связан также и с «вызывающе удачной» карьерой его жены Берит. Сначала

она с должности директора Богерудского детского сада в Осло попала в руководство Норвежского союза учителей. В 1974 году она уже возглавляла отдел в Министерстве потребления и госуправления. В 1978 году бывшая сотрудница Московского радио сделала еще один шаг наверх и оказалась в верхнем политическом эшелоне: была назначена заместителем министра по муниципальной политике и труду.

В Рабочей партии Норвегии не одна только Берит Халдорсен имела прежде членство в НКП. Коммунистами в прошлом были люди, занимающие центральные позиции в профсоюзном движении – Ларс Шитойен и Тур Халворсен, которые позднее также стали заместителями министров. Правда, никто из них не проработал три года в Москве, как Берит Халдорсен. Поэтому ее феноменальная карьера в политике не осталась без пристального внимания спецслужб. Она, наверное, сама понимала, что должна обдумывать каждый свой шаг. И это несмотря на то что она много раз отрешивалась от своего коммунистического прошлого и всего того, что происходило в Советском Союзе. Как-то раз, когда она работала в Министерстве по муниципальной политике и труду, ее попросили заняться вопросами гражданской обороны и среди прочего вопросом создания бомбоубежищ для населения. Берит Халдорсен сама попросила, чтобы эту работу поручили кому-нибудь другому: «Разве вы не знаете, что я работала в Москве?»¹¹

Когда в августе 1968 года в Норвегию вернулась Май Весенберг, у нее тоже не было работы. Как и Кристиану Халдорсену, ей пришлось работать на советское агентство «Новости» и еженедельник «Совет-Нютт». Там она вынуждена была заниматься тем же, что ей опостылело в Москве: переводить статью за статьей про то, как чудесно живет в Советском Союзе. После 20 лет, проведенных в СССР, она хорошо знала, что многое из написанного – неправда, но выбора у нее не было. Никто не бегал за ней с предложением работы. Наконец, она нашла работу в Дейкманской библиотеке*, в которой она проработала чуть ли не до сегодняшнего дня и отвечала за закупку литературы на русском языке¹².

Когда в 1988 году умерла Берит Халдорсен, ее тогдашняя начальница, министр по социальной политике, Тове Странд Герхардсен** прислала в «Афтенпостен» некролог. «Ее карьерный маршрут до

---

* Название муниципальной библиотеки Осло – Deichmanske bibliotek. Эта крупнейшая библиотека, одна из самых старых в Норвегии. Была создана в 1785 году на базе книжного собрания Карла Дейкмана, переданного городу в подарок по его завещанию. Свои двери для публики библиотека открыла 12 января 1785 года.

** Тове Странд долгие годы была замужем за Руне Герхардсеном – сыном бывшего премьер-министра Норвегии Герхардсена и носила двойную фамилию.

высокой должности в министерстве был не таким, как у всех», – отметила Странд Герхардсен, ни словом не обмолвившись о трех годах работы Берит на Московском радио. В некрологе лишь вскользь упоминалось, что Берит Халдорсен несколько лет провела за границей. «Берит никогда не была сторонним наблюдателем, когда в жизни встречались трудности и проблемы», – писала Тове Странд Герхардсен о второй женщине в истории норвежских органов государственного управления, которая возглавляла администрацию министерства¹³.

Может быть, Берит и сама одобрила бы эти умолчания. Очень немногие из работавших на Московском радио норвежцев говорили об этом эпизоде своей карьеры. Они хорошо понимали, что ничего, кроме подозрений или в лучшем случае недоуменных вопросов эта информация не вызовет.

С конца 1960-х годов норвежцев почти перестали приглашать на работу на Московском радио через НКП. Только Герда Странд Йохансен продержалась в Москве дольше всех и вернулась в Норвегию после 20 лет работы в редакции. Потом она периодически посылала свою племянницу Хелен сходить в советское посольство на улице Драмменсвейен за скромной пенсией, положенной ей за работу на Московском радио¹⁴.

Хотя с 1960 года Советский Союз переориентировался на третий мир и практически оставил попытки завоевать симпатии норвежских радиослушателей, передачи на Норвегию продолжались до наших дней, уже после распада Советского Союза. В 1970–1980-х годах работа в скандинавской редакции была хорошим трамплином в карьере молодых амбициозных российских журналистов.

Среди них был и Дмитрий Киселёв. После нескольких лет работы на Московском радио корреспондентом в странах Северной Европы он сделал блестящую карьеру на российском телевидении. Сегодня он – заместитель руководителя телеканала «Россия»*. Другой пример – Александр Любимов, работавший когда-то в датской редакции. В хаотичные 1990-е годы он прославился как один из самых острых политических комментаторов. Насколько отличаются истории этих людей от судеб норвежских сотрудников Московского радио, вернувшихся из Москвы к себе на родину!¹⁵

Почти никто из норвежцев, работавших на Московском радио, потом никому не говорил о своей работе там – даже близким.

---

* Дмитрий Киселёв до 2012 года был заместителем генерального директора ВГТРК.

Исключением является Мартин Гуннар Кнутсен, который в своих мемуарах «Против течения» в 1984 году немного рассказал о том, как ему работалось на радио в начале 1950-х годов.

Передачи на норвежском языке, ведущиеся из Лондона во время Второй мировой войны, обрели почти легендарный статус, а передачи Московского радио практически не упоминаются в нашей военной истории. Короткий комментарий, который дала Анна Далланд НРК в Бергене в 1947 году, оказался ее единственным публичным выступлением. Трагическая история Гильберта Фуруботна, страдающего алкоголизмом и тоскующего по оставшимся в Москве дочкам, также не проливает света на его работу редактора в Доме радио близ Пушкинской площади в Москве.

Московское радио участвовало во Второй мировой войне и вместе со страной выиграло ее, но потом оказалось среди проигравших холодную войну.

Но все равно это радио – часть истории норвежских СМИ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

– А вы до сих пор существуете? – было моей первой реакцией на вопрос, не найду ли я время для интервью норвежской редакции «Голоса России» – так теперь называется Московское радио. Вопрос прозвучал после моего выступления в норвежском посольстве в Москве в июне 2007 года. Я дал интервью. Берта Тамашина, любезная женщина в возрасте, задавала вопросы по-русски, но отвечать я мог по-норвежски.

После интервью мы разговорились, я признался, что мне хочется больше узнать об истории передач на норвежском языке из Москвы. За несколько лет до этого я встречался с Май Весенберг, которая довольно неохотно делилась тем, что ей довелось пережить за свои более чем 20 лет работы переводчиком на Московском радио. Но ее рассказ заронил идею написать об этом, а после встречи с Бертой Тамашиной я начал собирать материал к этой книге.

Мне казалось, что будет трудно найти какие-либо документальные материалы об истории норвежской редакции в Москве, которая накануне Второй мировой войны начала делать передачи на Норвегию, содержащие и новости, и пропаганду. Но я ошибался.

Оказалось, что есть масса документов о содержании передач из Москвы. Вероятно, программы «оттуда» были лучше задокументированы, чем передачи на НРК. Виной тому – прослушивание: скрупулезная работа, которую организовали люди из норвежского МИДа и разведки. В 1951 году они начали методично собирать материалы по передачам Московского радио и анализировать его. Благодаря добрым помощникам мне удалось обнаружить эти документы. Они дают уникальную возможность «заглянуть» в советскую политику и советский образ мыслей тех драматических послевоенных десятилетий.

К тому же существует много документов в российских архивах, особенно о начальном, пионерском, периоде работы Московского радио.

В книге я использовал название «Московское радио», говоря о норвежской редакции, хотя это, может быть, и не совсем правильно. Это радио много раз меняло название. Например, вначале оно назы-

валось «Радиостанция имени Коминтерна», или Инорадио. А длинное наименование «Государственный комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР» было в ходу во времена, когда там работала Май Весенберг. Сегодня станция называется «Голос России».

В Норвегии как во время войны, так и в послевоенные годы станцию часто называли Московское радио, может быть, в несколько негативном ключе, воспринимая станцию как рупор советской пропаганды.

Многие люди помогли мне воссоздать живую картину жизни редакции, это прежде всего те люди, кто долгое или короткое время работал на Московском радио.

Май Весенберг заставила меня заинтересоваться этой темой. Позднее встречи с такими ветеранами радио, как Ксения Александрова, Эрна Фоссум Свендсен, Кристиан Халдорсен, Туре Ярл Биэленберг, Пер Линд и Ирина Гарденина, помогли оживить образы тех, кто творил историю радио. Всех, кто помогал мне какой-то информацией – в мелких деталях или крупном вопросе – я упомянул в списке источников.

Арне Бернхардсен разрешил мне прочесть письма его матери и бабушки времен их жизни в Москве в 1936 году, что позволило представить «робкое» начало норвежского вещания Московского радио, а также понять, как жилось людям в советской столице в годы террора и войны.

Все мы, кто работает на НРК – норвежском государственном теле-радиовещании – привыкли, что у нас есть замечательная библиотека. Здесь нужно отдать должное Тине Дал и ее замечательным коллегам, оказавшим мне помощь в поиске литературы, которую самостоятельно мне было бы весьма непросто обнаружить.

В Государственном архиве моим, можно сказать, активным напарником в деле поисков документов стал Йон Барстад, который смог найти новый интересный материал о норвежской радиоредакции в Москве.

Я очень благодарен за помощь, которую мне оказал профессор Свен Холтсмарк из Института оборонных исследований. Он помогал мне на начальной фазе сбора материалов, потом нашел время прочитать мою рукопись и высказал полезные конструктивные замечания.

Уле Мартин Рённинг из Архива и библиотеки рабочего движения и постдокторант Университета Трумсё Стиан Бонус – это те люди, кто щедро делился со мной информацией, давая полезные советы и подсказки. То же самое делали Ханс Фредрик Дал и Алексей Комаров.

Улав Буген из норвежского Музея Сопротивления нашел для меня выпускавшиеся нелегально газеты времен Второй мировой войны.

Чтобы найти нужные материалы в финском Министерстве иностранных дел, мне понадобилась помощь, и мне ее оказали Тээму Кокко и Юсси Пеккаринен.

Когда я искал документы о норвежской и скандинавской радиоредакциях в России, я встречал интерес к этой теме и желание помочь на всех уровнях. Берта Тамашина открыла для меня двери Дома радио на Пятницкой, 25, где ветеран радио Инна Заско показала мне документы и фотографии, связанные с историей радио.

Ларс Бьёрлин, который много занимался историей шведских коммунистов и Коминтерна, дал мне много ценных советов, касающихся работы в российских архивах.

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАПСИ) Лариса Решетило и ее высококвалифицированные сотрудники с большим желанием взялись помочь мне и даже сами нашли нужные материалы.

В Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) меня приняли с большой доброжелательностью, и я очень благодарен за помощь, которую мне оказали Михаил Прозуменщиков и Лариса Фирсова.

Все переводы документов с финского, немецкого и русского языков сделаны автором. При переводе с русского я использовал стандартную транскрипцию.

Российские архивы имеют следующие структурные единицы: фонд, опись и дело. «Фонд» часто обозначает организационную единицу, например отдел кадров Коминтерна. «Опись» – это тематическая часть фонда, например: норвежцы, связанные с Коминтерном или Московским радио. «Дело» – единица хранения, по моему опыту, это зачастую папка с персональным делом. В указаниях источников я ссылаюсь на фонд и дело, но называю их по-норвежски. Часто в «Деле» может быть несколько страниц, но я ссылаюсь только на нужные мне документы и их содержание.

Посольство Норвегии в Москве оказало мне большую поддержку, особенно я хочу поблагодарить Марит Санде за проявленный к проекту интерес.

Как обычно, Елена Гончарова помогала мне в тех случаях, когда нужно было написать письмо в адрес официальных властей.

Я очень благодарен многим людям, с которыми я сделал интервью, а также тем, кто дал мне уникальный фотоматериал, связанный с Московским радио. В Архиве и библиотеке Рабочего движения я

увидел многие исторические фотографии, которые для меня нашла Виви Ослунд.

Я получил экономическую поддержку для работы над книгой от Норвежского профессионального союза писателей и переводчиков, от объединения «Свободное слово» и от Института журналистики.

В сегодняшней Норвегии мало кто слышал о Московском радио, во всяком случае – очень немногие. Не знали о нем и в издательстве «Гюльдендал», когда я пришел с идеей сделать книгу на эту тему. Но потом шеф редакции Ян Свенссон загорелся этой мыслью. Мы много раз обсуждали с ним, как все это осуществить на практике. Как обычно, работая над рукописью, я получил надежную поддержку от Улава Баккена. Я также благодарен за корректуру текста Яну Руне Тислеволлу.

Много деталей и нюансов нужно учитывать, когда пишешь о недавнем прошлом, и я, публикуя эту книгу, несу, конечно, ответственность за все то, что написано здесь.

Я буду благодарен за отзывы и комментарии. Их можно прислать мне на электронный адрес: morten.jentovt@nrk.no

Уллевол Хагебю, декабрь 2011

Мортен Йентофт

ПРИМЕЧАНИЯ

На службе у советской пропаганды

- ¹ ПСТ. Дело 10204/d25. Asbjorn Jaklin. Isfront. Oslo, 2009.
- ² ГА РФ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 103.
- ³ Интервью с Пером Линдом от 08.03.2011.
- ⁴ Несколько интервью с Май Весенберг, в том числе от 02.02.2011.
- ⁵ Trond Bergh og Knut Einar Eriksen. Den hemmelige krigen. Oslo, 1997. Служба безопасности PST: папка с материалами по делу Кристиана Халдорсена, переданная Комиссией по раскрытию информации 15.12.2001, среди которых служебная записка Полицейского управления Нарвика от 30.01.1961.
- ⁶ ПСТ. Папка с материалами по Кристиану Халдорсену, переданная Комиссией по раскрытию информации, от 15.12.2001. Реферат передачи Московского радио от 17.07.1960.

Наш адрес: Дом радио, Москва

- ¹ Письмо Клары Далланд родственникам в Берген от 15.02.1939.
- ² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 462. Характеристика Анны Далланд, где указано, что в 1938 году она сначала работала на радио как машинистка. Письмо Клары Далланд родственникам в Берген от 15.02.1939. Все письма Далландов предоставлены Арне Бернхардсену – внуком Анны Далланд.
- ³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 462. Перепись населения 1910 года: <http://da.digitalarikivet.no>
- ⁴ Большой норвежский лексикон: www.snl.no/.nbl_biografi/Andreas_Paulson/utdypning
- ⁵ Pirjo Saariniemi. Pomor. Oslo, 1992 (red. Einar Niemi).
- ⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 462. Автобиография 20.08.1940.
- ⁷ Статья в газете "Friheten" 28.04.1975.
- ⁸ Ole Martin Rønning. Stalins elever (Ученики Сталина) – докторская диссертация. Университет Осло (UiO), 2010; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 462. Записка товарищу Корнильеву об Анне Далланд.
- ⁹ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 634/61, как указано в диссертации Уле Мартина Рённинга: Ole Martin Rønning. Stalins elever. UiO, 2010.

- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Письмо Эвы Далланд родственникам в Берген от 27.03.1936.
- ¹² Письмо Анны Далланд родственникам в Берген от 17.06.1936.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 462. Письмо Анны «Орстад» (Далланд) в отдел кадров Коминтерна 17.01.1941. Характеристика, выданная отделом кадров Коминтерна 27.01.1941, подписана Мольтке/Беловым; Yngvar Ustvedt. Arveidere under våpen. Norske frivillige i den spanske borgerkrigen. Oslo. 1975.
- ¹⁴ Ole Martin Rønning. Stalins elever. UiO, 2010; Eila Lahti-Argutina. Olimme joukko vieras vaan. Åbo, 2001; Morten Jentoft. Mennesker ved en grense. Oslo, 2005.
- ¹⁵ Письмо Клары Далланд родственникам в Берген от 19.03.1937.
- ¹⁶ Chase W. J. Enemy within the gates? New Haven/London, 2001.
- ¹⁷ Письмо Рандульфа Далланда родственникам в Берген от 04.06.1937.
- ¹⁸ Письмо Анны Далланд родственникам в Берген от 02.08.1937.
- ¹⁹ Интервью с Клавдией Бабаевой от 13.05.2011.
- ²⁰ Фотография Анны и Эвы Далланд была, по словам Эвы Далланд, сделана в 1938–1939 годах.
- ²¹ Письмо Анны Далланд Кларе Далланд от 05.05.1938.
- ²² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 462. Характеристика Анны Далланд от 20.08.1945, где указано, что она начала работать на радио в 1938 году, сначала как машинистка и переводчик.
- ²³ Письмо секретаря Норвежского Красного Креста Йенса Мейника-младшего Кристиану Далланду от 22.06.1939.
- ²⁴ Письмо Клары Далланд родственникам в Берген от 15.02.1939.
- ²⁵ Письмо Клары Далланд родственникам в Берген от 10.08.1939.

«Говорит Москва!»

- ¹ Morten Jentoft. Mennesker ved en grense. Oslo, 2005.
- ² Мы говорим со всем миром. М., 1999.
- ³ Ole Martin Rønning. Stalins elever. UiO, 2010.
- ⁴ Мы говорим со всем миром. М., 1999.
- ⁵ Больше всего сведений о начале работы скандинавской редакции Московского радио взято с сайта «Голоса России»: <http://swedish.ruvr.ru>
- ⁶ См.: Kaа Eneberg. Förnekelsen varn Stokholm. 2003. Здесь много материала о судьбе Григория Александрова и его детей, в том числе интервью с Нейликой, сводной сестрой Татьяны Стерниной.
- ⁷ <http://swedish.ruvr.ru> и интервью с Ириной Гардениной от 11.05.2011.
- ⁸ Голос, который знаком всему миру. М., 2009. Юбилейная антология, изданная по случаю 80-летнего юбилея первого вещания на иностранном языке из Москвы.

- ⁹ Edvard Hoem. Til ungdommen. Oslo, 1989.
- ¹⁰ Со временем появилось много литературы о Большом терроре и ГУЛАГе. См. напр.: Anne Applebaum. Gulag – de sovjetiske fangeleirene. Oslo, 2005; Morten Jentoft. De som dro østover – Kolanordmennenes historie. Oslo, 2001. Общий обзор можно найти на сайтах: http://en.wikipedia.org/wiki/Great_Purge; <http://no.wikipedia.org/wiki/Gulag>
- ¹¹ Интервью с Клавдией Бабаевой от 13.05.2011.

Нужно «почистить» Коминтерн!

- ¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 6. Письмо Йохана Странда Йохансена в отдел кадров ИККИ от 28.01.1938.
- ² Там же. Письмо Йохана Странда Йохансена международной контрольной комиссии в ИККИ от 30.10.1937.
- ³ Там же. Справка от 16.10.1937.
- ⁴ Там же. Письмо Йохана Странда Йохансена Вильгельму Флорину от 01.02.1938.
- ⁵ Torgrim Titlestad. Peder Furubotn – 1890–1940. Oslo, 1975. Титлестад также написал статью о Фуруботне в Большом норвежском лексиконе, интернет-версия: http://www.sn�.no/.nbl_biografi/Peder_Furubotn/utdypning
- ⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 474. Это личная папка Гильберта Фуруботна в архиве Коминтерна, в которой в нескольких отдельных документах содержатся сведения о его жизни в Москве, в том числе есть «Справка» от 22.08.1945, в которой Фуруботн сам детально рассказывает о своей жизни.
- ⁷ Arvo Tuominen. Klokkene i Kreml. Oslo, 1958; Torgrim Titlestad. Peder Furubotn – 1890–1940. Oslo, 1975. Обе книги живо повествуют о специфичной жизни международного братства коммунистов в Москве в 1930-е годы.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ William J. Chase. Enemy within the gates? New Haven/London, 2001. Материал из этой книги частично доступен на сайте: <http://www.yale.edu/annals/Chase/Documents/>
- ¹⁰ Ole Martin Rønning. Stalins elever. UiO, 2010. Здесь есть много материала о фракционной деятельности внутри НКП, которая привела к исключению из партии Акселя Волла и еще шестерых членов партии.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 474. Служебная записка от 27.09.1937 за подписью Белова. Псевдоним «Белов» использовал болгарин Георгий Дамианов (1892–1958), который занимал должность начальника отдела кадров Коминтерна. После Второй мировой войны он стал министром обороны Болгарии, а затем председателем Национального собрания Болгарии.
- ¹² Torgrim Titlestad. Peder Furubotn – 1890–1940. Oslo, 1975; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 474. Записка от 22.09.1937 без подписи. Подробнее о школе

- им. Карла Либкнехта в Москве см. сайт: <http://www.mdz-moskau.eu/print.php?date=1159793165>
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 474. Записка от 27.09.1937 за подписью Белова.
  - ¹⁴ Там же.
  - ¹⁵ Газета «Верденс Ганг» (VG) от 05.12.1995. В газетной статье Кнут Лангфельдт рассказывает о своем разговоре с Гильбертом Фуруботном в 1947 году. Лангфельдт подтвердил эту версию также в нескольких беседах с автором, в том числе от 16.06.2011.
  - ¹⁶ Morten Jentoft. De som dro østover – Kolanordmennenes historie. Oslo, 2001.
  - ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 474. Записка от 27.09.1937 за подписью Белова; William J. Chase. Enemy within the gates? New Haven/London, 2001.
  - ¹⁸ <http://www.yale.edu/annals/Chase/Documents/doc59chapt7.htm>
  - ¹⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 474. Записка от 27.09.1937 за подписью Белова.
  - ²⁰ Torgrim Titlestad. Peder Furubotn – 1890–1940. Oslo, 1975. Подробнее о школе им. Карла Либкнехта в Москве см. на сайте: <http://school1768.narod.ru/history/libkn/libkn.htm>
  - ²¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 474. Ряд записей о возвращении Гильберта Фуруботна в Норвегию, в частности от 26.08.1938.
  - ²² Там же. Записка Эмиля Лёвлиена от 09.04.1939.
  - ²³ Там же. Памятная записка от 19.10.1939.

«Мы забыли, что такое выходные»

- ¹ ГА РФ. Ф. 495. Оп. 12. Д. 135. Записка редактора программ на иностранных языках в Коминтерне (подпись: Фонштейн).
- ² Ole Martin Rønning. Stalins elever. UiO, 2010.
- ³ ГА РФ. Ф. 495. Оп. 12. Д. 135. Записка редактора программ на иностранных языках в Коминтерне (подпись: Фонштейн); Aino Kuusinen. Nesten alle skulle dø.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ ГА РФ. Ф. 495. Оп. 12. Д. 31. Записка Самуиловича от 21.03.1937. Евгений Самуилович Варга (1879–1964) был венгерским коммунистом, который провел вторую половину жизни в Советском Союзе, где в том числе работал в Коминтерне.
- ⁶ ГА РФ. Ф. 495. Оп. 12. Д. 135. Записка Самуиловича к Эрколи (Пальмиро Тольятти, 1893–1964). Псевдоним «Эрколи» Тольятти использовал во время своей работы руководителем Коминтерна. После Второй мировой войны Тольятти был много лет руководителем влиятельной коммунистической партии Италии.

- 7 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 73. Служебные записки ИККИ редакциям Московского радио от 16.12.1938, 22.12.1938 и 28.12.1938.
- 8 ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 24. Д. 2184; Голос, который знаком всему миру. М., 2009. Юбилейная антология, изданная по случаю 80-летнего юбилея первого вещания на иностранном языке из Москвы.
- 9 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 243. Записка от 19.10.1939.
- 10 Голос, который знаком всему миру. М., 2009.
- 11 ГА РФ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 47.
- 12 Там же.
- 13 Письмо Анны Далланд родственникам в Берген от 04.09.1937.
- 14 Письмо Эвы Далланд родственникам в Берген от 22.06.1938.
- 15 Письмо Анны Далланд родственникам в Берген от 18.09.1939.
- 16 Письмо Клары Далланд родственникам в Берген от 04.12.1939.
- 17 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 474. Записка Михаила Вольфа Георгию Димитрову от 11.05.1940.
- 18 Там же.
- 19 Письмо Рандульфа Далланда к Анне Далланд от 13.07.1941.

Чужие в Москве

- 1 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 388. Характеристика от 19.11.1945.
- 2 Там же. Характеристика от 20.03.1933. <http://da.digitalarkivet.no/ft:Folketellingen av 1910>.
- 3 Там же. Здесь, кроме характеристики от 20.03.1933, имеется также несколько документов, в которых Хокон Сунд рассказывает о своей жизни, в том числе от 15.03.1940.
- 4 Carl Emil Vogt. Nansens kamp mot hungersnøden i Russland 1921–23. Oslo, 2007.
- 5 Интервью с Ксенией Александровой-Сунд от 08.09.2010.
- 6 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 388. Характеристика от 20.03.1933.
- 7 Там же.
- 8 Интервью с Ксенией Александровой-Сунд от 08.09.2010.
- 9 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 388. Характеристика от 19.11.1945.
- 10 Там же.
- 11 Там же. «Письмо товарищу Келлеру» в скандинавский отдел Коминтерна от 24.01.1938.
- 12 Там же. Характеристика от 15.03.1940.

Используйте нас!

- 1 Sven Holmark (red.). Norge og Sovjetunion 1917–1955. Oslo, 1995.
- 2 РГАСПИ. Ф. 533. Оп. 9. Д. 176. Обзор заседаний КИМа весной 1941 года, сделанный Гильбертом Фуруботном.
- 3 Morten Jentoft. Mennesker ved en grense. Oslo, 2005; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 402. Объяснительная записка Оге Халвари от 21.05.1941.

- ⁴ Morten Jentoft. *Mennesker ved en grense*. Oslo, 2005.
- ⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 109. Д. 8336. Письмо в Коминтерн Димитрову от 14.01.1941 за подписью Готфреда Хельволла.
- ⁶ Там же. Перевод письма от норвежской партийной ячейки (подпись: Мольтке).
- ⁷ <http://www.leksikon.org/art.php?n=1548>. Статья Курта Якобсена; Электронное письмо от Курта Якобсена от 22.08.2011; Ole Martin Rønning. *Stalins elever*. UiO, 2010.
- ⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 109. Д. 8336. Рапорт Готфреда Хельволла от 10.03.1941. В другом документе (без подписи и точной даты) за апрель 1941 года утверждается, что Готфред Хельволл – самый способный и образованный человек из группы норвежских беженцев, и поэтому его можно использовать для партийной работы для взаимодействия с НКП в Норвегии. В другой записке за подписью Георга Лаурсена («Мольтке») от 22.03.1941 указано, что у Готфреда Хельволла есть ребенок от русской женщины, с которой он познакомился во времена учебы в КУНМЗе. Там же указано, что его жена Хильдур беременна. Хильдур родила дочь Герду 01.04.1941 в больнице в г. Кировске Мурманской области.
- ⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 474. Записка от 13.04.1940 о том, что Гильберта Фуруботна отправляют на 20 дней в командировку в Мурманск.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 73. В деле находится ряд записей на норвежском и немецком языках, сделанных Гильбертом Фуруботном после поездки к норвежским беженцам в Апатиты в апреле–мае 1941 года.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 246. Д. 473. Решения заседания Президиума секретариата КИМа от 10.07.1941.

На Московское радио падают бомбы

- ¹ Dmitrij Volkogonov. *Josef Stalin*. Oslo, 1992.
- ² Интервью с Ириной Гардениной от 13.05.2011.
- ³ Речь Вячеслава Молотова и выступление Юрия Левитана теперь доступны на сайте youtube.com
- ⁴ Ivo Banac (red.). *The Diary of Georgi Dimitrov 1933–1949*. New Haven; London, 2003.
- ⁵ Голос, который знаком всему миру. М., 2009; ГА РФ. Ф. 495. Оп. 12. Д. 135. Записка без точной даты от 1937 года к Эрколи (Пальмиро Тольятти).
- ⁶ Письмо Рандульфа Далланда к Анне и Эве Далланд от 13.07.1941.
- ⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 474. Выписка из протокола заседания секретариата КИМа от 10.07.1941.
- ⁸ ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 24. Д. 2184. Записка Отдела Западной Европы Радиокомитета, вероятно, написанная в конце 1941 – начале 1942 года.
- ⁹ Игриньев Ю. Первым языком иновещания из Москвы был немецкий // Мы говорим со всем миром. Сборник. М., 1999.

- ¹⁰ Интервью с Ксенией Александровой-Сунд от 08.09.2010; интервью с Ириной Гардениной от 13.05.2011.
- ¹¹ Интервью с Ксенией Александровой-Сунд 08.09.2010. О боях за Запорожье во время Второй мировой войны есть информация в том числе на сайте <http://en.wikipedia.org/wiki/Zaporizhia>
- ¹² Интервью с Ксенией Александровой-Сунд от 08.09.2010.

Работаем, надеемся и верим...

- ¹ Интервью с Ириной Гардениной от 13.05.2011. Она также рассказала о шведской редакции в программе на Московском радио: www.swedish.ruvr.ru/2007/06/01/1136245.html
- ² Койвола П. Вспоминая годы работы на радио... // Мы говорим со всем миром. Сборник. М., 1999.
- ³ Интервью с сыном Эвы Далланд Арне Бернхардсеном от 14.12.2010. См. также: Morten Jentoft. De som dro østover – Kolanordmennenes historie. Oslo, 2001.
- ⁴ ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 24. Д. 2184. Реферат передачи на норвежском языке от 24.03.1942.
- ⁵ Письмо Анны Далланд Рандульф Далланду от 13.07.1941.
- ⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 462. Автобиография Анны Далланд от 02.08.1940; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 474. Записка Мольтке от 04.11.1944.
- ⁷ Torgrim Titlestad Stalin midt imot. Oslo, 1977.
- ⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 474. Записка Мольтке от 04.11.1944.
- ⁹ Интервью с Ксенией Александровой-Сунд от 08.09.2010.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 474. Записка Мольтке от 12.12.1944.
- ¹¹ Там же. Д. 388. Характеристика от 19.11.1945.
- ¹² Тамашина Б. Многие датчане стали друзьями России // Мы говорим со всем миром. М., 1999; Интервью с Май Весенберг от 26.10.2011.
- ¹³ ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 24. Д. 2184. Реферат передач от 30.07.1942.
- ¹⁴ Верещагина Н. Так мы начинали / Мы говорим со всем миром. Сборник. М., 1999.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 24. Д. 2184. Реферат передач от 30.07.1942; Hans Fredrik Dahl. Dette er London – NRK i krig 1940–1945. Oslo, 1978.
- ¹⁶ <http://www.arkivverket.no/arkivverket/Tema/Andre-verdenskrig-i-Norge/samfunnslivet/Radio-og-kringkasting>

«Красная звезда»

- ¹ Randi Rønning Balsvik. Vardø bys historie – del 2. Vardø, 1989.
- ² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 327. Здесь находятся автобиографии Сольвейг Берг.

- ³ Интервью с Ваньей Хёльволл Андреассен от 05.05.2011; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 199. Записка Мольтке от 16.02.1942, в которой указана другая дата гибели Гуннара Берга на северном фронте: 11.10.1941.
- ⁴ Morten Jentoft. *Mennesker ved en grense*. Oslo, 2005.
- ⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 109. Д. 8336. Письмо Готфреда Хёльволла в Коминтерн от 07.08.1941 с приложением без даты, где говорится о сроках выезда из Апатитов и прибытия в Шадринск.
- ⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 199. Записка Мольтке от 16.02.1942.
- ⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 109. Д. 8336. Автобиография Готфреда Хёльволла от 25.08.1943. Записка без даты (вероятно, август 1942), где указано, что Готфред Хёльволл принят на работу диктором скандинавской редакции с 19.08.1942 с месячным окладом в 800 рублей.
- ⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 109. Д. 8336. Записка Эрколи (Пальмиро Тольятти) от 19.11.1942.
- ⁹ Письмо Сверре Сёдерстрёма к Эльвиде Сёдерстрём от 30.10.1942.
- ¹⁰ Ivo Banac (red.). *The Diary of Georgi Dimitrov 1933–1949*, New Haven/London, 2003.
- ¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 109. Д. 8336. Из этой папки удалены некоторые документы, которые, вероятно, могли пролить свет на задания, полученные Готфредом Хёльволлом от советских властей во время войны. Его дочь Ванья Хёльволл Андреассен рассказала в интервью от 05.05.2011, что ее отец иногда на долгое время «исчезал» из дома, что указывает на использование его в качестве курьера.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 327. Записка Вилкова от 26.02.1943 после решения, принятого Георгием Димитровым. Записка от 01.03.1943 без подписи, которая подтверждает, что по договоренности с Эрколи (Тольятти) Сольвейг Берг будет работать в норвежской редакции.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 199. Записка Мольтке от 16.02.1942. Анкета от 30.01.1946.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 199. Памятная записка Мольтке от 09.07.1945.
- ¹⁵ Интервью с Ваньей Хёльволл Андреассен от 05.05.2011; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 211. Анкета от 10.07.1945, объяснения даны историком Ларсом Боргерсрудом.
- ¹⁶ Birger Bakken, Åge Fjeld, Arne Jørgensen og Readar T. Larsen. *Død over de tyske okkupantene*. Oslo, 1998.
- ¹⁷ PST (Норвежская полиция безопасности). Дела № 5091 и 10211/d 16.
- ¹⁸ Адибеков Г. Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994.
- ¹⁹ Там же.

Радионовости из Москвы

- ¹ Tidens Tegn. № 95, 17.10.1941. Газета размещена на сайте: <http://digitalt.uib.no/bitstream/1056.2/2809/7/1941.nr.95.pdf>

- 2 Речь Видкуна Квислинга от 05.09.1941 воспроизведена по материалам сайта: <http://www.sannhistorie.net/quislverd kamp.htm>
- 3 Radio-Nytt. 1942. № 31.
- 4 <http://digitalt.uib.no/handle/1956.2/2914>; Hans Luin. De illegale avisene. Oslo, 1960.
- 5 Интервью с Май Весенберг от 02.09.2008 и 21.01.2009; RA: Statspolitiet Cke – fangerarkivet fra Bredtveit 1944–1945.
- 6 Интервью с Аугустом Ратке от 29.09.2010.
- 7 Верещагина Н. Так мы начинали // Мы говорим со всем миром. Сборник. М., 1999.
- 8 Искурин М. Норвежские были. М., 1964.
- 9 Ibid. Интервью с Рейдаром Т. Ларсеном от 03.03.2011.
- 10 Интервью Анны Далланд радиокompании НРК от 22.11.1946.
- 11 Интервью с Ранвей Сневе от 03.08.2011.
- 12 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 305. Записка Готфреда Хёльволла от 21.03.1941.
- 13 Friheten. 1976. № 17; Aftenposten. 30.07.1986.
- 14 Torggrim Titlestad. I kamp, i krig. Oslo, 1977.
- 15 Интервью с Ранвей Сневе от 03.08.2011; Friheten. 1976. № 17.
- 16 Интервью с Ранвей Сневе от 03.08.2011.
- 17 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 829. Записка Геминдера Димитрову от 18.05.1945.
- 18 Iva Banac. The diary of Georgi Dimitrov 1933–1949. New Haven/London, 2003.
- 19 Hans Fredrik Dahl. Dette er London – NRK i rkig 1940–1945. Oslo, 1978.
- 20 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 5. Д. 177. Обзор передач “Der selbstaendig norwegische sender”.
- 21 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 128. Д. 830; Hans Fredrik Dahl Dette er London – NRK i rkig 1940–1945. Oslo, 1978.
- 22 Regjeringen og hjemmefronten under krigen. Oslo, 1948. Notat William Steffens om “Folkesenderen Norges Frihet”. 17.09.1943.
- 23 Hans Fredrik Dahl. Dette er London – NRK i rkig 1940–1945. Oslo, 1978.
- 24 Ibid. Rolf Andvord. Med hånden på hjertet. Oslo, 1964; Sven Holtsmark. Sovjetunionen i norsk utenrikspolitikk 1940–1945. UiO, 1988.
- 25 Письмо Сверре Сёдерстрёма к Эльвиде Сёдерстрём от 30.10.1942. Электронный архив записей НРК: пояснительная записка к записи передачи “Folkesenderen Norges frihet” от 15.12.1944.
- 26 Radio-Nytt. 24.08.1943; Hans Fredrik Dahl. Dette er London – NRK i rkig 1940–1945. Oslo, 1978.
- 27 Hans Fredrik Dahl. Dette er London – NRK i rkig 1940–1945. Oslo, 1978.

Народная радиостанция заканчивает работу

- 1 Интервью с Клавдией Бабаевой от 13.05.2011.
- 2 Интервью Анны Далланд НРК от 22.11.1947.

- ³ http://fib.se/fib_1/skrift298.html. В статье Ян Мюрдал описывает свою встречу с Май Бредель в Берлине 1953 года.
- ⁴ http://de.wikipedia.org/wiki/Willi_Bredel
- ⁵ Antony Beevor. Stalingrad. Oslo, 2002.
- ⁶ Интервью Готфреда Хёльволла газете “Finnmarken” от 24.02.1966.
- ⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 109. Д. 8336. Характеристика от апреля 1941 года, где указано, что Готфред Хёльволл – самый образованный среди норвежских эмигрантов и что его в будущем можно будет использовать для партийной работы для связей с НКП.
- ⁸ Интервью с Торггримом Титлестадом от 05.08.2011, который брал несколько раз интервью у Педера Фуруботна до его смерти в 1975 году.
- ⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 829. Записка Геминдера Димитрову.
- ¹⁰ Электронный архив записей НРК. Запись передачи “Folkesenderen Norges Frihet” от 15.12.1944.
- ¹¹ Hans Fredrik Dahl. Dette er London – NRK i rikig 1940–1945. Oslo, 1978.
- ¹² Paul Hartmann. Den norske regjeringes virksomhet fra 9. April 1940 til 22. Juni 1945, bind 3. Oslo, 1948.
- ¹³ Rolf Andvord. Med hånden på hjertet. Oslo, 1964; Knut Einar Eriksen og Trond Bergh. Den hemmelige krigen: overvåking i Norge 1914–1997 (2 bind I). Oslo, 1998. В этой книге («Секретная война: слежка службы безопасности в Норвегии 1914–1997») есть указание на обеспокоенность службы безопасности тем, что сексуальные наклонности некоторых дипломатов могут представлять опасность с точки зрения безопасности страны. Интервью с бывшим работником МИДа Норвегии и бывшим коллегой Рольфа Андворда от 22.03.2011.
- ¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 109. Д. 8326. Здесь содержатся несколько записок по поводу возвращения в Норвегию семьи Готфреда Хёльволла, в том числе от 28.08.1945.
- ¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 109. Д. 8336. Дело содержит два письма Веры Владимировой к Георгию Димитрову, в которых она рассказывает о своих отношениях с Йоном Смитом. Пояснения, приложенные к памятной записке Георга Лаурсена (Мольтке) от 23.03.1941. Интервью с Ваньей Хёльволл Андреассен от 27.10.2011, которая никогда не слышала, что у нее есть сводный брат в Москве.
- ¹⁶ http://en.wikipedia.org/wiki/Rudolf_Slansky

Скандинавский кофейник

- ¹ Письмо Алексея Чехванова к Анне Далланд от 03.05.1947.
- ² Интервью с Ваньей Хёльволл Андреассен от 05.05.2011.
- ³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 199. Записка от 16.06.1946 за подписью заведующего скандинавской редакцией Подколотина.
- ⁴ Интервью с Ваньей Хёльволл Андреассен от 05.05.2011.

- ⁵ Ingunn Rotihaug: For fred og vennskap mellom folkene – Sambandet Norge – Sovjetunion 1945–1970. Oslo, 2000.
- ⁶ Государственный архив Норвегии: МИД. RA: UD 1940–1949, 11323, ящик 40.12.1.
- ⁷ Письмо «Трульса» Рандульфу Далланду от 18.10.1946.
- ⁸ Письмо Алексея Чехванова к Анне Далланд от 03.05.1947.
- ⁹ Государственный архив Норвегии: МИД. RA: UD 1940–1949, 11323, ящик 40.12. Телеграмма норвежского посольства в Москве. Газета «Верденс Ганг» от 23.08.1946.
- ¹⁰ Газета «Верденс Ганг» регулярно печатала в 1946 и 1947 годах программы передач Московского радио.
- ¹¹ Государственный архив Норвегии: архив МИДа. RA: UD 1940–1949, 11323, ящик 40.12. Письмо министра Августа Ланге норвежскому послу в Москве Рольфу Андворду от 18.06.1945.
- ¹² http://snl.no/nbl_biografi/August_Lange/utdypning
- ¹³ Интервью с Май Весенберг от 02.09.2010.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 474. Записка от 25.03.1946. Записка без точной даты (май 1947), записка от 02.09.1946.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 474. Записка от 04.05.1950. Записка без точной даты (май 1947). Газета «Афтенпостен» от 03.06.1995. Интервью с Кнутом Лангфельдтом от 16.06.2011.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 388. Письмо Хокона Сунда Мольтке от 17.07.1945.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 388. Записка (характеристика) от 17.11.1945. Письмо Беатрис Йоханович Сунд от 27.12.1960 в ЦК КПСС. Они с сыном Андреем жили тогда в очень тяжелых условиях в комнате размером 11 кв. м, и она просила сделать что-нибудь для них.
- ¹⁸ Письмо «Трульса» Рандульфу Далланду от 18.10.1946.

От Фуруботна до Странда Йохансена

- ¹ <http://www.ssb.no/emner/00/01/10/stortingsvalg/histtab/t-1945prosent.html>
- ² Интервью с Ваньей Хёльволл Андреассен от 03.05.2011.
- ³ Интервью с Ранвей Сневе от 03.08.2011. Газета «Фрихетен». 1976. № 17.
- ⁴ Газета «Верденс Ганг». 05.12.1996.
- ⁵ <http://www.ssb.no/emner/00/01/10/stortingsvalg/histtab/t-1945prosent.html>
- ⁶ Электронный архив записей НРК: интервью с Анной Далланд от 11.11.1946, сделанное фру Гран, то есть Хульдой Фриск Гран, которая сама работала диктором в норвежских передачах из Нью-Йорка во время войны.
- ⁷ Письмо Май Бредель к Анне Далланд от 29.08.1946.
- ⁸ http://www.riktpunkt.se/rp_2001/nr_6/31.hnm

- ⁹ http://www.ssb.no/histstat/nos_x_165.pdf
- ¹⁰ http://no.wikipedia.org/wiki/Stortingsvalget_1949
- ¹¹ Государственный архив Норвегии (RA: SMK). Протоколы заседаний Координационного совета 1949–1953 гг. Реферат заседания 19.10.1949.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 6. Записка посольства СССР в Дании от 10.12.1949 после беседы с Акселем Ларсенем.
- ¹³ Terje Halvorsen. NKP i krise – Om oppgjøret med det annet sentrum 1949–1950. Oslo, 1980.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 139. Личное дело Герды Странд Йохансен в архиве Коминтерна, где указано, что папка проверена 04.08.1949.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 139. Записка от 09.06.1951.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 6. Записка от 25.05.1951.
- ¹⁷ Knut Einar Eriksen og Trond Bergh. Den hemmelige krigen 1 og 2. Oslo, 1998.

«Москва постоянно следит за нами!»

- ¹ <http://www.stortinget.no/Global/pdf/Dokumentserien/1995–1996/dok15/>
- ² Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD 1950–1959), коробка Dzb 2272. Записка Ханса Улава от 02.03.1951.
- ³ НТВ сообщило миру, что Сталин умер. Норвежское телеграфное бюро (NTB). 26.09.1992.
- ⁴ Государственный архив Норвегии (RA: SMK). Протоколы заседаний Координационного совета секретных служб за 1949–1953 гг. Записка, приложенная к реферату заседания от 22.02.1951.
- ⁵ Государственный архив Норвегии (RA: SMK). Протоколы заседаний Координационного совета за 1949–1953 гг. Реферат заседания от 19.10.1949.
- ⁶ Государственный архив Норвегии (RA: SMK). Протоколы заседаний Координационного совета за 1949–1953 гг. Реферат заседания от 23.11.1949.
- ⁷ Государственный архив Норвегии (RA: SMK). Протоколы заседаний Координационного совета за 1949–1953 гг. Реферат заседания от 19.02.1949.
- ⁸ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD 1950–1959), коробка Dzb 2272. Письмо Йенса Кристиана Хауге министру обороны от 08.02.1951.
- ⁹ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD 1950–1959), коробка Dzb 2272. Письмо из НРК лейтенанту Ове Овердале в Генеральный штаб от 26.02.1951.
- ¹⁰ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD 1950–1959), коробка Dzb 2272. Письмо из Норвежского бюро информации в Нью-Йорке в МИД Норвегии от 20.04.1951.

- ¹¹ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD 1950–1959), коробка Dzb 2272. Служебная записка Фритьофа Якобсена от 22.06.1951.
- ¹² Государственный архив Норвегии. Протоколы заседания Координационного совета (RA: SMK) за 1949–1953 годы, рефераты заседаний от 02.05.1951 и 22.06.1951.
- ¹³ Статья Кнута Эйнара Эриксона в Большом Норвежском лексиконе: http://snl.no/nbl_biografi/Arne_Ording/utdyping
- ¹⁴ Интервью с Георгом Кране от 03.03.2011. Интервью с Норманном Ветти от 03.05.2011. Ветти приступил к прослушиванию передач, когда Хенри Валуену пришлось взять отпуск.
- ¹⁵ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Служебная записка из посольства Норвегии в Москве от 18.12.1952.
- ¹⁶ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Письмо Пера Монсена в МИД от 15.04.1952 и от 13.08.1952. http://no.wikipedia.org/wiki/Per_Monsen

Песни о Сталине не трогают сердца норвежцев

- ¹ Адибеков Г. Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994.
- ² <http://communist-chronicles.com/index.php?section=articles&fetch=21>
- ³ Курт Якобсен. Статья о Георге Лаурсене из электронного словаря: <http://www.leksikon.org/art.php?n=1548>. Интервью с Май Весенберг от 02.09.2008.
- ⁴ Интервью с Туре Ярлом Биэленбергом от 03.04.2011.
- ⁵ Электронное сообщение Александра Кана от 29.08.2011.
- ⁶ Интервью с Ириной Гардениной от 13.05.2011.
- ⁷ Интервью с Май Весенберг от 02.09.2008.
- ⁸ Интервью с Туре Ярлом Биэленбергом от 03.04.2011.
- ⁹ Интервью с Туре Ярлом Биэленбергом от 03.04.2011. Интервью с Май Весенберг от 02.09.2008. Государственный архив Норвегии, архив норвежского МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Служебная записка из посольства Норвегии в Москве от 04.04.1952. Интервью с Пером Скойеном от 26.08.2011.
- ¹⁰ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Служебная записка из посольства Норвегии в Москве от 25.10.1952.
- ¹¹ Интервью с Ксенией Александровой-Сунд от 08.09.2010.
- ¹² Martin Gunnar Knutsen. *Mot strømmen – Erindringer 1945–1980*. Oslo, 1983.
- ¹³ Morten Jentoft. *Mennesker ved en grense*. Oslo, 2005. Здесь рассказывается подробнее о драматической истории семьи Халвари в годы «горячей» и холодной войн.

- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 334. Запись от 18.12.1952. Интервью с Берглиот Бродткорп Росет от 17.06.2011.
- ¹⁵ Martin Gunnar Knutsen. *Mot strømmen – Erindringer 1945–1980*. Oslo, 1983.

Сталин умер!

- ¹ <http://century.guardian.co.uk/1950–1959/Story/0,,105152,00.html>
- ² Martin Gunnar Knutsen. *Mot strømmen – Erindringer 1945–1980*. Oslo, 1983.
- ³ Simon Sebag Montefiore. *Stalin – den røde tsarens hoff*. Oslo, 2003.
- ⁴ Ibid. Архив МИДа Финляндии FUA: UM 41 Radio/Neuvostoliitto. Реферат передачи на финском языке от 17.03.1953.
- ⁵ Норвежское телеграфное бюро. 26.08.1992. Вокруг Стейна Савика из-за его сообщения о смерти Сталина появилось много мифов. Савик не был первым человеком, сообщившим эту новость в эфире, но он был первым среди сотрудников западных новостных агентств.
- ⁶ Ваксберг А. Сталин против евреев. Нью-Йорк: Liberty Publishing house, 1995.
- ⁷ Martin Gunnar Knutsen. *Mot strømmen – Erindringer 1945–1980*. Oslo, 1983; Odd Isungset og Morten Jentoft. *Verkebyllen*. Oslo, 1995.
- ⁸ Государственный архив Норвегии (RA: SMK). Протоколы заседаний Координационного совета за 1949–1953 годы. Реферат заседания от 02.03.1953.
- ⁹ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Анализ содержания передач из Москвы на норвежском языке за январь 1953 года.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. Анализ содержания передач из Москвы на норвежском языке за апрель 1953 года.
- ¹² Martin Gunnar Knutsen. *Bittert oppgjør*. Oslo, 1990.
- ¹³ Ibid. Nikita Khrushjov. *Krusjtsjov minnes*. Cappelen Forlag. Oslo, 1971.
- ¹⁴ Архив МИДа Финляндии FUA: UM 41 Radio/Neuvostoliitto. Реферат передачи на финском языке от 10.07.1953.
- ¹⁵ Martin Gunnar Knutsen. *Mot strømmen – Erindringer 1945–1980*. Oslo, 1983. Simon Sebag Montefiore. *Stalin – den røde tsarens hoff*. Oslo, 2003. Pavel Sudoplatov, Anatolij Sudoplatov, Jerrold L. Schester, Leona P. Schester. *Direktoratet – Stalins spionsjef berättar*. Stokholm, 1994. ~

Скоростные лифты и метание молота

- ¹ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Анализ содержания передач из Москвы на норвежском языке за апрель и август 1953 года.
- ² Там же.

- ³ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Анализ содержания передач из Москвы на норвежском языке за октябрь 1953 года: http://no.wikipedia.org/wiki/Stortingsvalget_1953
- ⁴ Ingunn Rotihaug. For fred og vennskap mellom folkene – Sambandet Norge-Sovjetunionen 1945–1970. Oslo, 2000.
- ⁵ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Реферат передачи Московского радио 28.09.1954; Morten Jentoft: De som dro østover – Kolanordmennenes historie, Oslo, 2001.
- ⁶ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Анализ содержания передач из Москвы на норвежском языке за октябрь 1953 г.; Газета «Верденс Ганг» за 03.09.1953. Газета «Ворт Ланд» за 05.04.2011.
- ⁷ Государственный Архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Реферат передачи Московского радио 28.09.1954.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ PST. Норвежская служба безопасности, отдельные листы из папки, заведенной на Готфреда Хельволла, переданные родственникам 22.04.2003.
- ¹⁰ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Реферат передачи Московского радио от 15.12.1953.
- ¹¹ Martin Gunnar Knutsen. Mot strømmen. Oslo, 1983.
- ¹² http://no.wikipedia.org/wiki/Joe_Adamov
- ¹³ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Анализ содержания передач Московского радио за июнь 1954 года. Подробнее об аресте Галая и Храмова см.: Morten Jentoft. “Døden på Kola”. Oslo, 2008.
- ¹⁴ RA: SMK 1954–1965. Протоколы заседаний Координационного совета. Протокол заседания от 05.04.1954.
- ¹⁵ RA: SMK 1954–1965. Протоколы заседаний Координационного совета. Протокол заседания от 29.03.1954.
- ¹⁶ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2273. Записка Уле Олгорда от 30.11.1954.
- ¹⁷ RA: SMK 1954–1965. Протоколы заседаний Координационного совета. Протокол заседания от 22.05.1954.
- ¹⁸ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2273. Записка Хенри Валена от 19.10.1952. RA: SMK 1954–1965. Протоколы заседаний Координационного совета. Протокол заседания от 29.03.1954.
- ¹⁹ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Служебная записка административного бюро МИДа от 09.12.1953.

- ²⁰ Интервью с Норманном Ветти от 02.05.2011. Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2273. Служебная записка Вилли Фредриксена, Харальда Рённинга и Туре Ойнеса от 05.09.1956, а также записка Г. Кристиансена от 28.11.1956.

Г. Т. из Драммена и Х. П. из Тронхейма

- ¹ Sven Holtsmark (red.). Norge og Sovjetunionen 1917–1955. Oslo, 1995.
- ² RA: SMK 1954–1965. Протоколы заседаний Координационного совета. Протокол заседания от 06.09.1954.
- ³ RA: SMK 1954–1965. Протоколы заседаний Координационного совета. Протокол заседания от 20.09.1954. Подробней о разногласиях между Вильгельмом Эвангом и Асбьорном Брюном см.: Morten Jentoft. “Døden på Kola”. Oslo, 2008.
- ⁴ Интервью с Эрной Фоссум Свендсен от 09.09.2010. RA: SMK 1954–1965. Протоколы заседаний Координационного совета. Протокол заседания от 20.06.1954.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzc 2456. Записка из посольства Норвегии в Москве от 02.05.1956. Интервью с Эрной Фоссум Свендсен от 09.09.2010.
- ⁷ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Анализ содержания передач из Москвы на норвежском языке за июль 1955 года.
- ⁸ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Анализ содержания передач из Москвы на норвежском языке за ноябрь 1955 года. Интервью с Любовью Горлиной от 14.05.2011.
- ⁹ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Реферат передач от 15.12.1954 и 12.01.1955.
- ¹⁰ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Реферат передачи от 12.01.1955.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² RA: SMK 1954–1965. Протоколы заседаний Координационного совета. Протокол заседания от 05.01.1955. Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Реферат передачи от 16.03.1955.
- ¹³ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Реферат передачи от 16.03.1955.
- ¹⁴ Интервью с Эрной Фоссум Свендсен от 08.09.2010.
- ¹⁵ http://en.wikipedia.org/wiki/On_the_Personality_Cult_and_its_Consequences

- 1 Интервью с Май Весенбергот 02.09.2008 и 21.01.2009. Интервью с Туре Ярлом Биэленбергом от 10.02.2011.
- 2 Ole Martin Rønning. *Stalins elever*. UiO, 2010.
- 3 Terje B. Englund. *Spionen som kom for seint*. Oslo, 2010.
- 4 Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzc 2456. Записка Харльда Рённинга от 02.12.1957.
- 5 Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Анализ передач Московского радио на норвежском языке за август 1956 года.
- 6 Martin Gunnar Knutsen. *Mot strømmen*. Oslo, 1983. Интервью с Эрной Фоссум Свендсен от 08.09.2010.
- 7 Полиция безопасности (PST). Папка Кристиана Халдорсена. Реферат передачи Московского радио от 05.08.1957.
- 8 Полиция безопасности (PST). Папка Кристиана Халдорсена. Реферат передачи Московского радио от 11.08.1957.
- 9 Сведения о репатриации гражданских и военных пленных см.: Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 3–13.
- 10 Полиция безопасности (PST). Папка Кристиана Халдорсена. Реферат передачи Московского радио от 05.08.1957.
- 11 Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2273. Анализ содержания радиопередач из Москвы за ноябрь 1956 года.
- 12 Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzc 2456. Служебная записка от 02.12.1957 «относительно идентификации голосов Московского радио».
- 13 Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2273. Анализ содержания передач из Москвы за ноябрь 1956 года.
- 14 Ibid.
- 15 Martin Gunnar Knutsen. *Mot strømmen*. Oslo, 1983.
- 16 http://www.magtudin.rog/corvin_circle_1956.htm
- 17 PST. Норвежская полиция безопасности. Папка Кристиана Халдорсена. Сообщение Полицейского управления Олесунна от 21.08.1957. Интервью с Кристианом Халдорсеном от 04.04.2011.
- 18 Газета “Klassekampen”. 21.12.2006.
- 19 Интервью с Кристианом Халдорсеном от 07.04 2011.
- 20 Ibid. PST. Норвежская полиция безопасности. Папка Кристиана Халдорсена. Сообщения Улава Грёнли из Полицейского управления Нарвика от 10.01.1957 и 11.01.1958.
- 21 PST. Норвежская полиция безопасности. Папка Кристиана Халдорсена. Записи от 20.01.1958 и 20.03.1958.

- ²² PST. Норвежская полиция безопасности. Папка Кристиана Халдорсена. Рапорт прослушивания Московского радио от 13.04.1958.
- ²³ PST. Норвежская полиция безопасности. Папка Кристиана Халдорсена. Письмо из Полицейского управления Вест-Финнмарка к Асбьорну Брюну от 03.06.1958.
- ²⁴ Газета "VG" («Верденс Ганг»). 10.04.1958.

Будет больше лекций, чем репортажей

- ¹ Arkadij Vaksberg. Stalin against the Jews. New York, 1995.
- ² Ibid.
- ³ Sven Holmark (red.). Norge og Sovjetunion 1917–1955. Oslo, 1995.
- ⁴ Arkadij Vaksberg. Stalin against the Jews. New York, 1995.
- ⁵ ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 24. Д. 2184. Записка о кадрах Московского радио в 1943 году.
- ⁶ Интервью с Любовью Горлиной от 14.05.2011. Горлина училась вместе с Бертой Тамашинной в Ленинграде.
- ⁷ Интервью с Туре Ярлом Биэленбергом от 02.04.2011. http://en.wikipedia.org/wiki/Jewish_Autonomous_. Arkadij Vaksberg. Stalin against the Jews. New York. 1995.
- ⁸ Газета "VG". 26.05.1957.
- ⁹ Газета "Dagbladet". 09.05.1957.
- ¹⁰ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzc 2456. Сообщение НТБ за 08.07.1957.
- ¹¹ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzc 2456. Телеграмма от Коре Фостерволла директору Московского радио от 08.07.1957.
- ¹² Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzc 2456. Сообщение НТБ от 08.07.1957.

Кто же все-таки «стучал»?

- ¹ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2273. Анализ содержания радиопередач из Москвы за ноябрь 1956 года. Carl Scharnberg. Nina Krymova. København. 1981. Morten Jentoft. Mennesker ved en grense. Oslo. 2005.
- ² Интервью с Ксенией Александровой-Сунд от 08.09.2010.
- ³ Trond Berg og Knut Einar Eriksen. Den hemmelige krigen. Oslo, 1998.
- ⁴ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2273. Рапорт о прослушивании передач на норвежском за 12.08.1957.
- ⁵ Интервью с Туре Ярлом Биэленбергом от 03.04.2011. Интервью с Май Весенберг от 02.09.2008.
- ⁶ Интервью с Эрной Фоссум Свендсен от 09.09.2010. Газета "Aftenposten" за 27.11.2005.

Субботний вечер в студии

- ¹ В архиве Эрны Фоссум Свендсен сохранилось несколько фотографий, сделанных во время программы «Субботний вечер в студии» поздней осенью 1957 года. Она сама находилась в студии и об этом рассказала в своем интервью от 09.09.2010.
- ² Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzc 2456. Записка Харальда Рённинга от 02.12.1957.
- ³ Фотографии сделаны 30.11.1957 во время программы «Субботний вечер в студии». Интервью с Эрной Фоссум Свендсен от 09.09.2010.
- ⁴ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzc 2456. Записка Уле Олгорда от 09.12.1957.
- ⁵ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzc 2456. Записка Харальда Рённинга 02.12.1957. Газета VG за 12.04.1948.
- ⁶ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2273. Реферат передач Московского радио за 28.06.1959.

«Нам не нравятся норвежские передачи Московского радио»

- ¹ Архив МИДа Финляндии FUA: UM 41 Radio/Neuvostoliito. Рефераты передач на финском языке от 05.10, 07.10 и 08.10.1957.
- ² Интервью с Эрной Фоссум Свендсен 09.09.2010. <http://wikipedia.org/wiki/Laika>
- ³ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzc 2456. Служебная записка Густава Хейберга от 14.08.1956. Служебная записка Эрика Бродланда от 16.10.1956.
- ⁴ Архив МИДа Финляндии FUA: UM 41 Radio/Neuvostoliitto. Реферат передачи на финском языке от 05.04.1957.
- ⁵ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzc 2456. Служебная записка Эрика Бродланда от 17.05.1957.
- ⁶ Интервью с Эрной Фоссум Свендсен от 09.09.2010.
- ⁷ Интервью с Кристианом Хальдорсеном от 07.04.2011.
- ⁸ Норвежская служба безопасности (PST). Папка Кристиана Халдорсена, реферат прослушивания телефона от 22.08.1958. В целях обеспечения конфиденциальности все другие сведения в этом документе цензурованы, поэтому нельзя установить, в связи с чем производилось прослушивание телефона.
- ⁹ Норвежская служба безопасности (PST). Папка Кристиана Халдорсена. Служебная записка от 15.09.1958.
- ¹⁰ Норвежская служба безопасности (PST). Папка Кристиана Халдорсена. Служебная записка из Управления полиции Бергена Асбьорну Брону от 28.11.1956.
- ¹¹ Интервью с Кристианом Халдорсеном от 07.04.2011. Норвежская служба безопасности (PST). Папка Кристиана Халдорсена. Записки от 30.05.1958 и 10.11.1958.

- ¹² Интервью с Кристианом Халдорсеном от 07.04.2011.
- ¹³ Норвежская служба безопасности (PST). Папка Кристиана Халдорсена. Записка из Полицейского управления Западного Финнмарка от 08.06.1960.
- ¹⁴ Норвежская служба безопасности (PST). Папка Кристиана Халдорсена. Записка из Полицейского управления Западного Финнмарка от 08.06.1960. Trond Berg og Knut Einar Eriksen. Den hemmelige krigen bind 2. Oslo, 1998. (Se f.e. side 80).
- ¹⁵ Норвежская служба безопасности (PST). Папка Кристиана Халдорсена. Записка из Полицейского управления Сюннмёре от 04.10.1960 и 03.01.1961.
- ¹⁶ Архив МИДа Финляндии FUA: UM 41 Radio/Neuvostoliito. Реферат передач на финском языке 06.05, 07.05 и 10.05.1960.
- ¹⁷ Норвежская служба безопасности (PST). Папка Кристиана Халдорсена. Отчет о передачах Московского радио от 17.07.1960.
- ¹⁸ Норвежская служба безопасности (PST). Папка Кристиана Халдорсена. Отчет службы прослушивания о передачах Московского радио от 21.08.1960. Интервью с Кристианом Халдорсеном от 07.04.2011.

Люди хотят слушать про коньки и про Гагарина

- ¹ 367: RA: SMK 1953–1957. Протоколы заседаний Координационного Совета. Протоколы заседаний 04.02.1957 и 18.02.1957.
- ² Интервью с Норманном Ветти 02.05.2011. Государственный Архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2273. Записка Оддвара Оса 31.10.1956.
- ³ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2272. Записка Эйнара Гримсгорда, Харальда Рённига и Туре Ойнеса начальнику отдела Уле Олгорду от 29.05.1959. Записка Йохана Рефсдала от 15.08.1959 в Fst/E.
- ⁴ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2273. Реферат передачи Московского радио от 06.04.1959.
- ⁵ Государственный архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2273. Реферат передачи Московского радио от 19.07.1959.
- ⁶ Государственный Архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2273. Реферат передачи Московского радио за 12.11.1959.
- ⁷ Государственный Архив Норвегии, архив МИДа (RA: UD) за 1950–1959 годы, коробка Dzb 2273. Записка Густава Хейберга от 26.10.1957.
- ⁸ Интервью с Пером Линдом от 08.03.2011.
- ⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 6. Письмо Арне Петтерсена Йохану Странду Йохансену 02.02.1956.

- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 6. Письмо Йохана Странда Йохансена в ЦК КПСС.
- ¹¹ Интервью с Пером Линдом от 04.03.2011 и Кристианом Халдорсеном от 10.04.2011. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 247. Д. 6. Запись за февраль 1971 года извещает о том, что Йохан Странд Йохансен умер в больнице, куда был доставлен 07.02.1970 с сильной простудой. Анна Георгиевна Питерская получала после его смерти пенсию 100 рублей в месяц.
- ¹² Inngunn Rotihaug. For fred og vennskap mellom folkene – Sambandet Norge-Sovjetunion 1945–1970. Oslo, 2000; Интервью с Пером Линдом от 04.03.2011.

Неизвестная часть истории норвежских СМИ

- ¹ Интервью с Кристианом Халдорсеном от 17.04.2011.
- ² Электронное сообщение от постдокторанта Стиана Бунэса из Университета Трумсё от 29.08.2011. Он нашёл эти сведения в американском архиве NARA: RG 59, SNF, CFPF 1964–66, Political & Defense, boks 2532, папка Pol 2 Gen. Reports og Stat. Nor, Impressions of North Norway, 14.04.1965, Margaret Joy Tibbets. Бунэс располагает материалами МИДа Норвегии, которые показывают, что советские планы телевидения серьезно обеспокоили норвежские власти.
- ³ VG 07.03.1966, 05.08.1964.
- ⁴ Интервью от 05.10.2011 с Мари Ульсен – дочерью Рагнара Виика и Лайлы Ульсен.
- ⁵ Интервью с Туре Ярлом Биэленбергом от 10.02.2011.
- ⁶ Интервью с Май Весенберг от 02.02.2011. Dagens Nyheter. 08.01.1985.
- ⁷ Интервью с Кристианом Халдорсеном от 14.04.2011. Норвежская служба безопасности PST. Папка Кристиана Халдорсена. Служебная записка из Полицейского управления Лиллехаммера.
- ⁸ Норвежская служба безопасности PST. Папка Кристиана Халдорсена. Служебная записка от 21.04.1964.
- ⁹ Интервью с Кристианом Халдорсеном от 14.04.2011.
- ¹⁰ Норвежская служба безопасности PST. Папка Кристиана Халдорсена. Личная анкета.
- ¹¹ Интервью с Кристианом Халдорсеном от 14.04.2011. Aftenposten. 24.06.1988.
- ¹² Интервью с Май Весенберг от 02.02.2011.
- ¹³ Aftenposten. 24.06.1988.
- ¹⁴ Интервью с Хелен Странд Йохансен от 17.06.2011.
- ¹⁵ Голос, который знаком всему миру. М., 2009.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архивы

Государственный архив Осло (RA).

Архив службы безопасности в Осло (PST).

Архив МИД Финляндии в Хельсинки (FUA).

Российский государственный архив социально-политической истории в Москве (РГАСПИ).

Российский государственный архив новейшей истории в Москве (РГАНИ).

Государственный архив Российской Федерации в Москве (ГА РФ).

Собственный электронный архив норвежского государственного теле-радиовещания НРК.

Литература на иностранных языках

Aino Kuusinen. Nesten alle skulle dø. Oslo. 1974.

Anne Applebaum. Gulag – de sovjetiske fangeleirene. Oslo. 2005.

Antony Beevor. Stalingrad. Oslo. 2002.

Arvo Tuominen. Klokkene i Kreml. Oslo. 1958.

Asbjørn Jaklin. Iskald krig. Oslo. 2009.

Carl Emil. Vogt Nansen kamp mot hungersnøden I Russland 1921–1923. Oslo. 2007.

Carl Scharnberg. Nina Krymova. København. 1981.

Dmitrij Volkogonov. Josef Stalin. Oslo. 1992.

Edvard Hoem. Til ungdommen. Oslo. 1989.

Eila Lahti-Argutina. Olimme joukku vieras vaan. Åbo. 2001.

Einar Niemi (red.). Pomor. Oslo. 1992.

Hans Fredrik. Dahl Dette er London – NRK i krig 1940–1945. Oslo. 1978.

Hans Luin. De illegale avisene. Oslo. 1960.

Ingunn Rotihaug. For fred og vennskap mellom folkene – Sambandet Norge-Sovjetunionen 1945–1970. Oslo. 2000.

Ivo Banac. The diary of Georgi Dimitrov. New Haven; London. 2003.

Kaa Eneberg. Förnektelsens barn. Stockholm. 2003.

Martin Gunnar Knutsen. Bittert oppgjør. Oslo. 1990.

Martin Gunnar Knutsen. Mot strømmen – Erindringer 1945–1980. Oslo. 1983.

Morten Jentoft. De som dro østover – Kolanordmennenes historie. Oslo. 2001.

Morten Jentoft. Mennesker ved en grense. Oslo. 2005.

Nikita Khrusjtsjov minnes. Oslo. 1971.

Nordahl Grieg. Ung må verden ennu være. Oslo. 1938.

Odd Isungset og Morten Jentoft. Verkebyllen. Oslo. 1995.
 Ole Martin Rønning. Stalins elever, doktoravhandling. UiO. 2010.
 Paul Hartmann. Den norske regjeringens virksomhet fra 9. april 1940 til 22. juni 1945, bind 3. Oslo. 1948.
 Pavel Sudoplatov, Anatolij Sudoplatov, Jerrold L. Schecter, Leona P. Schecter. Direktoratet – Stalins spionsjef berättar. Stockholm. 1994.
 Randi Rønning Balsvik. Vardø bys historie – del 2. Vardø. 1989.
 Reidar Omang (red.). Regjeringen og hjemmefronten under krigen. Oslo. 1948.
 Rolf Andvord. Med hånden på hjertet. Oslo. 1964.
 Simon Sebag Montefiore. Stalin – den røde tsarens hoff. Oslo. 2005.
 Sven Holtmark (red.). Norge og Sovjetunionen 1917–1955. Oslo. 1995.
 Terje B. Englund. Spionen som kom for seint. Oslo. 2010.
 Terje Halvorsen. NKP i krise – Om oppgjøret med det annet sentrum 1949–1950. Oslo. 1980.
 Torggrim Titlestad. Peder Furubotn – 1890–1940. Oslo. 1975.
 Torggrim Titlestad. Peder Furubotn – I kamp, i krig. Oslo. 1975.
 Torggrim Titlestad. Stalin midt imot. Oslo. 1977.
 Trond Bergh og Knut Einar Eriksen. Den hemmelige krigen – bind 1 og 2. Oslo. 1997.
 William J. Chase. Enemy within the gates? New Haven; London. 2001.
 Yngvar Ustvedt. Arbeidere under våpen. Norske frivillige i den spanske vorgekrigen. Oslo. 1975.

Литература на русском языке

Адибеков Г. Коминформ в послевоенной Европе. М., 1994.
 Ваксберг А. Сталин против евреев. Нью-Йорк, 1995.
 Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. М., 1989.
 Ёнтофт М. Люди приграничья. Мурманск, 2007.
 Ёнтофт М. Оставшиеся без Родины. История Кольских норвежцев. Мурманск, 2002.
 Искурин М. Норвежские были. М., 1964.
 Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов. Петрозаводск, 1991.
 Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 1997.

Газеты

Афтенпостен (Aftenposten).
 Дагбладет (Dagbladet).
 Свобода (Friheten).
 Классовая борьба (Klassekampen).
 Радионовости (Radio-Nytt).
 Знак времени (Tidens Tegn).
 Верденс Ганг (Verdens Gang).
 НТБ (Норвежское телеграфное агентство) (NTB).

Другие материалы

Мы говорим со всем миром. Информационная брошюра. Голос России. М., 1999.

Голос, который знаком всему миру. Сборник статей. Голос России. М., 2009.

Nordahl Grieg. Dramaet i Moskva. Veien Frem. 1937. № 2.

Сайты

<http://no.wikipedia.org/wiki/Radiohistorie>

<http://da.digitalarkivet.no>

http://www.snl.no/nbl_biografi/Andreas_Paulson/utdypning

<http://swedish.ruvr.ru>

http://en.wikipedia.org/wiki/Great_Purge

<http://no.wikipedia.org/wiki/Gulag>

http://www.snl.no/nbl_biografi/Peter_Furubotn/utdypning

<http://www.arkivverket.no/arkivverket/Tema/Andre-verdenskrig-i-Norge/Samfunnslivet/Radio-og-kringkastning>

<http://www.yale.edu/annals/Chase/Documents/>

<http://mdz-moskau.eu/pring.php?date=1159793165>

<http://leksikon.org/art.php?n=1548>

<http://digitalt.uib.no/bitstream/1956.2/2809/7/1941.nr.95.pdf>

<http://www.sannhistorie.net/quislverdkamp.htm>

<http://digitalt.uib.no/handle/1956.2/2914>

http://www.nsa.gov/public_info/_files/venona/1943/13may_olav_roland_eric2.pdf

http://fib.se/fib_1/skrft298.html

http://de.wikipedia.org/wiki/Willi_Bredel

http://en.wikipedia.org/wiki/Rudolf_Slansky

http://snl.no/nbl_biografi/August_Lange/utdypig

<http://www.ssb.no/emner/00/01/10/stortingsvalg/histtab/t-1945-prosent.html>

http://www.ssb.no/histstat/nos/nos_x_165.pdf

http://no.wikipedia.org/wiki/Stortingsvalg_1949

http://no.wikipedia.org/wiki/Per_Monsen

<http://communist-chronicles.com/index.php?section=articles-&fetch=21>

<http://century.guardian.co.uk/1950-1959/Story/0,,105154,00.htm>

http://no.wikipedia.org/wiki/Stortingsvalet_1953

http://en.wikipedia.org/wiki/On_the_Personality_Cult_and_its_Consequences

http://sovjetiske-krigsfanger.no/filer/pfd_sovjetiske_krigsfanger/7.tall_repatriering_zemskov.pdf

http://magtudin.org/corvin_circle_1956.htm

http://en.wikipedia.org/wiki/Jewish_Autonomous_

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрахамсен, торговец – 5
Адамов Джо (Адамов И. А.) – 71, 95
Александров Василий – 48
Александров Григорий – 20, 21
Александрова Ксения – см.
    Сунд Ксения Александрова
Александрова Марианна – 125, 160,
    176, 183, 203
Алсвик Эйнар – 10
Амундсен Руальд – 9
Андворд Рольф – 91, 96, 97, 104, 105
Андерсен Андреас – 119–121, 146
Андерсен Трюгве – 183, 207
Андерсен Ялмар «Яллис» – 144
Антониуссен Рольф – 142
Асбьорнсен Петер – 136
Аспос Елена (Хелен) – 79, 86, 89, 97
Аспос Леонард – 79, 89, 95, 97, 107
Аукрюст Одд – 210
- Бабаева Клавдия – 15, 23, 24, 66
Баймлер Ханс – 12
Барман Томас – 89
Белицкий Борис – 177
Белов – см. Георгий Дамианов
Белоусова Пелагея – 78, 79
Беляков Евгений – 177
Бён Кристиан – 43
Берг Гуннар – 73, 74, 77
Берг Сольвейг – 57, 73, 74, 77, 78, 81,
    86, 89, 100, 101, 106
Берия Лаврентий – 137–139
Бернхардсен Арне – 215
Берсет Одд – 207
Биэленберг Туре Ярл – 159, 160, 171,
    172, 178, 215
Бредель Вилли – 93, 112
Бредель Май – 93, 98, 112
Брежнев Леонид – 208
- Бродланд Эрик – 186, 187
Бродткорп Берглиот – 131
Броз Жарко – 78, 79
Броз Иосиф (Тито) – 78, 79, 113, 125
Брокманн Бертрам Дюбвад – 32
Брюн Асбьорн – 119, 149, 165, 168,
    183, 184, 190
Бухарин Николай – 22, 39
Бьорнсен Кнут – 201
- Вагнер Бертиль – 40, 41, 66, 93, 126,
    129, 177
Вален Хенри – 122, 147, 196
Валентинсен Вилли – 85
Валлениус Аллан – 13, 31
Валлеруд Лейф – 168
Варга Евгений («Самуилович») – 39
Вергелис Арон – 171
Вергелис Фаина – 171
Весенберг Карл – 203, 208
Весенберг Май – 76, 84, 85, 104–106,
    108, 115, 125, 127–130, 144, 148,
    149, 158, 180–183, 203, 208, 209,
    211, 214, 215
Весенберг Ян – 203, 208
Веташев Александр – 86
Ветти Нурманн – 147, 196
Виик Рагнар – 207, 208
Владимирова Вера – 98
Волл Аксель – 30–32, 34, 35, 84
Вуори Эеро А. – 187
Высоцкий Владимир – 203
Вышинский Андрей – 23
- Гагарин Юрий – 177, 202, 206
Галай Владимир – 145
Галозн Йенс – 13
Гарденина Ирина – 126, 215
Геббельс Йозеф – 37, 63

Геминдер Бедржих – 95, 98, 99
 Герасимов Валентин – 183, 188
 Герхардсен Верна – 151, 176, 177
 Герхардсен Тове Странд – 211, 212
 Герхардсен Эйнар – 27, 102, 113, 148, 151, 152, 176, 177, 183, 186, 197
 Гилельс Эмиль – 178
 Гитлер Адольф – 10, 39, 40, 42–44, 53, 54, 59, 61–63, 81, 82
 Гончаренко Олег – 172
 Горький Максим – 30
 Готтвальд Клемент – 76, 156
 Гран Хульда Фриск – 111
 Грете Тим – 122
 Григ Нурдал – 23, 45, 46, 87, 200
 Григ Эдвард – 134, 152, 167, 184
 Гримсгор Эйнар – 196
 Грифт Хенк, ван дер – 201
 Гришин Евгений – 188
 Громыко Андрей – 148
 Гроссман Владимир – 71
 Грушко Виктор – 177
 Гундерсен Фритьоф Франк – 165

 Дал Йорген – 54
 Далланд Анна – 8–18, 22, 23, 26, 27, 41–44, 46, 52, 57, 61–64, 66, 68, 70, 74, 85, 86, 91–93, 95, 100, 103, 106, 111, 112, 126, 143, 213
 Далланд Бьярне – 11, 68
 Далланд Клара – 8, 13, 16, 17, 42–44
 Далланд Рандульф – 9–16, 22, 44, 46, 51, 52, 61, 62, 66, 68, 92, 93, 100, 103, 111, 189
 Далланд Турвальд – 68
 Далланд Эва – 8–12, 14–17, 23, 24, 42, 44, 62, 64, 66–68, 92, 93, 100, 111
 Даллес Аллен – 192
 Дженис – 107
 Димитров Георгий – 29, 30, 33, 44, 54, 60, 77, 80, 81, 88, 94, 97, 98, 110
 Достоевский Федор – 188, 200
 Драковна Беатрис – 107
 Дудина Вера – 48

 Евтушенко Евгений – 203
 Егерфельт Сикстен, фон – 18, 21, 66, 93, 126, 129, 137, 155
 Ежов Николай – 30, 33

Жданов Андрей – 135
 Жуков Георгий – 101, 138

 Зиновьев Григорий – 22, 30, 55, 169

 Йорум Эйнар – 201
 Йохансен Герда Странд – 114, 115, 124, 125, 130, 144, 148, 158, 183, 203, 212
 Йохансен Елена (Хелене) Странд – 26, 27, 113
 Йохансен Йохан Странд – 25–27, 46, 49, 50, 113–115, 141, 203, 204

 Калхейм Рагнар – 197, 198
 Каменев Лев – 22, 30, 169
 Кан Александр – 126
 Капитонов Лев – 172, 183, 200
 Карлсен Вальтер – 183
 Касарян Ира – 183
 Касьяненко Юлиана Яновна – 126, 178
 Квислинг Видкун – 47, 71, 72, 83
 Кекконен Урхо – 187
 Кёстлер Артур – 22
 Ким Ир Сен – 118
 Киран Хартвиг – 109, 172
 Кирквог Рольф – 180
 Кирсанова Клавдия – 13
 Киселёв Дмитрий – 212
 Кнудсен Сигне – 184
 Кнудсен Уле М. – 183
 Кнутсен Мартин Гуннар – 130–134, 137, 138, 140, 144, 148, 149, 155, 161, 164, 177, 212
 Кнутсен Эдит Халвари – 130, 131, 133, 148, 149
 Кобыш Виталий – 144, 172–174, 183
 Коллонтай Александра – 47, 48, 175, 209
 Краг Алекс – 86
 Кране Георг – 122
 Кривоносов Михаил – 144
 Кристиансен Генри В. – 16
 Крымова Нина – 171, 175, 176, 183
 Кунерт (Франц Фальк Геза Ретманн) – 32, 34
 Куусинен Айно – 38
 Кучин Александр – 9

Ланге Август – 104, 105, 122, 129
Ланге Халвард – 104, 122, 129, 147,
186, 207
Лангфельдт Кнут – 33, 111
Ларсен Аксель – 114
Ларсен Рейдар Т. – 86, 156, 157
Ласси Ивар – 13
Лаурсен Георг – см. Мольтке Георг
Левитан Юрий – 60, 64, 133, 134, 202
Лёвлиен Эмиль – 31, 35, 114, 130, 141,
156, 209
Ленин Владимир – 13, 15, 19, 20, 22,
46, 55, 94, 112, 125, 133, 157
Ли Трюгве Х. – 89, 90, 176
Лигтвор Йенс – 85
Лике Карл К. – 109
Линд Галина – 205
Линд Пер – 6, 193, 199–207, 215
Липпе Юст – 17, 166, 199
Литвинов Максим – 169, 170
Лорентссон Эми – 209
Лунден Сири Свердруп – 142
Лупанин Илья – 166, 180, 200
Любимов Александр – 212
Любимов Юрий – 203

Майер Фред Антон – 201
Майорова Тамара – 63, 100, 107, 126
Маленков Георгий – 137
Манн Томас – 40
Мануильский Дмитрий – 30
Марская Стефания – 60
Масенг Эйнар – 52
Миккельсен Альф – 53
Миккельсен Марен – 154
Молотов Вячеслав – 6, 59, 60, 64, 170,
171
Мольтке Георг Францевич
(Георг Лаурсен) – 54–56, 68–70,
78, 106, 125, 138
Монсен Пер – 123, 183
Му Финн – 152
Мякеля Рой – 158

Нансен Лив – см. Йохансен Герда
Странд
Нансен Пер – см. Йохансен Йохан
Странд
Нансен Фритьоф – 47, 107, 152
Ненашев Станислав – 144

Николай, митрополит – 142
Нильсен Нурман – 183
Нильссон Йонни – 201
Нурдал Конрад – 102
Нюбё Ларс – 84

Ойнес Туре – 196
Ойстрах Давид – 178
Окermann Биргер – 11, 160
Оксневад Туральв – 109
Олгор Уле – 146, 183, 196, 197
Олссон Май – см. Бредель Май
Ординг Арне – 122
Орстад Анна – см. Далланд Анна
Орстад Сигурд – см. Далланд
Рандульф

Паульсон Андреас – 8, 9
Паульсон Анна Хагеруп – см.
Далланд Анна
Паульсон Ослауг Хагеруп – 9
Пауэрс Фрэнсис Гэри – 145, 192, 193
Петерссон Хульда – 21
Петлова Светлана – 183
Петтерсен Арне – 204
Петтерсен Карл – 142
Питерская Анна Георгиевна – 204
Плисецкая Майя – 178
Поляков Николай – 163
Прокофьев Сергей – 16
Пушкин Александр – 200

Раббос Гуннар – 183, 184
Ратгауз Мириам – 16
Ратке Август – 85, 91
Раховская Зинаида Александровна –
30, 35, 106
Рекнагель Хельмут – 201
Рённестад Георг – 142
Рённинг Харальд – 181–184, 196
Рестан Пер – 160
Ретманн Геза – см. Кунерт
Рихтер Святослав – 178
Родад Уле – 118, 119
Роздоржний – 114
Роландер Вера – 199
Роландер Юлиус – 199
Рустад Ида – 102
Рыков Алексей – 39
Рюгг Андреас Киелланд – 195

Савик Станислав (Савич Стейн) – 118, 120, 134
 Сало Ассер – 13
 Саннес Йон – 140, 152
 Свендсен Кристи – 149, 187
 Свендсен Турбьорн – 201
 Свендсен Эйвинд – 148–151, 153, 155–157, 160, 163, 166, 177, 178, 180–187, 190
 Свендсен Эрик – 150
 Свендсен Эрна Фоссум – 149–151, 153, 156, 163, 176–178, 180, 182, 183, 185, 215
 Свенссон Пер – 160
 Сверд Эрнст – 143
 Сёдерстрём Сверре – 53, 76
 Сёдерстрём Фритьоф – 75
 Сёдерстрём Эльвида – 76
 Сергеев Борис – 197
 Скард Йон – 207
 Скау Альф – 86
 Скиве Йенс – 102
 Скойен Пер – 129
 Сланский Рудольф – 99
 Смит Йон – см. Готфред Хёльволл
 Сневе Хокон – 53, 86–898, 95, 96, 107, 110
 Снежко Надежда – 41, 46, 57, 71, 96
 Снядый Иеронимус – 128, 208
 Снядый Карл «Карло» – 127, 128, 130, 180, 181, 208
 Снядый Мария Эллебю – 128
 Снядый Феликс – 128
 Солженицын Александр – 200
 Соможий Лайош – 164
 Сталин Иосиф – 6, 10, 12, 15, 21–24, 27, 29, 30, 33, 36, 38, 42, 43, 45, 50, 52–55, 60, 74, 79–81, 102, 113, 124, 125, 127, 128, 130–137, 140–142, 148, 156, 157, 169–172, 178, 179, 181, 182, 187, 200, 204
 Стафф Карл – 180
 Стерлина Елена (Хелене) – см. Йохансен Елена Странд
 Стерлин Наум – 26
 Стернина Тая – 18, 20, 21, 23, 41
 Стеффенс Вильям – 90, 91, 96
 Страндлис Сверре – 144
 Стрём Эмиль – 18, 20
 Сунд Карл – 46

Сунд Ксения Александрова – 48–51, 64, 65, 69, 100, 107, 125, 129, 151, 176, 177, 180, 183, 203, 209, 215
 Сунд Хокон Карс – 45–51, 64, 66, 70, 81, 106, 107

Тамашина Берта – 171, 176, 214, 216
 Тандберг Вебьорн – 173, 174
 Тегенгрэн Хелмер – 198
 Тесдал Гуннар – 184
 Тиббетс Маргарет Джой – 207
 Тито – см. Броз Иосиф
 Тольятти Пальмиро «Эрколи» – 39, 76, 94
 Торез Морис – 94
 Троцкий Лев – 22, 169
 Туоминен Арво – 28

Улав, кронпринц – 148
 Ульбрихт Вальтер – 93, 94
 Ульсен Нильс – 12
 Ульсен Карл – 33
 Ульсен Лайла – 207
 Ульсен Рагнвальд – 33
 Устведт Ханс Якоб – 104

Уагервик Аксель – 74
 Фальк Франц – см. Кунерт
 Фаркаш Йожеф К. – 164
 Фонштейн – 37–39, 170
 Форбек Рагнар – 142
 Фоссум Эрна – 149, 182, 215
 Фостерволл Коре – 173
 Франко Франциско – 12, 14, 16, 40, 43, 51, 61, 62, 111
 Фрумкина Мария Яковлевна – 13, 26, 38, 169, 170
 Фурре Берге – 142
 Фуруботн Гильберт – 7, 27–36, 40, 41, 43–46, 50, 52, 56–58, 63, 64, 66–70, 74, 76, 81, 85, 88, 91, 95, 96, 100, 106, 110, 111, 213
 Фуруботн Гина – 27, 69
 Фуруботн Магда – 27, 31, 35
 Фуруботн Педер – 27, 28, 31, 32, 34, 35, 49, 68, 69, 72, 77, 84, 87, 95, 106, 110, 113, 114, 130
 Фуруботн Рут – 27, 32
 Фуруботн Сольвейг – 32, 106, 111

Халвари Альфред – 130, 131
Халвари Оге – 53
Халвари Эдит – 130, 131, 148, 149
Халдорсен Берит – 164, 166–168,
188–191, 199, 206, 210–212
Халдорсен Кристиан – 7, 161, 162,
164–168, 177, 188–193, 195, 199,
203, 204, 206, 209–211, 215
Халдорсен Трульс – 190
Хансен Берит – см. Халдорсен Берит
Хансен Биргит – 11
Хансен Гуннар – 155
Хансен Маргрете – 70, 103
Харлем Гудмунд – 167, 186
Хауган Сольвейг – 152, 153
Хауге Йенс Кристиан – 121
Хедеманн Рейдар – 120
Хейберг Густав – 186
Хейердал Тур – 172
Хеймо Мауно – 13
Хельволл Андреассен Ванья – 75,
77–79
Хельволл Бьорн – 77
Хельволл Герда – 75, 78
Хельволл Готфред – 53–56, 74–81,
86–89, 91, 94–99, 107, 109, 110, 112,
124, 125, 130, 141, 143, 199
Хельволл Хильдур – 74, 75, 77, 78, 86,
97, 110
Хелсет Улаф – 102
Хильт Кристиан – 84, 102
Хлопин Василий – 166
Хорти Миклош – 39, 163
Храмцов Юрий – 145
Хрущёв Никита – 6, 138, 157, 162, 172,
178, 181, 186, 187, 192, 195, 197,
198, 200, 201, 203, 204, 207, 208

Цырлина Валентина – 183

Чайковский Пётр – 16, 134, 153, 178,
184, 190
Чапская Сигрид – 127
Чекини Луис – 37
Чёрчилль Уинстон – 80, 136
Чехванов Алексей – 100, 101, 103, 126

Шилков Борис – 144
Шолохов Михаил – 200
Шостакович Дмитрий – 16, 178, 179
Шпигова Тамара – 15
Шрагин Виктор – 172–174
Шуленбург Фридрих-Вернер,
граф фон дер – 59
Шульц Марта – 23, 41, 64, 66, 93, 126,
127

Щербаков Александр – 81

Эберхардт Ярл – см. Океманн Биргер
Эванг Вильгельм – 118, 119, 121, 146,
149, 165, 195
Эйду Колбьорн – 86
Эйдем Одд – 123
Эйзенхауэр Дуайт Д. – 192
Эйнштейн Альберт – 136
Энгельс Анни – 21
Эренбург Илья – 84
Эриксен Рикард – 76
Эрикссон Тюре – 199
Эрколи – см. Пальмиро Тольятти

Юрсетт Пер – 201

Якобсен Кнут Дал – 122, 147, 196
Якубович Игнатий – 170
Яники – 32, 34
Янова Юлиана – см. Касьяненко
Юлиана Яновна

СОДЕРЖАНИЕ

На службе у советской пропаганды	5
Наш адрес: Дом радио, Москва	8
«Говорит Москва!»	18
Нужно «почистить» Коминтерн!	25
«Мы забыли, что такое выходные»	37
Чужие в Москве	45
Используйте нас!	52
На Московское радио падают бомбы	59
Работаем, надеемся и верим... ..	66
«Красная звезда»	73
Радионовости из Москвы	83
Народная радиостанция заканчивает работу	92
Скандинавский кофейник	100
От Фуруботна до Странда Йохансена	109
«Москва постоянно следит за нами!»	117
Песни о Сталине не трогают сердца норвежцев	124
Сталин умер!	133
Скоростные лифты и метание молота	140
Г. Т. из Драммена и Х. П. из Тронхейма	148
Москва с протяжным «о»	158
Будет больше лекций, чем репортажей	169
Кто же все-таки «стучал»?	175
Субботний вечер в студии	180
«Нам не нравятся норвежские передачи Московского радио»	185
Люди хотят слушать про коньки и про Гагарина	195
Неизвестная часть истории норвежских СМИ	206
Послесловие	214
Примечания	218
Использованные источники	239
Указатель имен	242

Научное издание

Йентофт Мортен

ГУД ДАГ! ГОВОРIT МОСКВА!
Радио Коминтерна, советская пропаганда и норвежцы

Перевод с норвежского *Елены Гончаровой*

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*

Редактор *Е. А. Кочанова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов, А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *М. А. Богданова*

Корректор *А. А. Берсенева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 23.10.2013.

Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,5.

Тираж 1000 экз. Заказ 8600,8601

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел./Факс 8(499) 685-15-75 (доб. 116 — отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в ОАО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Гуд даг! Говорит Москва!

Мортен Йентофт (р. 1956) –
журналист редакции международных программ
Норвежской государственной телерадиокорпорации (НРК).
В течение ряда лет работал корреспондентом в Москве
и Хельсинки.

Ранее изданные книги: «Verkebyllen»
(1995, в соавторстве с Оддом Исунгсетом),
«De som dro østover» (2001),
«Menneske ved en grense» (2005) и «Døden på Kola» (2008).

Библио-Глобус
ООО "Беркут"
г. Челябинск, Молдавский, 16. Тел. (315) 799-22-05.
КТК: 0500
785824 318036
Йентофт М. Гуд даг! Говор
Цена: 369,00